П. ЖИЛЬЯРЪ

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II И ЕГО СЕМЬЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания о последнем русском царе и его семье, написанные швейцарцем — гувернером детей Николая II, преподававшим им французский язык. Охватывают довоенные годы, период Первой мировой войны, двух революций и ссылки царской семьи в Тобольск, куда Жильяр добровольно поехал вместе с ней. В Екатеринбурге автор был отделен от семьи царя советскими властями, однако сразу после вступления в город белых армий участвовал в расследовании обстоятельств расстрела царской семьи, чему посвящены последние главы книги.

- Пьер Жильяр
  - От книгоиздательства «Русь»
  - Предисловие
  - Предисловие автора
  - Глава I. Мои первые уроки при Дворе (осень 1905 г.)
  - Глава II. Алексей Николаевич Поездки в Крым (осенью 1911 г. и весною 1912 г.) и в Спалу (осенью 1912 г.)
  - Глава III. Мои первые шаги в качестве наставника. Болезнь цесаревича (август 1913 г.)
  - Глава IV. Императрица Александра Феодоровна
  - Глава V. Распутин
  - Глава VI. Жизнь в Царском Селе. Мои ученики (зима 1913–1914 г.)
  - Глава VII. Влияние Распутина. Вырубова. Мои воспитательские недоумения (зима 1913–1914, продолжение)
  - Глава VIII. Путешествия в Крым и Румынию. Посещение президента Пуанкарэ. Объявление войны Германией (апрель-июль 1914 г.)
  - Глава IX. Царская семья в первые дни войны. Путешествие в Москву (август 1914 г.)
  - Глава X. Первые шесть месяцев войны
  - Глава XI. Отступление русской армии. Государь принимает на себя Верховное командование. Увеличивающееся влияние Государыни (февраль-сентябрь 1915 г.)
  - Глава XII. Император Николай II Верховный Главнокомандующий. Приезд Цесаревича в Ставку. Поездки на фронт (сентябрь-декабрь 1915 г.)
  - Глава XIII. Государь и Дума. Галицийская кампания.

Наша жизнь в Ставке. Растущее недовольство в тылу (1916 год)
- Глава XIV. Политическое напряжение. Смерть Распутина (декабрь 1916 г.)
- Глава XV. Революция. Отречение Николая II (март 1917 г.)
- Глава XVI. Император Николай II
- Глава XVII. Как смотрели на революцию в Александровском дворце. Возвращение Государя в Царское Село
- Глава XVIII. Пять месяцев заключения в Царском Селе (март-август 1917 г.)
- Глава XIX. Наше заключение в Тобольске (август-декабрь 1917 г.)
- Глава XX. Конец нашего тобольского заключения (январь-май 1918 г.)
- Глава XXI. Екатеринбург. Кончина Царской Семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 г
- Глава XXII. Обстоятельства преступления, установленные следствием
- Заключение

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66

- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82

Пьер Жильяр
Император Николай II и его семья

По личным воспоминаниям П. Жильяра — бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича

От книгоиздательства «Русь»

Настоящая книга является единственным полным разрешенным автором русским изданием.

Мы сознательно изменили текст заглавия, принятого автором: «Трагическая судьба Николая II и его семьи», дабы это издание не смешали, по недоразумению, с появившимися ранее без разрешения автора двумя другими переводами его статей, помещавшихся во французском журнале «Illustration». Как видно из предисловия автора, эти статьи, расширенные и дополненные, вошли в содержание последних глав настоящей книги, заключающей в себе, кроме того, воспоминания Г. Жильяра за 13 лет пребывания его при Дворе, в качестве Наставника Царских детей.

Считаем долгом выразить искреннюю благодарность С. Д. Сазонову, согласившемуся предпослать этой книге несколько страниц своих личных воспоминаний, и генералу Е. К. Миллеру, любезно сообщившему нам подлинный текст акта отречения от престола Императора Николая II и прощального слова его войскам.

Предисловие

Мне неоднократно приходилось встречаться с автором прекрасной книги, появляющейся ныне в переводе на русский язык. В ней близким очевидцем передается, просто и правдиво, рассказ о семейной жизни трагически погибшей Царской семьи и скорбная повесть о ее судьбах с начала русской революции вплоть до мученической кончины всех ее членов.

Едва ли мог бы кто-либо иной из лиц, близко стоявших к Царской семье, дать нам с большим правом на наше внимание и доверие эту книгу, как не иностранец, чуждый одинаково партийности, заедающей нашу жизнь, и соображений честолюбия или личной выгоды, скромно исполнявший свой долг преподавателя Царских детей и живший в ближайшем соприкосновении с семьей Государя, не внешней, показной, а внутренней, будничной ее жизнью.

Наблюдательность и живой человеческий интерес, которые г-н Жильяр вносит в исполнение принятых на себя обязанностей, дали ему возможность всесторонне ознакомиться с чрезвычайно замкнутым строем жизни семьи, ревниво оберегавшей свое семейное святилище не только от всяких посягательств извне, но даже от нескромнаго взора.

Мои встречи с Жильяром начались, сколько я помню, в Ливадии, куда я ездил для доклада Государю во время пребывания там Двора и где я обыкновенно проводил некоторое время. В Крыму Царская семья жила гораздо свободнее, чем в Царском Селе или Петергофе. Этим, в значителной степени, объясняется любовь к Ливадии всех ее членов.

Там создавалась для них возможность более свободных передвижений и встреч с людьми иными, кроме тех, которые постоянно исполняли при них какие-нибудь служебные обязанности, словом, — расширялись их горизонты. По выражению одной из Великих Княжен, в Крыму была жизнь, а в Петербурге — служба.

Когда началась война, и поездки в Крым прекратились, мне пришлось ездить сперва в Ставку Великого Князя Николая Николаевича, когда он стоял во главе армии, причем обыкновенно мои поездки в Барановичи совпадали с пребыванием там Государя, а затем, после принятия им на себя обязанностей Главнокомандующего, я ездил в Могилев, куда была перенесена Главная Квартира. Когда, что случалось часто, Наследник гостил у своего отца, его неизменно сопровождал Жильяр, и в этих случаях мне приходилось видать их обоихь.

Из этих поездок в Могилев мне особенно памятна одна, та, которую я совершил в конце июня 1916 года.

Война, казалось, затягивалась на бесконечное время. Немцы сильно теснили на западном фронте наших союзников, Польша уже более полугода была во власти врагов, и на нас тяжело отзывался, нравственно и матерьяльно, недостаток вооружения и боевых запасов. Воодушевление и вера в успех, ознаменовавшие первую стадию войны, начинали уступать место раздражению и сомнениям. Соответственно с этим и внутреннее положение страны становилось все более смутным, благодаря резко обнаруживавшемуся расколу между правительственной властью и общественным мнением.

И в Царской Ставке ощущался гнет тяготевших над Россией событий. Лица, окружавшие Государя, расспрашивали подробно людей случайных, как я, о петроградских слухах и настроениях и отвечали, в свою очередь, на наши вопросы о положении вещей на разных фронтах.

У Государя был тот сосредоточенный вид, который я замечал у него со времени объявления войны и без которого я уже его не видел вплоть до последнего нашего свидания, за месяц до начала революции. Искать тому причин не приходилось. Их было множество, и они были для всех очевидны. Постоянное напряжение нервов и тревога о ходе военных действий отозвались на нем и физически. Он сильно похудел, и на висках и в бороде появились в большом количестве седые волосы. Оставались по-прежнему приветливый взор прекрасных, унаследованных от матери глаз и добрая улыбка, хотя она и стала появляться гораздо реже.

Во всех остальных отношениях он был тем же, каким был всегда, со всеми привлекательными чертами и некоторыми недочетами его типично русского характера. Только присущее ему с раннего детства глубокое религиозное чувство стало, как будто, еще интенсивнее. Глядя на него у церковных служб, во время которых он никогда не поворачивал головы, я не мог отделаться от мысли, что так молятся люди, изверившиеся в помощи людской и мало надеющиеся на собственные силы, а ждущие указаний и помощи только свыше. В его душе к горячей и искренней вере примешивалось, странным образом, какое-то чувство безнадежности, в чем он сам сознавался, называя себя фаталистом. Из факта совпадения дня его рождения с празднованием церковной памяти Иова Многострадального он выводил заключение, что жизнь его будет богата скорбными событиями, и как будто постоянно ожидал их наступления. Этому предчувствию, к несчастью, было суждено сбыться с ужасающей

полнотой.

Что бы ни происходило в душе Государя, он никогда не менялся в своих отношениях к окружавшим его лицам. Мне пришлось видеть его близко в минуту страшной тревоги за жизнь единственного сына, на котором сосредоточивалась вся его нежность, и кроме некоторой молчаливости и еще большей сдержанности, в нем ничем не сказывались пережитые им страдания. Это было осенью 1912-го года, в Спале, куда я выехал, по его приказанию, для доклада о моем путешествии в Англию и во Францию и о свиданиях моих с тамошними государственными деятелями. Я нашел Царскую семью в полном сборе. Первые же мои впечатления ясно указывали на то, что виденные мной в заграничной печати известия о болезни Цесаревича были не только не преувеличены, но давали далеко не полную картину серьезности его положения. Между тем, по внешности, все шло как будто обычным чередом. На ежедневных завтраках и обедах появлялись Государь и Великия Княжны, отсутствовала только Императрица, не отходившая ни на минуту от постели больного сына.

Государь принял от меня несколько докладов, подробно говорил со мной о делах и с интересом расспрашивал меня об английской королевской семье, с которой он был, из всех своих родственников, в наиболее близких отношениях. А между тем, в нескольких шагах от его кабинета, лежал при смерти его сын, вымоленный у Бога матерью своей, Наследник Русского Престола, за жизнь которого он отдал бы свою.

На третий день моего пребывания в Спале я узнал от пользовавших Наследника врачей, что на выздоровление больного было мало надежды. Мне надо было возвращаться в Петроград. Откланиваясь Государю перед отъездом, я спросил его о состоянии Цесаревича. Он ответил мне тихим, но спокойным голосом: «надеемся на Бога». В этих словах не было ни тени условности или фальши. Они звучали просто и правдиво.

Сдержанность и самообладание Императора Николая были хорошо известны и составляли предмет удивления всех, кто имел случай наблюдать их. Это были уже не черты нацюнального характера, а качества, выработанные, вероятно, упорным и долгим трудом его разума и воли.

Как-то раз мне пришлось говорить с Государем об одном из бывших его министров, которого он не любил по многим и хорошо известным мне причинам и который, с своей стороны, старался вредить ему всеми силами в общественном мнении. Слыша его суждение об этом, в нравственном отношении мало привлекательном человеке, я выразил ему мое удивление по

поводу того, что в его оценке не звучала совершенно нота личного раздражения, столь понятного в данном случае. На это Государь ответил мне следующими словами, живо сохранившимися в моей памяти: «Эту струну личного раздражения мне удалось уже давно заставить в себе совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничему не поможешь, да к тому же от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого». Как глубоко он был прав и сколько доброты лежало в основании этого замечания!

За семь почти лет моей совместной с ним работы мне приходилось поневоле говорить ему иногда вещи, которые были ему неприятны и шли наперекор установившимся его привычкам и взглядам. Тем не менее, за все это время, он ни разу не выразил своего несогласия со мной в форме, обидной для моего самолюбия. Нередко он уступал мне, в других же случаях я видел по его молчанию, что мне не удалось убедить его в правоте моего мнения. Против этой непреодолимой, хотя и самой кроткой формы протеста, я, очевидно, бывал бессилен.

В тяжелые дни, предшествовавшие объявлению нам Германией войны, когда всем уже было совершенно ясно, что в Берлине было решено поддержать всею германской мощью притязания Австрии на господство над Балканами и что нам, несмотря на все наше миролюбие, не избежать войны, мне привелось узнать Государя со стороны, которая, при нормальном течении политических событий, оставалась мне мало известной.

Я говорю о проявленном им тогда глубоком сознании его нравственной ответственности за судьбы Родины и за жизнь бесчисленных его подданных, которым европейская война грозила гибелью. Этим сознанием он был проникнут весь, и им определялось его состояние перед началом военных действий.

Помимо всех усилий русской дипломатии найти способ предотвратить надвигающуюся на человечество катастрофу путем примирительных переговоров и посредничества, Государь взял на себя почин настоятельных попыток личным своим влиянием побудить императора Вильгельма удержать своего союзника от непоправимого шага. Он не был уверен в успехе своих стараний, но совесть его их ему предписывала и он повиновался ее голосу.

Он долгое время не хотел произнести решающее слово, необходимое для приведения русских военных сил на степень подготовленности, вызываемую открытой мобилизацией Австро-Венгрии и скрытыми подготовительными мерами Германии. Колебания эти были поставлены Государю в вину и истолковывались, как проявление присущей ему нерешительности.

Люди, близко видевшие его в эти роковые минуты, не согласятся с подобной оценкой. Она фактически неверна и несправедлива по отношению к нему, как к Правителю и человеку.

Мой последний доклад Государю в качестве министра иностранных дел пришелся на Петров день. Это было в упомянутый уже мною приезд мой в Ставку, в Могилев. Перед завтраком в губернаторском доме, где жил Государь, и в ожидании его появления, я провел некоторое время в разговоре с Наследником, который начал его с того, что спросил меня, поздравил ли я уже г-на Жильяра. На мой вопрос: с чем, он ответил: «Разве вы не знаете, что сегодня Петров день и что моего учителя зовут Пьер?» Я обещал ему исправить эту оплошность, как скоро увижу Жильяра. Вслед за тем Наследник показал мне приготовленный им для него подарок — портсигар с подобающей случаю надписью. Он был необыкновенно привлекательный мальчик с умным и открытым выражением тонкого лица, на котором были заметны следы физических страданий. Дни, которые он проводил в Могилеве у своего отца, к которому он питал глубокую привязанность, были счастливейшим для него временем, и он не скрывал своего огорчения, когда надо было возвращаться домой, под женское влияние, в полузатворническую атмосферу Царского Села и Петергофа.

В течение дня я имел случай говорить с Жильяром о его воспитаннике, о котором он отзывался с большой теплотой. Не скрывая многих детских недостатков, он находил у него немало добрых качеств и, прежде всего, горячее сердце, отзывчивое к чужому горю.

На другое утро я выехал обратно в Петроград и с тех пор не видел более Наследника.

В предисловие к книге, не касающейся общественной стороны жизни Царской семьи, а дающей лишь картину ее тесного семейного быта, было бы неуместно вводить какую-либо иную оценку, а тем более критику. Как бы то ни было, отчасти по личным воспоминаниям и еще более под влиянием книги г-на Жильяра, при чтении которой болезненно сожмется самое черствое сердце, мне хочется сказать тем, чьи суждение и злопамятство не обезоружены до сих пор страшной драмой 16-го июля, что как бы горьки ни были плоды ошибок Царской четы, ошибки эти были смыты кровью ее самой и неповинных в них детей ее. Государь и семья его несли свой крест с глубоким христианским смирением и простотой и не далеко, может быть, то время, когда русский народ увидит в погибшей Царской чете не врагов своих, а венчанных мучеников.

С. САЗОНОВ.

Франценсбад, 23 августа 1921 г.

Предисловие автора

В сентябре 1920 года, после трехлетнего пребывания в Сибири, мне удалось, наконец, возвратиться в Европу. Я сохранил живое воспоминание о потрясающей драме, в которой был близко замешан, вместе с неизгладимым впечатлением поразительного душевного спокойствия и горячей веры жертв этой драмы.

Лишенный в течение долгих месяцев всякого общения с остальным миром, я был в неведении относительно всего, что недавно появилось в печати об Императоре Николае II и его близких. Я не замедлил убедиться в том, что если некоторые из этих работ носят печать искренней заботы о точности и стремления опереться на достоверные источники, — хотя сведения, сообщаемые ими, часто ошибочны и неполны в том, что относится до Царской семьи, — за то большинство остальной литературы представляет сплошной вымысел, в котором переплетаются ложь и нелепости, словом, что это литература низшего разбора, прибегающая к самой недостойной клевете.[1] Ознакомившись с некоторыми образчиками таких произведений, я был возмущен; мое негодование возрасло, когда, к своему изумлению, я увидел, что они встречают доверие в широких кругах. Реабилитация нравственного облика русской Царской семьи становилась моим долгом; требовалось исполнить дело правды и справедливости. Я тотчас решил попытать его. Таково было происхождение статей, напечатанных мною в начале года в Illustration;[2] статьи эти, переделанные и дополненные, вошли в состав нескольких глав настоящей работы.

Я попытаюсь описать здесь драму целой жизни так, как вначале я лишь предчувствовал ее под блестящей внешностью пышного двора, и как она предстала предо мной впоследствии, во время нашего заключения, когда обстоятельства позволили мне проникнуть в интимную жизнь Царской семьи. В самом деле, Екатеринбургское преступление есть лишь завершение жестокой судьбы, развязка одной из самых волнующих трагедий, какие были когда-либо пережиты. Я хочу попытаться на последующих страницах показать ее существо и воспроизвести ее тяжелые этапы.

Мало кто подозревал эту скрытую драму; она имеет, однако, с исторической точки зрения, первостепенное значение. Болезнь Великого Князя Наследника господствует над всем концом царствования Императора Нииолая II; она одна его объясняет. Незаметно для других, эта болезнь была одной из главных причин его падения, ибо с одной стороны она вызвала влияние

Распутина, а с другой — она же имела своими последствиями роковое одиночество Царственной четы, замкнувшейся в свою жизнь, и постоянную тягостную заботу, которую надо было скрывать ото всех.

Я старался в этой книге вызвать к жизни такими, как я их знал, Императора Николая II и его близких, пытаясь оставаться всегда беспристрастным и сохраняя полную независимость суждения в изложении событий, коих я был свидетелем. Быть может, в заботе об истине, я предоставил их политическим врагам новое оружие против них, но я питаю твердую надежду, что в моем рассказе выяснится их подлинная личность, ибо меня привлекал к ним не их Императорский сан, а благородство их чувств и поразительное нравственное величие, которое они выказали в страдании.

Апрель 1921 года.

Глава I. Мои первые уроки при Дворе (осень 1905 г.)

Осенью 1904 года я принял сделанное мне предложение провести год в качестве преподавателя французского языка при герцоге Сергии Лейхтенбергском.

Отец моего ученика, герцог Георгий Лейхтенбергский был внуком Евгения Богарне; по своей матери, Великой Княгине Марии Николаевне, дочери Николая I, он приходился дядей Императору Николаю II.

Семья проживала в это время в своем маленьком имении на побережье Черного моря, где и осталась на всю зиму. Там захватили их печальные события весны 1905 года, и там мы пережили трагические часы бунтов в Черноморском флоте, бомбардировки побережья, погромов и последовавшей за ними суровой расправы. С самого начала Россия являлась предо мною в ужасном, полном угроз образе, как бы предваряя ожидавшие меня ужасы и страдания.

В начале июня семья переехала на прекрасную Сергиевскую дачу в Петергофе, которая принадлежала герцогу. Контраст был разительный: сухое побережье южного Крыма, маленькие татарские деревушки, скрытые в горах, и пыльные кипарисы сменились огромными сосновыми лесами и очаровательною свежестью берегов Финского залива.

Петергоф был любимым местом пребывания его основателя, Петра Великого. Туда приезжал он отдыхать от суровых трудов по постройке С.-Петербурга, этого города, который возник как бы по волшебному мановению его, на болотах при устье Невы, и которому суждено было соперничать с европейскими столицами.

Все в Петергофе напоминает его основателя. Прежде всего Марли, которое он сделал на время своей резиденцией, — «домик», поставленный среди воды на полоске земли, которая разделяет два больших бассейна. Далее, близ залива, Эрмитаж, где он любил угощать своих сотрудников на пирах, сопровождавшихся обильными возлияниями. Монплезир — постройка в голландском вкусе, которая была его любимым местопребыванием, со своей террасой, выдающейся над морем: нельзя не подивиться тому, как этот континентальный человек любил воду! Наконец, Большой дворец, который своими бассейнами и прекрасными далями своего парка должен был, по его замыслу, соперничать с великолепием Версаля.

Все эти постройки, за исключением Большого дворца,

которым пользовались еще для приемов, представляли вид заброшенных и пустых сооружений, которым только память прошлого возвращала жизнь.

Император Николай II разделял предпочтение своих предков к очаровательному местечку, каким является Петергоф. Каждое лето он приезжал сюда со своими и поселялся на маленькой даче — Александрии, окруженной тенистым парком, который охраняет ее от нескромных взоров.

Семья герцога Лейхтенбергского провела все лето 1905 года в Петергофе. Сообщения между Александрией и Сергиевской дачей были часты, потому что тесная дружба связывала тогда Императрицу и герцогиню Лейхтенбергскую. Таким образом я имел иногда случай видеть членов императорской семьи. Когда истек мой договор, мне предложили остаться при моем ученике в качестве наставника, а также взять на себя преподавание французского языка Великим Княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне, старшим дочерям Императора Николая II. Я принял предложение и после краткого пребывания в Швейцарии вернулся в Петергоф в первых числах сентября. Несколько недель спустя я вступил в отправление своих новых обязанностей при Дворе.

В день, назначенный для первого урока, за мной приехала дворцовая карета, чтобы отвезти меня на дачу Александрию, где еще имели пребывание Государь и его семья. Но несмотря на ливрейного кучера, карету с придворными гербами и приказания, которые, наверное, были отданы на мой счет, я на своем опыте узнал, что в резиденцию Их Величеств нельзя проникнуть без затруднений. Я был остановлен у ограды парка, и потребовалось несколько минут переговоров, прежде чем мне разрешили въезд. На повороте аллеи я тотчас же заметил две небольшие кирпичные постройки, соединенные крытым мостом. Они были такие простые на вид, что я принял их за дворцовые службы. Только когда карета остановилась, я понял, что прибыл по назначению.

Меня провели во второй этаж, в маленькую комнату с очень скромной обстановкой в английском вкусе. Дверь отворилась, и вошла Императрица, держа за руку двух дочерей, Ольгу и Татьяну. Сказав несколько любезных слов, она заняла место за столом и сделала мне знак сесть против нее; дети поместились по обе стороны.

Императрица была еще очень хороша в это время: высокого роста, стройная, с великолепно поставленной головой. Но все это было ничто в сравнении со взглядом ее серо-голубых глаз, поразительно живых, отражавших все волнения ее животрепещущей души.

Старшая из Великих Княжон, Ольга, девочка десяти лет, очень белокурая, с глазками, полными лукавого огонька, с приподнятым слегка носиком, рассматривала меня с выражением, в котором, казалось, было желание с первой же минуты отыскать слабое место, — но от этого ребенка веяло чистотой и правдивостью, которые сразу привлекали к нему симпатии.

Вторая, Татьяна, восьми с половиной лет, с каштановыми волосами, была красивее своей сестры, но производила впечатление менее открытой, искренней и непосредственной натуры.

Урок начинается; я озадачен; меня стесняет сама простота положения, которое я иначе себе воображал. Императрица не упускает ни одного моего слова; у меня совершенно ясное чувство, что это не урок, который я даю, а экзамен, которому я подвергаюсь. Несоответствие между тем, чего я ожидал, и действительностью сбивает меня. К довершению несчастья, я представлял себе, что мои ученицы прошли гораздо больше, чем оказалось на деле. Я выбрал несколько упражнений: они оказываются слишком трудными. Моя подготовка к уроку мне не в помощь, приходится импровизировать, изворачиваться… Наконец, к большому моему облегчению, звон часов положил предел моему испытанию.

В течение следующих недель Императрица регулярно присутствовала на уроках детей, видимо интересуясь ими. Ей часто приходилось, когда ее дочери оставляли нас, обсуждать со мною приемы и методы преподавания живых языков, и я всегда поражался здравым смыслом и проницательностью ее суждений.

Я сохранил от этого начала своей преподавательской деятельности воспоминание об одном уроке, который происходил за день или за два до обнародования манифеста 17 октября 1905 года. Императрица заняла в этот день место в кресле подле окна; она сразу произвела на меня впечатление отсутствующей и озабоченной; ее лицо, вопреки ее желанию, выдавало волнение ее души. Она делала видимые усилия, чтобы обратить свое внимание в нашу сторону, но вскоре впала в тягостную задумчивость, которая ее целиком поглотила. Ее вышиванье покоилось на ее коленях; она скрестила руки, взгляд ее, как будто устремленный внутрь, следил за мыслями, равнодушный к окружающему… Обыкновенно по окончании часа я закрывал книгу и ожидал, пока Императрица не встанет и не отпустит меня. Но на этот раз она до того погрузилась в созерцание, что несмотря на молчание, которое обозначало конец наших занятий, она не сделала никакого движения. Минуты шли, дети выражали нетерпение; я раскрыл свою книгу и возобновил чтение. Лишь

через четверть часа одна из Великих Княжон подошла к матери и вернула ее к сознанию действительности.

Через несколько месяцев Императрица заместила себя на моих уроках одной из своих фрейлин, княжною Оболенской. Она как бы обозначала этим конец испытанию, которому меня подвергла.

Я должен признаться, что эта перемена облегчила меня; я лучше чувствовал себя в присутствии княжны Оболенской; последняя помогала мне с большим рвением. Но от первых месяцев я сохранил совершенно отчетливое воспоминание о крайнем интересе, с каким Императрица относилась к воспитанию и обучению своих детей, как мать, всецело преданная своему долгу. Вместо высокомерной, холодной Царицы, о которой мне столько говорили, я к величайшему удивлению нашел женщину, просто преданную своим материнским обязанностям.

В это время по некоторым признакам я мог также отдать себе отчет в том, что сдержанность ее, на которую столь многие обижались и которая вызывала против нее столько враждебных чувств, была, скорее, последствием природной застенчивости и как бы маской ее чувствительности.

Одна подробность особенно ясно обнаруживает заботу о точности, которую Императрица вносила в свое попечение о дочерях, и свидетельствует также о внимательности, которую она хотела внушить им к их наставникам, требуя от них порядка, который составляет первое условие вежливости. Пока она присутствовала на моих уроках, я всегда при входе находил книги и тетради, старательно расположенными на столе перед местом каждой из моих учениц. Меня никогда не заставили ждать ни одной минуты. Впоследствии дело не всегда так обстояло.

К моим первым ученицам, Ольге и Татьяне, последовательно присоединялись, когда им наступал девятый год, сначала Мария, в 1907-ом, а потом Анастасия, в 1909 годах.[3]

Здоровье Императрицы было уже поколеблено беспокойством в связи с угрозой, висевшей над жизнью Цесаревича. Это все больше мешало ей следить за учением дочерей. Тогда я еще не представлял себе, какова была истинная причина ее кажущегося равнодушия, и расположен был ставить это ей в упрек. События не замедлили объяснить мне, в чем дело.

Глава II. Алексей Николаевич Поездки в Крым (осенью 1911 г. и весною 1912 г.) и в Спалу (осенью 1912 г.)

Царская семья проводила обыкновенно зиму в Царском Селе, красивом городке, дачном месте, километрах в 20-ти на юг от Петрограда. Он расположен на возвышенности, верхняя часть которой занята Большим дворцом, любимым местом пребывания Екатерины II. Неподалеку от него, в парке, прорезанном маленькими искусственными озерами, возвышается полускрытая деревьями постройка гораздо более скромная — Александровский дворец. Император Николай II сделал из него свою обычную резиденцию после трагических событий января 1905 года.

Император и Императрица жили в одном из дворцовых флигелей, внизу, а их дети в следующем этаже, над ними. В среднем корпусе помещались парадные покои, а противоположный флигель был занят некоторыми лицами свиты. В этих рамках, которые вполне отвечали ее скромным вкусам, жила Царская Семья.

Там в феврале 1906 года я увидел в первый раз Цесаревича Алексея Николаевича, которому было тогда полтора года. Вот при каких обстоятельствах это произошло. В этот день я по обыкновению прибыл в Александровский дворец, куда мои обязанности призывали меня несколько раз в неделю. Я уже готовился кончить свой урок с Ольгой Николаевной, когда вошла Императрица с Великим Князем Наследником на руках. Она шла к нам с очевидным намерением показать мне сына, которого я еще не знал. На лице ее сияла радость матери, которая увидела наконец осуществление самой заветной своей мечты. Чувствовалось, что она горда и счастлива красотой своего ребенка. И на самом деле, Цесаревич был в то время самым дивным ребенком, о каком только можно мечтать, со своими чудными белокурыми кудрями и большими серо-голубыми глазами, оттененными длинными загнутыми ресницами. У него был свежий и розовый цвет лица здорового ребенка, и когда он улыбался, на его круглых щечках вырисовывались две ямочки. Когда я подошел к нему, он посмотрел на меня серьезно и застенчиво и лишь с большим трудом решился протянуть мне свою маленькую ручку.

Во время этой первой встречи я несколько раз видел, как

Императрица прижимала Цесаревича к себе нежным жестом матери, которая как будто всегда дрожит за жизнь своего ребенка; но у нее эта ласка и сопровождавший ее взгляд обнаруживали так ясно и так сильно скрытое беспокойство, что я был уже тогда поражен этим. Лишь много времени спустя мне пришлось понять его значение.

В последующие годы я все чаще имел случай видать Алексея Николаевича, который убегал от своего матроса и прибегал в классную своих сестер, куда за ним тотчас приходили. Иногда, однако, эти посещения внезапно прекращались, и в течение довольно долгого времени его не бывало видно. Каждый раз такие отсутствия вызывали у всех обитателей дворца глубоко подавленное настроение, и мои ученицы тщетно старались скрыть свою печаль. Когда я задавал им вопросы, они старались на них не отвечать и говорили уклончиво, что Алексей Николаевич недомогает. С другой стороны, я знал, что он подвержен болезни, о которой говорили иносказательно и сущность которой никто не в состоянии был мне объяснить.

Как я выше заметил, начиная с 1909 года я был освобожден от обязанностей наставника герцога Сергия Лейхтенбергского и мог больше времени посвящать Великим Княжнам. Я жил в Петербурге и пять раз в неделю приезжал в Царское Село. Хотя число моих уроков значительно увеличилось, успехи моих учениц были медленны, — тем более, что Царская Семья совершала поездки в Крым на несколько месяцев. Я все более сожалел, что им не брали французской гувернантки, и, когда они возвращались, всегда замечал, что они многое забывали. Девица Тютчева,[4] их русская гувернантка, несмотря на свою большую преданность и прекрасное знание языков, не могла всюду поспеть. Чтобы заполнить этот пробел, Императрица просила меня сопровождать Царскую Семью, когда она покидала Царское Село на продолжительное время.

В первый раз я поехал в Крым при этих условиях осенью 1911 года. Я жил на маленькой даче в Ялте с моим коллегой г. Петровым, преподавателем русского языка, которого равным образом пригласили продолжать свое преподавание; каждый день мы ездили в Ливадию давать уроки.

Этот образ жизни нам очень нравился, потому что вне наших занятий мы были совершенно свободны и могли наслаждаться прекрасным климатом русской Ривьеры, не связанные церемониалом придворной жизни.

Весной следующего года Царская Семья снова провела несколько месяцев в Крыму. Нас поместили, г. Петрова и меня, в маленьком павильоне Ливадийского парка, мы обедали вместе с

несколькими офицерами и придворными чиновниками; лишь свита и некоторые приезжие приглашались на завтрак к столу Царской Семьи; вечерние обеды происходили в интимном кругу.

Однако через несколько дней после нашего приезда, желая, как я впоследствии узнал, отметить особым знаком внимания уважение к тем, кому она доверяла воспитание своих детей, Императрица пригласила нас через гофмаршала к Императорскому столу.

Я был очень тронут чувством, внушившим этот жест, но эти трапезы были связаны для нас, особенно вначале, с довольно утомительною напряженностью, хотя придворный этикет в обычные дни не был слишком требователен.

Мои ученицы также, видимо, скучали за этими длинными завтраками, и мы с удовольствием встречались в классной, чтобы возобновить наше дневное чтение в условиях полной простоты. Я довольно мало видал Алексея Николаевича. Он почти всегда завтракал с Императрицею, которая всего чаще оставалась у себя.

Мы вернулись 10 июня в Царское Село, и немного спустя Царская Семья переехала в Петергоф, откуда она уезжала каждое лето, чтобы совершать обычное плавание на яхте «Штандарт» в финские шхеры.

В начале сентября 1912 года Царская Семья отправилась в Беловежскую Пущу,[5] где она пробыла две недели, потом в Спалу,[6] в Польшу, для более продолжительного пребывания. Туда я приехал в конце сентября, вместе с г. Петровым. Немного спустя после моего приезда Императрица изъявила мне желание, чтобы я начал занятия с Алексеем Николаевичем. Я дал ему первый урок 2 октября в присутствии его матери. Ребенок, которому было в то время восемь с половиной лет, не знал ни слова по-французски, и я наткнулся вначале на серьезные трудности. Моя преподавательская деятельность вскоре прервалась, потому что Алексей Николаевич, который с самого начала показался мне недомогающим, должен был лечь в постель. Когда мы приехали с моим коллегой, мы оба были поражены бледностью ребенка, а также тем, что его носили, как будто он не способен был ходить.[7] Значит, недуг, которым он страдал, без сомнения, усилился…

Несколько дней спустя, стали шепотом говорить, что его состояние внушает живейшее беспокойство и что из Петербурга вызваны профессора Раухфус и Федоров. Жизнь, однако, продолжалась по-прежнему; одна охота следовала за другой, и приглашенных было больше, чем когда либо… Однажды вечером, после обеда, Великие Княжны Мария и Анастасия Николаевны разыграли в столовой, в присутствии Их Величеств, свиты и

нескольких приглашенных, две небольшие сцены из пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве». Исполняя обязанности суфлера, я спрятался за ширмы, заменявшие кулисы. Немного наклонившись, я мог наблюдать в первом ряду зрителей Императрицу — оживленную и улыбающуюся в разговоре со своими соседями.

Когда представление кончилось, я вышел внутренней дверью в коридор перед комнатой Алексея Николаевича. До моего слуха ясно доносились его стоны. Внезапно я увидел перед собой Императрицу, которая приближалась бегом, придерживая в спешке обеими руками длинное платье, которое ей мешало. Я прижался к стене, и она прошла рядом со мной, не заметив меня. Лицо ее было взволновано и отражало острое беспокойство. Я вернулся в залу; там царило оживление, лакеи в ливреях обносили блюда с прохладительными угощениями; все смеялись, шутили, вечер был в разгаре. Через несколько минут Императрица вернулась; она снова надела свою маску и старалась улыбаться тем, кто толпился перед нею. Но я заметил, что Государь, продолжая разговаривать, занял такое место, откуда мог наблюдать за дверью, и я схватил налету отчаянный взгляд, который Императрица ему бросила на пороге. Час спустя я вернулся к себе, еще глубоко взволнованный этой сценой, которая внезапно раскрыла предо мною драму этого двойного существования.

Хотя состояние больного еще ухудшилось, однако по внешности в образе жизни не было перемен. Только Императрица показывалась все меньше и меньше; но Государь, подавляя свое беспокойство, продолжал охотиться, и каждый вечер к обеду являлись обычные гости.

17 октября[8] прибыл наконец из Петербурга профессор Федоров. Я видел его на минуту вечером; у него был очень озабоченный вид. На следующий день были именины Алексея Николаевича. Этот день был отмечен только богослужением. Следуя примеру Их Величеств, все старались скрыть свою тревогу.

19 октября жар еще усилился: 38,7° утром, 39° вечером. Императрица вызвала профессора Федорова среди обеда. В воскресенье, 20 октября, положение еще ухудшилось. За завтраком было, однако, несколько приглашенных. Наконец на следующий день, когда температура дошла до 39,6° и сердце стало очень слабо, граф Фредерикс испросил разрешения Государя публиковать бюллетени о здоровье: первый бюллетень был в тот же вечер послан в Петербург.

Значит, потребовалось вмешательство министра Двора, чтобы решились открыто признать серьезность положения Цесаревича.

Почему Император и Императрица подвергали себя столь ужасному принуждению? Зачем, раз у них было только одно желание — быть подле своего больного ребенка, они заставляли себя показываться, с улыбкой на устах, среди своих гостей? Дело в том, что они не хотели, чтобы стало известно, какой болезнью страдает Великий Князь Наследник. Я понял, что эта болезнь в их глазах имела значение Государственной тайны.

Утром 22 октября температура у ребенка была 39,1°. Однако к полудню боли понемногу утихли, и доктора могли приступить к более полному обследованию больного, который до сих пор не позволял этого вследствие невыносимых страданий, которые он претерпевал.

В три часа дня был отслужен молебен в лесу; на нем присутствовало множество соседних крестьян.

С кануна этого дня стали служить по два раза в день молебны об исцелении Великого Князя Наследника. Так как в Спале не было храма, то с начала нашего пребывания в парке поставили палатку с маленькой походной церковью. Там теперь и утром и вечером служил священник.

Прошло еще несколько дней, в течение которых острая тревога сжимала все сердца. Наконец наступил кризис, и ребенок начал выздоравливать, но это выздоровление было медленное, и несмотря на все, чувствовалось, что беспокойство еще продолжается. Так как состояние больного требовало постоянного и очень опытного наблюдения, профессор Федоров выписал из Петербурга одного из своих молодых ассистентов, хирурга Владимира Деревенко,[9] который с этого времени остался состоять при ребенке.

В печати того времени много говорилось о болезни Цесаревича; по этому поводу ходили самые фантастические рассказы. Лично я узнал истину лишь позднее, из уст доктора Деревенко. Кризис был вызван падением Алексея Николаевича в Беловеже: выходя из маленькой лодки, он стукнулся левым бедром об ее край, и удар вызвал довольно обильное внутреннее кровоизлияние. Ребенок был уже на пути к выздоровлению, когда в Спале недостаточная осторожность внезапно осложнила его состояние. У него образовалась кровеносная опухоль в паху, которая угрожала перейти в тяжкое заражение крови.

16 ноября, когда опасность повторения стала менее угрожающей, ребенка перевезли с бесконечными предосторожностями из Спалы в Царское Село, где семья провела зиму.

Состояние здоровья Алексея Николаевича требовало постоянного и очень специального медицинского ухода. Болезнь в

Спале вызвала временное омертвение нервов левой ноги, которая отчасти утратила свою чувствительность и оставалась согнутой — ребенок не мог ее вытянуть. Потребовалось лечение массажем и применение ортопедического аппарата, который постепенно вернул ногу в нормальное состояние. Нечего говорить, что при таких обстоятельствах я не мог помышлять о возобновлении занятий с Наследником Цесаревичем. Такое положение продолжилось до летних вакаций 1913 года.

Я имел обыкновение каждое лето возвращаться в Швейцарию; в этом году Императрица дала мне знать за несколько дней до моего отъезда, что она намерена по моем возвращении доверить мне обязанности наставника Алексея Николаевича. Это известие преисполнило меня одновременно радости и страха. Я был очень счастлив доверию, которое мне оказывали, но боялся ответственности, ложившейся на меня. Я чувствовал, однако, что не имею права уклониться от тяжелой задачи, которая мне предстояла, раз обстоятельства дозволяли мне, быть может, оказать непосредственное влияние, как бы оно ни было мало, на духовное развитие того, кому придется в свое время быть монархом одного из величайших Государств Европы.

Глава III. Мои первые шаги в качестве наставника. Болезнь цесаревича (август 1913 г.)

Я вернулся в Петербург в конце августа. Царская Семья была в Крыму. Я зашел в канцелярию Ее Величества, чтобы ознакомиться с последними распоряжениями, и уехал в Ливадию, куда прибыл 3 сентября. Я нашел Алексея Николаевича побледневшим и похудевшим. Он еще очень плохо себя чувствовал. Его заставляли принимать очень горячие грязевые ванны, сильно его ослаблявшие и предписанные докторами, дабы уничтожить последние остатки его заболевания, явившегося результатом упомянутого выше случая в Спале.

Я ожидал, что буду позван к Императрице и от нее получу точные указания и распоряжения. Но она оставалась невидима, не присутствовала даже за столом. Она только просила мне передать через Татьяну Николаевну, что во время прохождения курса лечения последовательные занятия с Алексеем Николаевичем невозможны. Чтобы ребенок мог ко мне привыкнуть, она меня просила сопровождать его во всех прогулках и проводить около него возможно больше времени.

Тогда у меня произошел длинный разговор с доктором Деревенко. Он мне сообщил, что Наследник Цесаревич болен гемофилией (кровоточивостью), наследственной болезнью, в известных семьях передающейся из поколения в поколение через *женщин детям мужского* пола. Ей подвержены только мужчины. Он объяснил мне, что малейшая царапина могла повлечь за собой смерть ребенка, так как кровообращение гемофилика ненормально. Кроме того, оболочка артерий и вен так хрупка, что всякий ушиб, усиленное движение или напряжение вызывают разрыв сосудов и приводят к роковому концу. Вот какова была ужасная болезнь, которой страдал Алексей Николаевич; постоянная угроза жизни висела над его головой: падение, кровотечение из носа, простой порез — все, что для обыкновенного ребенка было бы пустяком, могло быть для него смертельно.

Его нужно было окружать особым уходом и заботами в первые годы его жизни и постоянной бдительностью стараться предупреждать всякую случайность. Вот почему к нему по предписанию врачей были приставлены, в качестве телохранителей, два матроса с императорской яхты: боцман

Деревенко и его помощник Нагорный, которые по очереди должны были за ним следить.

Когда я приступил к моим новым обязанностям, мне было не так-то легко завязать первые отношения с ребенком. Я должен был говорить с ним по-русски, отказавшись от французского языка. Положение мое было щекотливо. Не имея никаких прав, я не мог требовать подчинения.

Как я уже сказал, я был вначале удивлен и разочарован, не получив никакой поддержки со стороны Императрицы. Целый месяц я не имел от нее никаких указаний. У меня сложилось впечатление, что она не хотела вмешиваться в мои отношения с ребенком. Этим сильно увеличилась трудность моих первых шагов, но это могло иметь то преимущество, что раз завоевав положение, я мог более свободно утвердить свой личный авторитет. Первое время я часто терялся и даже приходил в отчаянье. Я подумывал о том, чтобы отказаться от принятой на себя задачи.

К счастью, я нашел в докторе Деревенко отличного советника, помощь которого мне была очень ценна. Он посоветовал мне быть терпеливее. Он объяснил, что вследствие постоянной угрозы жизни ребенка и развившегося в Императрице религиозного фанатизма, она предоставила все течению времени и откладывала день ото дня свое вмешательство в наши отношения, не желая причинять лишних страданий своему сыну, если ему, быть может, не суждено было жить. У нее не хватало храбрости вступать в борьбу с ребенком, чтобы навязывать ему меня.

Я сам сознавал, что условия были неблагоприятны. Но несмотря на все, у меня оставалась надежда, что со временем состояние здоровья моего воспитанника улучшится.

Тяжелая болезнь, от которой Алексей Николаевич только что начал оправляться, очень ослабила его и оставила в нем большую нервность. В это время он был ребенком, плохо переносившим всякие попытки его сдерживать; он никогда не был подчинен никакой дисциплине. Во мне он видел человека, на которого возложили обязанность принуждать его к скучной работе и вниманию, и задачей которого было подчинить его волю, приучив его к послушанию. Его уже окружал бдительный надзор, который, однако, позволял ему искать убежища в бездействии; к этому надзору присоединялся теперь новый элемент настойчивости, угрожавший отнять это последнее убежище. Не сознавая еще этого, он это чувствовал чутьем. У меня создалось вполне ясное впечатление глухой враждебности, которая иногда переходила в открытую оппозицию.

Я чувствовал на себе страшную ответственность; несмотря на все предосторожности, было немыслимо предупредить возможность несчастных случайностей. Их было три в течение первого месяца.

Тем временем дни шли за днями, и я чувствовал, как укреплялся мой авторитет. Я мог отметить у своего воспитанника все чаще и чаще повторявшиеся порывы доверчивости, которые были для меня как бы залогом того, что вскоре между нами установятся более сердечные отношения.

По мере того, как ребенок становился откровеннее со мной, я лучше отдавал себе отчет в богатстве его натуры и убеждался в том, что при наличии таких счастливых дарований было бы несправедливо бросить надежду.

Алексею Николаевичу было тогда 9 1/2 лет. Он был довольно крупен для своего возраста, имел тонкий, продолговатый овал лица с нежными чертами, чудные светло-каштановые волосы с бронзовыми переливами, большие сине-серые глаза, напоминавшие глаза его матери. Он вполне наслаждался жизнью, когда мог, как резвый и жизнерадостный мальчик. Вкусы его были очень скромны. Он совсем не кичился тем, что был Наследником престола, об этом он всего меньше помышлял. Его самым большим счастьем было играть с двумя сыновьями матроса Деревенко, которые оба были несколько моложе его.

У него была большая живость ума и суждения и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе. Я легко понимал, что те, которые не должны были, как я, внушать ему дисциплину, могли без задней мысли легко поддаваться его обаянию. В маленьком капризном существе, каким он казался вначале, я открыл ребенка с сердцем, от природы любящим и чувствительным к страданиям, потому что сам он уже много страдал. Как только это убеждение вполне сложилось во мне, я стал бодро смотреть на будущее. Моя работа была бы легка, если бы не было окружавшей нас обстановки и условий среды.

Я поддерживал, как уже об этом выше сказал, лучшие отношения с доктором Деревенко, но между нами был один вопрос, по которому мы не сходились. Я находил, что постоянное присутствие двух матросов — боцмана Деревенко и его помощника Нагорного — было вредно ребенку. Эта внешняя сила, которая ежеминутно выступала, чтобы отстранить от него всякую опасность, казалось мне, мешала укреплению внимания и нормальному развитию воли ребенка. То, что выигрывалось в смысле безопасности, ребенок проигрывал в смысле

действительной дисциплины. На мой взгляд, лучше было бы дать ему больше самостоятельности и приучить находить в самом себе силы и энергию противодействовать своим собственным импульсам, — тем более, что несчастные случаи продолжали повторяться. Было невозможно все предусмотреть, и чем надзор становился строже, тем более он казался стеснительным и унизительным ребенку и рисковал развить в нем искусство его избегать, скрытность и лукавство. Это был лучший способ, чтобы сделать из ребенка, и без того физически слабого, человека бесхарактерного, безвольного, лишенного самообладания, немощного и в моральном отношении. Я говорил в этом смысле с доктором Деревенко. Но он был так поглощен опасением рокового исхода и подавлен, как врач, сознанием своей тяжелой ответственности, что я не мог убедить его разделить мои воззрения.

Только одни родители могли взять на себя решение такого вопроса, могущего иметь столь серьезные последствия для ребенка. К моему великому удивлению, они всецело присоединились ко мне и заявили, что согласны на опасный опыт, на который я сам решался лишь с тяжелым беспокойством. Они, без сомнения, сознавали вред, причиняемый существующей системой тому, что было самого ценного в их ребенке. Они любили его безгранично, и именно эта любовь давала им силу идти на риск какого-нибудь несчастного случая, последствия которого могли быть смертельны, лишь бы не сделать из него человека, лишенного мужества и нравственной стойкости.

Алексей Николаевич был в восторге от этого решения. В своих отношениях к товарищам он страдал от постоянных ограничений, которым его подвергали. Он обещал мне оправдать доверие, которое ему оказывали.

Как ни был я убежден в правильности такой постановки дела, мои опасения лишь усилились. У меня было как бы предчувствие того, что должно было случиться….

Вначале все шло хорошо, и я начал было успокаиваться, — как вдруг внезапно стряслось несчастье, которого мы так боялись. В классной комнате ребенок взлез на скамейку, поскользнулся и упал, стукнувшись коленкой об ее угол. На следующий день он уже не мог ходить. Еще через день подкожное кровоизлияние усилилось, опухоль, образовавшаяся под коленом, быстро охватила нижнюю часть ноги. Кожа натянулась до последней возможности, стала жесткой под давлением кровоизлияния, которое стало давить на нервы, и причиняла страшную боль, увеличивавшуюся с часу на час.

Я был подавлен. Ни Государь, ни Государыня не сделали мне

даже тени упрека; наоборот, казалось, что они всем сердцем хотят, чтобы я не отчаялся в задаче, которую болезнь делала еще более трудной. Они как будто хотели своим примером побудить и меня принять неизбежное испытание и присоединиться к ним в борьбе, которую они вели уже так давно. Они делились со мною своей заботой и трогательной благожелательностью.

Императрица сидела у изголовья сына с начала заболевания, нагибалась к нему, ласкала его, окружала его своей любовью, стараясь тысячью мелких забот облегчить его страдания. Государь тоже приходил, как только у него была свободная минута. Он старался подбодрить ребенка, развлечь его, но боль была сильнее материнских ласк и отцовских рассказов, и прерванные стоны возобновлялись. Изредка отворялась дверь, и одна из Великих Княжон на цыпочках входила в комнату, целовала маленького брата и как бы вносила с собою струю свежести и здоровья. Ребенок открывал на минуту свои большие глаза, уже глубоко очерченные болезнью, и тотчас снова их закрывал.

Однажды утром я нашел мать у изголовья сына. Ночь была очень плохая. Доктор Деревенко был в беспокойстве, так как кровотечения еще не удалось остановить и температура подымалась. Опухоль снова возросла, и боли были еще нестерпимее, чем накануне. Цесаревич, лежа в кроватке, жалобно стонал, прижавшись головой к руке матери, и его тонкое, бескровное личико было неузнаваемо. Изредка он прерывал свои стоны, чтобы прошептать только одно слово «мама», в котором он выражал все свое страдание, все свое отчаянье. И мать целовала его волосы, лоб, глаза, как будто этой лаской она могла облегчить его страдания, вдохнуть ему немного жизни, которая его покидала. Как передать пытку этой матери, беспомощно присутствующей при мучениях своего ребенка в течение долгих часов смертельной тревоги, этой матери, которая знала, что *она причина* этих страданий, что *она* передала ему ужасную болезнь, против которой бессильна человеческая наука! Как понимал я теперь скрытую драму этой жизни, и как легко мне было восстановить этапы ее долгого крестного пути.

Глава IV. Императрица Александра Феодоровна

Будущая Императрица Александра Феодоровна, Алиса Гессенская, четвертый ребенок великого герцога Людовика Гессенского и Алисы Английской (младшей дочери королевы Виктории) родилась 6 июня 1872 года в Дармштадте. Она рано потеряла свою мать и большую часть своего воспитания получила при английском дворе. Здесь она скоро сделалась любимой внучкой королевы Виктории, перенесшей на белокурую Алису всю нежность, которую питала к ее материи.[10]

В возрасте 17 лет, молодая принцесса долго гостила в России у своей сестры Елизаветы, вышедшей замуж за Великого Князя Сергея Александровича, брата Императора Александра III. Она принимала участие в жизни Двора, присутствовала на парадах, приемах и балах и, будучи очень красива, имела успех.

Все видели уже в ней невесту Наследника Цесаревича, но вопреки всеобщему ожиданию Алиса Гессенская вернулась в Дармштадт, не дождавшись никакого предложения.

Не остался ли у нее от этого некоторый осадок? — Как бы то ни было, пять лет спустя, когда ей было сделано официальное предложение, она проявила некоторое колебание.[11] Обручение все же состоялось в Дармштадте в течение лета 1894 года; затем жених и невеста провели некоторое время при английском дворе. Наследник Цесаревич вслед за этим вернулся в Россию. Несколько месяцев спустя, молодая принцесса принуждена была поспешно ехать в Ливадию, где умирал Император Александр III. Она присутствовала при его агонии и вместе с Императорской семьей сопровождала через всю Россию гроб с останками покойного Императора.

Перенесение тела с Николаевского вокзала в Петропавловский собор состоялось в грустный ноябрьский день. Огромная толпа теснилась по пути траурного шествия, двигаясь по грязным от мокрого снега улицам. При проезде процессии можно было слышать, как женщины из простонародья, набожно крестясь, перешептывались, намекая на молодую принцессу: «Она вошла к нам за гробом, она несет с собой несчастье.»

И в самом деле, с первых же дней в России, несчастье как будто привязалось к стопам той, которую за ее веселость и ослепительную красоту в молодости называли «sunshine» — «луч солнышка.»

26 ноября, иначе говоря, менее месяца после кончины

Александра III, среди общей горести, состоялась свадьба. Год спустя, Императрица родила первого ребенка — дочь, которую назвали Ольгой.

14 мая 1896 года, в Москве, состоялась коронация молодой четы. Злой рок уже, казалось, гнался за ними, все помнят, что эти торжественные празднества дали повод ужасному случаю, который стоил жизни многочисленным жертвам. Поспешившие отовсюду на праздники крестьяне столпились ночью на Ходынском поле, где должна была состояться раздача подарков. Вследствие дурной организации произошла паника, и более двух тысяч человек были раздавлены или задохлись в канавах под натиском толпы, которую обуял ужас.

Утром, когда Царь с Царицей прибыли на Ходынское поле, они еще не были осведомлены об ужасной катастрофе. Они узнали истину, лишь вернувшись в город и то… — узнали ли они ее когда-нибудь в ее полном объеме? Как не могли понять окружающие, что, скрыв истину от молодой Царственной четы, ее лишали возможности непосредственно выказать сострадание и горе. Вместо этого создавалось отталкивающее впечатление людей, равнодушных к народному бедствию.

Засим прошло несколько лет спокойного семейного счастья, во время которых могло казаться, что злой рок разжал свои когти.

Однако задача, выпавшая на долю молодой Царицы, была не из легких. Ей нужно было привыкнуть к своему положению Императрицы и притом в обстановке самого пышного европейского двора; наиболее подверженного интригам и происка различных кружков. Она привыкла к скромной жизни в Дармштадте и испытала на себе строгий церемониал английского двора, лишь поскольку он касался ее временного пребывания на положении гостьи, молодой, всеми любимой принцессы. Понятно, что она должна была чувствовать себя неподготовленной к своим новым обязанностям и ее должна была смущать внезапная и резкая перемена образа жизни. Чувство ответственности и горячее желание посвятить всю себя на служение благу громадного народа, Царицей которого она внезапно сделалась, возбуждали в ней пыл и в то же время создавали в ней неуверенность.

Она мечтала однако лишь о том, чтобы найти доступ к сердцам своих подданных. Но она не умела им это выказать, и ее врожденная застенчивость губила ее благия намерения. Она очень скоро почувствовала, что бессильна заставить понять и оценить себя. Ее непосредственная натура быстро натолкнулась на холодную условность обстановки Двора. Ее начинания встречали атмосферу косности.[12] В ответ на свое доверие она

ожидала найти искреннюю и разумную готовность посвятить себя делу, настоящее доброе желание, а вместо того встречала пустую, безличную придворную предупредительность.

Несмотря на все усилия, она не научилась банальной любезности и искусству затрагивать все предметы слегка, с чисто внешней благосклонностью. Дело в том, что Императрица была прежде всего искренней, и каждое ее слово было лишь выражением внутреннего чувства. Видя себя непонятой, она не замедлила замкнуться в себе. Ее природная гордость была уязвлена. Она все более и более уклонялась от празднеств и приемовъ, которые были для нее нестерпимым бременем. Она усвоила себе сдержанность и отчужденность, которые принимали за надменность и презрение. Но те, кто приближался к ней в минуты страдания, понимали, сколько чуткости и потребности самоотвержения скрывалось за этой видимой холодностью. Она с полным убеждением приняла свою новую религию и в ней черпала большое облегчение в часы волнений и тревоги. Но ее нежное сердце находило главное свое питание в семейной любви; только в кругу своих она чувствовала себя счастливой.

За рождением Ольги Николаевны последовало появление на свет трех полных здоровья и жизни дочерей, которые составляли радость своих родителей. Но эта радость была не без примеси, ибо заветное их желание не было еще осуществлено: его могло осуществить только появление на свет Наследника. Рождение последней Великой Княжны Анастасии Николаевны, было в первую минуту крупным разочарованием… А годы проходили. — Наконец, 12 августа 1904 года, в разгар русско-японской войны, Государыня родила столь долгожданного сына. Радость была безгранична. Казалось, что все былые горести забыты, что перед супругами открывается новая пора счастья. Увы! Это было лишь короткой передышкой, за которой последовали новые несчастия: сначала, в январе, кровопролитие на Дворцовой площади, воспоминанию о коем, как ужасному кошмару, суждено было преследовать их в течение всей жизни, затем плачевное окончание русско-японской войны. Их единственнымь утешением в эти сумрачные дни был их любимый ребенок, но увы, скоро пришлось убедиться в том, что Цесаревич болен гемофилией. С этой минуты, жизнь матери стала сплошной, душу разрывающей тревогой. Она знала ее, — эту страшную болезнь: ее дядя, ее брат и два ее племянника умерли от нее. С детства ей говорили об этой болезни, как о чем-то ужасающем и таинственном, против чего люди бессильны. И вот ее единственный сын, этот ребенок, который ей был дороже всего на свете, был поражен ею, и смерть будет сторожить его, следовать за ним по пятам, чтобы когда-

нибудь унести его, как уже унесла стольких детей в ее семье…

Нет, надо бороться, надо его спасти какой угодно ценой. Невозможно, чтобы наука была бессильна; средство спасения, быть может, все же существует, и оно будет найдено. Доктора, хирурги, профессора были опрошены, но тщетно они испробовали все способы лечения.

Когда мать поняла, что от людей ей ждать помощи нечего, она все надежды возложила на Бога. Он один мог совершить чудо! Но это вмешательство надо заслужить! Будучи и без того очень набожной, она отдалась всецело, со страстью и порывом, которые во все вносила, — православной вере. Жизнь дворца приняла строгий, почти суровый характер. Избегались празднества и сократилась до пределов возможного вся внешняя, показная жизнь, требованиям которой монархам приходится подчиняться. Семья мало-помалу уединялась от окружающих и замыкалась в себе.

Тем временем между приступами болезни ребенок возрождался к жизни. Возвращалось здоровье, и он забывал страдания и принимался за игры и веселье. В такие минуты невозможно было поверить, что он подвержен неумолимому недугу, который может унести его с минуты на минуту. И каждый раз как Императрица видела его розовые щеки, слышала его веселый смех, видела его резвые прыжки, огромная надежда наполняла ее сердце, и она говорила себе: «Господь услышал мою молитву и, наконец, сжалился надо мною». Но внезапно болезнь снова обрушивалась на ребенка, вновь повергала его на одр страданий, приводила его к самым вратам смерти.

Шли месяцы, долгожданное чудо не совершалось, приступы повторялись все более жестокие и безжалостные. Самые горячие молитвы не приносили столь страстно ожидаемого проявления милости Божией. Последняя надежда терпела крушение. Бесконечное отчаянье наполнило душу Императрицы, ей казалось, что весь мир уходит от нее.[13] И вот в это самое время к ней привели простого сибирского мужика — Распутина. этот человек ей сказал: «Верь в силу моих молитв, верь в силу моего заступничества — и твой сын будет жить». Мать уцепилась за надежду, которую он ей подавал, как утопающий хватается за руку, которую ему протягивают; она поверила ему всей силой своей души. Уже с давних пор она была убеждена, что спасение России и династии придет из народа, и она вообразила, что этот смиренный мужик послан Богом, чтобы спасти того, кто был надеждой России. Сила веры довершила остальное и, благодаря простому самовнушению, которому помогли некоторые случайные совпадения, она убедила себя, что судьба ее ребенка

зависит от этого человека.

Распутин отдавал себе отчет в состоянии души этой отчаивающейся матери, которая была сломлена борьбою и которая, казалось, дошла до предела страданий. Он понял всю выгоду, которую может из этого извлечь и с дьявольской ловкостью сумел в известной мере связать свою жизнь с жизнью ребенка.

Трудно было бы понять нравственную власть Распутина над Императрицей, если не знать той роли, которую играют в религиозной жизни православного мира странники и старцы — эти люди, не облеченные саном священника, и не монахи (хотя установилась было привычка неправильно называть Распутина «монахом»).

Странник — это богомолец, который кочует из монастыря в монастырь, из церкви в церковь, ища правды, и живет подаянием верующих. Он идет по безбрежной русской земле, направляя свой путь, как приведется, либо привлекаемый святостью места или людей.

Старец — это аскет, живущий обыкновенно в монастыре, а иногда и в затворе, наставник душ, к которому обращаются в минуты смятения и страданий. Часто бывает, что старец — это бывший странник, положивший предел своим скитаниям и поселившийся где-нибудь, чтобы покончить дни свои в созерцании и молитве.

Вот определение, данное Достоевским в его «Братьях Карамазовых»:

«Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно, в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог наконец достичь, через послушание всей жизни, уже совершенной свободы, т. е. свободы от самого себя, избегнуть участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли».

Бог дает старцу указания, нужные для вашего блага, и открывает ему пути, по которым он должен вести вас к спасению.

Старец — страж идеала и правды на земле. Он является хранителем священного предания, которое передается от старца к старцу до пришествия Царства Правды и Света.

Некоторые из этих старцев достигают замечательной нравственной высоты, и чтутся в числе святых Православной Церкви.

Влияние этих людей, живущих как бы вне духовенства,

значительно и в наши дни в России. В провинции и деревне оно гораздо сильнее влияния священниковь или монахов.

Обращение в православие Государыни было делом искренней веры. Православная религия вполне отвечала ее мистическому настроению, и ее воображение должно было прельститься стариной и наивностью обрядов этой веры. Она ее приняла со всею горячностью новообращенной. Распутин был облечен в ее глазах обаянием и святостью старца.

Такого характера были чувства, с которыми Императрица относилась к Распутину и которые были так гнусно извращены клеветою. Они имели своим источником самое благородное чувство, какое способно наполнить сердце женщины — материнскую любовь.

Судьба захотела, чтобы тот, кого облекали ореоломь святости, был на самом деле, существом недостойным и развратным. Пагубное влияние этого человека, как мы это увидим впоследствии, было главной причиной смерти тех, которые думали найти в нем свое спасение.

Глава V. Распутин

Если я счел нужным остановиться в предыдущей главе на событиях, происшедших еще до моего вступления в должность при Большом Дворе, то это потому, что они одни только могут дать понятие о тех глубоких причинах, которые сделали возможным появление Распутина и позволили ему приобрести такое большое влияние на Государыню.

Я хотел бы изложить здесь только факты, в которых я прямо был замешан и которыхе был личным свидетелем. Но ясность моего рассказа требует иного. Я должен буду на последующих страницах еще раз отступить от правила, которому хотел бы следовать. Для пояснения, необходимо сообщить читателю некоторые подробности, относящиеся к жизни и первым шагам Распутина, и постараться раскрыть среди массы легенд, сложившихся вокруг него, то, что представляется принадлежащим истории.

В каких-нибудь 150 верстах на юг от Тобольска стоит, затерявшись среди болот, тянущихся вдоль реки Тобола, небольшое село Покровское. Там родился Григорий Распутин. Его отца звали Ефимом. Как многие крестьяне того времени, он не имел фамилии. Жители деревни, которой он не был уроженцем, дали ему, когда он к ним переселился, прозвище «Новый».

Его сын Григорий вел в своей молодости обыкновенную жизнь небогатых крестьян этой области Сибири. Неблагородная почва часто заставляет поддерживать существование изворотливостью: так же, как и они, он высматривал, что плохо лежит, воровал… Однако он скоро отличился смелостью, которую проявлял в этих предприятиях, а его распутство не замедлило создать ему славу бесшабашнаго кутежника. Его уже иначе не знали, как под кличкой «Распутин», которая как бы заменила ему фамилию.

Жители сибирских деревень имеют обыкновение отдавать лошадей в наем путешественникам, проезжающим по их местности, а сами служат проводниками или кучерами. Однажды Распутину случилось везти в Верхотурский монастырь одного священника, который, завязав с ними разговор, был поражен живостью его природных дарований. Своими вопросами он довел его до признания в его беспутной жизни, увещевал его посвятить Богу столь дурно применяемый им пыл. Эти убеждения произвели на Григория настолько сильное впечатление, что он, казалось, захотел бросить свою развратную и темную жизнь. Он долго прогостил в Верхотурском монастыре и стал с тех пор посещать

святые места в окрестностях.

Вернувшись в свою деревню, он показался совершенно изменившимся, и жители с трудом узнавали в этом суровом и сосредоточенном человеке прежнего забулдыгу, прославившегося столькими темными приключениями. Его можно было видеть странствующим из деревни в деревню с благими речами на устах. Обладая необыкновенною памятью, он подкреплял свои речи длинными текстами из священных книг.

Народная доверчивость, которой он чрезвычайно ловко умел пользоваться, поспешила признать в нем пророка, одаренного сверхъестественными свойствами и имеющего силу творить чудеса. Для того, чтобы понять столь быстрое увлечение, надо отдать себе отчет в той страшной силе внушения, которою обладал Распутин, и в легкости, с которой народное русское воображение поддается прелести чудесного.

Добродетель нового святого по-видимому не в силах была долго сопротивляться осаждавшим его плоть соблазнам, и вскоре он вновь впал в свою беспорядочную жизнь. Правда, он теперь предавался сильному раскаянию в своих грехах, но это не мешало ему начинать сызнова. Итак уже в это время в нем была ззметна та смесь мистицизма с эротоманией, которая впоследствии сделала из него столь опасного человека.

Несмотря на все это, слух о нем все рос и рос. К нему обращались, его вызывали издалека не только в Сибири, но и в России.

Его странствования привели его, наконец, в Петербург. Он познакомился там в 1905 году с архимандритом Феофаном, ректором духовной академии, которому показалось, что он видит в нем проявления искренней веры и очень большого смирения, а также все признаки божественного вдохновения. Распутин через его посредство был введен в круги набожных людей столицы, где ему уже предшествовал слух о нем, как о пророке. Он без труда воспользовался доверием людей, самая утонченность которых усиливала их склонность к суеверию и делала для них тем более притягательными черты простонародной набожности. в его естественной грубости усматривали лишь интересную простоту человека, вышедшего из народа; были в восторге от «наивности» этой простой души…

Распутин вскоре приобрел огромное влияние на новых поклонников. Он сделался обычным завсегдатаем некоторых гостиных высшего петербургского общества и даже был принят некоторыми членами Императорской семьи, которые пели о нем хвалебные гимны Императрице. Большего ему и не было нужно, чтобы сделать последний шаг. Распутин был введен ко Двору

через приближенных Ее Величества и по личной рекомендации архимандрита Феофана. Этот факт не следует забывать, ибо в течение многих лет он ограждал его от нападков его противников.

Мы видели, как Распутин, воспользовавшись отчаянием, наполнявшим душу Императрицы, сумел связать свою жизнь с жизнью Цесаревича и таким образом приобрести все большую власть над матерью. Каждый раз его вмешательство как будто вызывало улучшение в здоровьи ребенка и тем самым усиливало его обаяние, увеличивая вместе с темъ и веру в силу его заступничества.

Однако по прошествии известного времени Распутин как будто опьянел под влиянием своего внезапного возвышения. Он счел свое положение достаточно прочным, бросил осторожность, которую соблюдал на первых порах своего пребывания в Петербурге, и вновь стал предаваться излишествам. Но делал он это с большой ловкостью, так что долгое время вводил многих в заблуждение насчет своей личной жизни. Только мало-помалу слух о его разврате стал распространяться и встречать доверие. Сначала против старца раздалось лишь несколько слабых голосов, но вскоре к ним присоединились более уверенные и многочисленные голоса. Первою попробовала разоблачить при Дворе обманщика воспитательница Великих Княжен, Тютчева. Ее усилия разбились о слепую веру Государыни. Среди обвинений, которые она возводила против Распутина, нашлись такие, которые она в порыве своего негодования недостаточно проверила. Их ложность бросилась в глаза Императрице. Видя свое полное бессилие и желая снять с себя ответственность, Тютчева просила, чтобы Распутину был, по крайней мере, запрещен вход в этаж, где жили дети. Государь вмешался в этот вопрос, и Ее Величество уступила, но не потому, чтобы ее убеждение было поколеблено, а из чувства миролюбия и снисхождения к Тютчевой, которую на ее взгляд ослепляли ее узкое усердие и самая ее преданность. Хотя я в то время был только простым преподавателем Великих Княжен — это происходило в течение зимы 1910–1911 года, — однако Тютчева[14] сама держала меня в курсе перипетий этой борьбы. Но я сознаюсь, что в то время был еще далек от мысли допустить невероятные слухи, которые ходили насчет Распутина.

В марте 1911 года оппозиция стала принимать все более угрожающий характер, и старец счел более осторожным дать время улечься этой буре и на некоторое время исчезнуть. Он отправился на богомолье в Иерусалим.

Когда осенью того же года он вернулся в Петербург, волнение

не улеглось, и Распутину пришлось выдержать нападки одного из своих прежних покровителей, епископа Гермогена. Последний при помощи суровых угроз исторг у него обещание не появляться более при Дворе, где присутствие его компрометировало Царскую семью. Едва успев отделаться от натиска епископа, который дошел до того, что даже его ударил, Распутин побежал жаловаться своей большой покровительнице, почти неразлучной подруге Императрицы, госпоже Вырубовой. Епископ был сослан в монастырь.

Так же бесцельны были усилия архимандрита Феофана, который не мог утешиться, что некогда сам выступил как бы поручителем за высокую нравственность старца и своей личной рекомендацией ввел в заблуждение Царскую чету. Он пустил в ход все, чтобы его разоблачить, но достиг лишь своего удаления в Таврическую губернию.

Распутину удалось выставить обоих епископов интриганами. Последние хотели будто бы воспользоваться им, как орудием, а теперь ревновали к той благосклонности, которую он приобрел, чувствуя, что не могут направить ее в своих личных видах, а потому желали вызвать его падение.

«Смиренный сибирский мужик» стал опасным противником, у которого полное отсутствие совести соединялось с величайшею ловкостью. Прекрасно осведомленный и имея ставленников как при Дворе, так и среди лиц, окружающих министров, он старался предупредить появление на горизонте каждого нового врага, заранее ловко набрасывая на него тень. Он предвещал под видом предсказаний нападки, которые будут против него направлены, остерегаясь однако слишком точно обозначать своих противников. Таким образом, когда против него готовился удар, в руке, которая его направляла, оказывалось уже заранее притупленное оружие. Ему случалось часто заступаться за тех, кто на него клеветал, заявляя с деланным смирением, что эти испытания необходимы для его спасения. Слепому доверию, которое они сохранили к нему до конца, способствовало то обстоятельство, что Государь и Государыня привыкли видеть, как те, кому они оказывали особое внимание, становились средоточием интриг, и как под них подкапывались. Они знали, что достаточно выразить кому-нибудь благосклонность, чтобы на него обрушились нападки завистников. Вот почему они были убеждены, что совершенно особое расположение, оказываемое ими темному мужику, должно было разнуздать против него всеобщую ненависть и зависть и сделать его жертвой самых худших поклепов.

Тем временем скандал мало-помалу стал переходить за

пределы религиозных кругов, о нем говорили, хотя еще и обиняками, в политических и дипломатических сферах и на него намекали в речах в Государственной Думе.

Весною 1912 года граф Коковцев, бывший тогда председателем Совета министров, решился переговорить об этом с Государем. Это выступление было тем более щекотливо, что до того времени влияние Распутина давало себя чувствовать только в церковных кругах и в среде Императорской семьи; это были две области, в которые Царь неохотно допускал вмешательство министров. Государь не убедился доводами доклада, но понял, что уступка общественному мнению была необходима. Несколько времени спустя посл% отъезда Их Величеств в Крым, Распутин покинул Петербург и направился в Сибирь.

Тем не менее власть его была не из тех, которые уменьшаются от расстояния. Напротив, последнее могло только возвысить обаяние старца, способствуя его идеализации.

Как и в прежние его отлучки, между Покровским и различными резиденциями Царской семьи в течение 1912 года происходил частый обмен телеграммами через посредство г-жи Вырубовой.

В отсутствии Распутин становился еще могущественнее, так как власть его была чисто психической и основывалась на вере. Над теми, кто хочет верить, власть иллюзии безгранична: история человечества дает этому доказательства.

Но сколько страданий, какие ужасные несчастия должны были произойти из-за этого рокового ослепления!

Глава VI. Жизнь в Царском Селе. Мои ученики (зима 1913–1914 г.)

Никому иному как Распутину было приписано улучшение в болезни Алексея Николаевича, наступившее после ужасного приступа гемофилии, описаннаго мною выше.

Он произошел, если читатель припомнит, вскоре после перемены режима, которую я отстаивал для Наследника, и я невольно чувствовал себя отчасти ответственным за это. Я переживал очень сильную тревогу. Приняв решение, я, конечно, усматривал грозные опасности, но считал себя в силах с ними бороться; однако испытание оказалось настолько ужасным, что я спрашивал себя, стоит ли продолжать его. А между тем, у меня было ясное чувство, что этого требовала повелительная необходимость.

Выздоровление бывало всякий раз очень медленно. После двух месяцев Государь и Государыня выказали решимость, несмотря на риск, держаться уже избранного ими пути.

Хотя доктора Боткин[15] и Деревенко были другого мнения, однако они преклонились перед волей родителей и мужественно согласились с решением, которое еще увеличивало трудности и без того уже столь тяжелой и неблагодарной задачи. Я искренно восхищался их энергией и самоотвержением. Они всегда были начеку в постоянном ожидании возможного кризиса, и как только происходил новый несчастный случай, для них начиналась борьба, тем более страшная, что они знали недостаточность средств, которыми располагали. Когда наконец после долгих бессонных ночей они имели радость видеть маленького больного вне опасности, его выздоровление приписывалось не их трудам, а чудесному вмешательству Распутина. Но отказавшись от всякого самолюбия, они находили поддержку в чувстве глубокой жалости, которую испытывали при виде смертельной тревоги родителей и мук этого ребенка, который в десятилетнем возрасте испытал больше страданий, чем люди, приблизившиеся к пределу своей жизни.

Наше пребывание в Крыму затянулось дольше обыкновенного из-за болезни Алексея Николаевича, и мы вернулись в Царское Село лишь в декабре. Мы провели там всю зиму 1913–1914 года. Жизнь носила в Царском гораздо более семейный характер, чем в других местах пребывания Царской Семьи. Свита, за исключением дежурных фрейлин и командира сводно-гвардейского полка,[16] не жила во дворце, и Царская Семья,

кроме случаев посещения родственников, обыкновенно собиралась за столом без посторонних и совершенно запросто.

Уроки[17] начинались в 9 часов с перерывом между 11 часами и полуднем. Мы выезжали на прогулку в карете, санях или автомобиле, затем занятия возобновлялись до завтрака, который происходил в час дня. После завтрака мы всегда проводили два часа на воздухе. Великие княжны и Государь, когда бывал свободен, присоединялись к нам, и Алексей Николаевич веселился с сестрами, спускаясь с ледяной горы, которая была устроена на берегу небольшого искусственного озера. Он любил также играть со своим ослом Ванькой, которого запрягали в маленькие санки, или со своей собакой «Джой» («Joy»), темно-коричневой болонкой на низких лапках, с длинными, падающими почти до пола шелковистыми ушами. Ванька был бесподобное, умное и забавное животное. Когда Алексею Николаевичу захотели подарить осла, долго, но безрезультатно обращались ко всем барышникам в Петербурге; тогда цирк Чинизелли согласился уступить старого осла, который по дряхлости уже не годился для представлений. И вот таким образом Ванька появился при Дворе, вполне оценив, по-видимому, дворцовую конюшню. Он очень забавлял нас, так как знал много самых невероятных фокусов. Он с большой ловкостью выворачивал карманы в надежде найти в них сладости. Он находил особую прелесть в старых резиновых мячиках, которые небрежно жевал, закрыв один глаз, как старый янки. Эти два животных играли большую роль в жизни Алексея Николаевича, у которого было очень немного развлечений. Он страдал главным образом от отсутствия товарищей. Оба сына матроса Деревенко, его обычные сотоварищи в играх, были гораздо моложе его и ни по образованию, ни по развитию ему не подходили. Правда, по воскресеньям и праздникам к нему приезжали двоюродные братья, но эти посещения были редки. Я несколько раз настаивал перед Императрицей на том, что это надо бы изменить. Были сделаны кое-какие попытки в этом смысле, но они ни к чему не привели. Правда, что болезнь Алексея Николаевича крайне затрудняла выбор ему товарищей. К счастью, его сестры, как я уже говорил, любили играть с ним; они вносили в его жизнь веселье и молодость, без которых ему было бы очень трудно.

Во время дневных прогулок Государь, любивший много ходить, обыкновенно обходил парк с одной из дочерей, но ему случалось также присоединяться к нам, и с его помощью мы однажды построили огромную снеговую башню, которая приняла вид внушительной крепости и занимала нас в продолжение нескольких недель.

В 4 часа мы возвращались, и уроки возобновлялись до обеда, который подавался в семь часов для Алексея Николаевича и в восемь — для остальных членов семьи. Мы заканчивали день чтением вслух какой-нибудь любимой им книги.

Алексей Николаевич был центром этой тесно сплоченной семьи, на нем сосредотачивались все привязанности, все надежды. Сестры его обожали, и он был радостью своих родителей. Когда он был здоров, весь дворец казался как бы преображенным; это был луч солнца, освещавший и вещи, и окружающих. Счастливо одаренный от природы, он развивался бы вполне правильно и равномерно, если бы этому не препятствовал его недуг. Каждый кризис требовал недель, а иногда и месяцев покоя, а когда кровотечение бывало более обильно, то в результате наступало общее малокровие, и ему часто на долгое время запрещалась всякая напряженная работа. Таким образом, можно было использовать только промежутки между заболеваниями, что, несмотря на живость его ума, крайне затрудняло его образование.

Великие княжны были прелестны своей свежестью и здоровьем. Трудно было найти четырех сестер, столь различных по характерам и в то же время столь тесно сплоченных дружбой. Последняя не мешала их личной самостоятельности и, несмотря на различие темпераментов, объединяла их живой связью. Из начальных букв своих имен они составили общее имя: «Отма». Под этой общей подписью они иногда делали подарки или посылали письма, написанные одной из них от имени всех четырех.

Я думаю, что всем будет понятно удовольствие, которое я испытываю, отдаваясь здесь некоторым личным воспоминаниям. Это позволит мне вызвать вновь к жизни во всей полноте непосредственности и жизнерадостности их молодости, я бы сказал, почти детства, — этих молодых девушек, которые стали жертвами самого ужасного рока в ту пору, когда для других в их годы наступает расцвет.

Старшая, Ольга Николаевна, обладала очень живым умом. У нее было много рассудительности и в то же время непосредственности. Она была очень самостоятельного характера и обладала быстрой и забавной находчивостью в ответах. Вначале мне было не так-то легко с нею, но после первых стычек между нами установились самые искренние и сердечные отношения.

Она все схватывала с удивительной быстротой и умела придать усвоенному оригинальный оборот. Я вспоминаю, между прочим, как на одном из наших первых уроков грамматики, когда я объяснял ей спряжения и употребление вспомогательных

глаголов, она прервала меня вдруг восклицанием: «Ах, я поняла: вспомогательные глаголы — это прислуга глаголов; только один несчастный глагол „иметь“ должен сам себе прислуживать!»..

Она много читала вне уроков. Когда она стала старше, всякий раз, как я давал ей книгу, под предлогом трудности текста или незначительности интереса, который он представлял, я отмечал на полях места или главы, которые она должна была пропускать, с тем, чтобы потом вкратце передать ей их содержание. Я делал так из предосторожности.

Однажды одно упущение с моей стороны доставило мне одну из неприятнейших минут моей педагогической карьеры, но благодаря находчивости Государя, все окончилось лучше, чем я мог ожидать.

Ольга Николаевна читала «Les Miserables» Виктора Гюго и дошла до описания битвы под Ватерлоо. В начале урока она передала мне, как всегда, список слов, которые она не поняла. Каков же был мой ужас, когда я увидел выписанным слово, создавшее славу героя, командовавшего гвардией! Я был уверен, что соблюл все предосторожности… Я попросил книгу, чтобы проверить свои отметки, и убедился в своей непростительной забывчивости. Чтобы избежать щекотливого объяснения, я вычеркнул злосчастное слово и вернул ей листок. Ольга Николаевна воскликнула:

— Каково! Вы вычеркнули слово, смысл которого я вчера спрашивала у папа!

Если бы молния упала у моих ног, она не произвела бы во мне большего потрясения.

— Как, вы…

— Ну да, и он сначала меня спросил, откуда я знаю это слово, а потом сказал, что это очень сильное выражение, которое повторять не надо, но что в устах генерала, его сказавшего, оно было в ту минуту самым прекрасным словом французского языка.

Несколько часов спустя я встретил Государя на прогулке в парке; он отозвал меня в сторону и сказал мне самым серьезным голосом:

— Вы, однако, обучаете моих дочерей странному подбору слов!

Я запутался в смущенных объяснениях, но Государь расхохотался и перебил меня:

— Бросьте, не смущайтесь, я отлично понял все, что произошло, и сказал моей дочери, что это страница славы французской армии.

Татьяна Николаевна, от природы, скорее, сдержанная, обладала волей, но была менее откровенна и непосредственна,

чем старшая сестра. Она была также менее даровита, но искупала этот недостаток большей последовательностью и ровностью характера. Она была очень красива, хотя не имела прелести Ольги Николаевны.

Если только Императрица делала разницу между дочерьми, то ее любимицей была Татьяна Николаевна. Не то, чтобы ее сестры любили мать меньше нее, но Татьяна Николаевна умела окружать ее постоянной заботливостью и никогда не позволяла себе показать что она не в духе. Своей красотой и природным умением держаться она в обществе затемняла сестру, которая меньше занималась своей особой и как-то стушевывалась. Тем не менее, эти обе сестры нежно любили друг друга; между ними было только полтора года разницы, что естественно их сближало. Их звали «большие», тогда как Марию Николаевну и Анастасию Николаевну продолжали звать «маленькие».

Мария Николаевна была красавицей, крупной для своего возраста. Она блистала яркими красками и здоровьем; у нее были большие, чудные серые глаза. Вкусы ее были очень скромны; она была воплощенной сердечностью и добротой; сестры, может быть, немного этим пользовались и звали ее «le bon gros Toutou» («добрый толстый Туту»);[18] это прозвище ей дали за ее добродушную и немного мешковатую услужливость.

Анастасия Николаевна была, наоборот, большая шалунья и не без лукавства. Она во всем быстро схватывала смешные стороны; против ее выпадов трудно было бороться. Она была баловница — недостаток, от которого она исправилась с годами. Очень ленивая, как это бывает иногда с очень способными детьми, она обладала прекрасным произношением французского языка и разыгрывала маленькие театральные сцены с настоящим талантом. Она была так весела и так умела разогнать морщины у всякого, кто был не в духе, что некоторые из окружающих стали, вспоминая прозвище, данное ее матери при английском дворе, звать ее «Sunshine» — «Солнечный луч».

В общем, трудноопределимая прелесть этих четырех сестер состояла в их большой простоте, естественности, свежести и врожденной доброте.

Мать, которую они обожали, была в их глазах как бы непогрешима; одна Ольга Николаевна имела иногда поползновение к самостоятельности. Они были полны очаровательной предупредительности по отношению к ней. С общего согласия и по собственному почину они устроили очередное дежурство при матери. Когда Императрице нездоровилось, та, которая в этот день исполняла эту дочернюю обязанность, безвыходно оставалась при ней.

Их отношения с Государем были прелестны. Он был для них одновременно Царем, отцом и товарищем.

Чувства, испытываемые ими к нему, видоизменялись в зависимости от обстоятельств. Они никогда не ошибались, как в каждом отдельном случае относиться к отцу и какое выражение данному случаю подобает. Их чувство переходило от религиозного поклонения до полной доверчивости и самой сердечной дружбы. Он ведь был для них то тем, перед которым почтительно преклонялись министры, высшие церковные иерархи, Великие Князья и сама их мать, то отцом, сердце которого с такой добротой раскрывалось навстречу их заботам или огорчениям, то, наконец, тем, кто вдали от нескромных глаз умел при случае так весело присоединиться к их молодым забавам.

Исключая Ольгу Николаевну, Великие Княжны были довольно посредственными ученицами. Это отчасти происходило оттого, что несмотря на мои неоднократные просьбы, Императрица не захотела взять французскую гувернантку, не желая, очевидно, видеть кого-нибудь между собой и дочерьми. В итоге получилось то, что, читая по-французски и любя французский язык, она никогда не научились на нем свободно говорить.[19]

Причиной несколько небрежного воспитания ее дочерей было болезненное состояние здоровья Императрицы. Болезнь Алексея Николаевича мало-помалу истощила ее силы. В минуты кризисов она расходовала их без счета, с изумительной энергией и мужеством. Но как только опасность проходила, природа предъявляла свои права: она неделями лежала на кушетке, подорвав свои силы перенесенным напряжением. Ольга Николаевна не оправдала надежд, которые я возлагал на нее. Ее живой ум не находил в окружавшей ее обстановке необходимых элементов для своего развития и вместо того, чтобы расцвести, скорее, блекнул. Остальные сестры никогда не проявляли особого вкуса к занятиям и были, скорее, одарены практическими качествами.

Обстоятельства рано приучили всех четырех довольствоваться самими собой и своею природной веселостью. Как мало молодых девушек без ропота удовольствовалось бы таким образом жизни, лишенным всяких внешних развлечений! Единственную отраду его представляла прелесть тесной семейной жизни, вызывающей в наши дни такое пренебрежение.

Глава VII. Влияние Распутина. Вырубова. Мои воспитательские недоумения (зима 1913–1914, продолжение)

В то время, как болезнь Цесаревича тяжким бременем угнетала Царскую семью, и расположение к Распутину, поддерживаемое тревогой, продолжало усиливаться, дни шли в Царском Селе своим обычным чередом.

Я был тогда еще очень плохо осведомлен насчет старца и пытался всеми способами найти указания, на которых мог бы обосновать верное суждение о нем; личность его меня сильно интриговала. Однако это было нелегко. Дети не только никогда не говорили со мною о Распутине, но даже избегали в моем присутствии всякого намека, который мог бы обнаружить его существование. Я понимал, что они действовали так по приказанию матери. Императрица боялась, вероятно, что я, как иностранец и не православный, не в состоянии понять чувство, которое она и ее семья питали к старцу и которое заставляло их чтить его, как святого. Принуждая моих учениц к молчанию, она предоставляла мне возможность игнорировать Распутина или давала понять свое желание, чтобы я держал себя, как человек, ничего о нем не знающий; она предупреждала таким образом всякую возможность с моей стороны вооружиться против человека, самое имя которого предполагалось мне неизвестным.

Я мог убедиться, впрочем, как ничтожна была роль Распутина в жизни Алексея Николаевича. Доктор Деревенко несколько раз рассказывал мне забавные рассуждения Цесаревича насчет Распутина. Личность его занимала его детское воображение и возбуждала его любопытство, но влияния на него Распутин не имел никакого.

После выступления Тютчевой Распутин никогда не поднимался в комнаты Великих Княжен и заходил к Алексею Николаевичу лишь в очень редких случаях.

Очевидно боялись моей встречи с ним, потому что комнаты, которые я занимал во дворце, были смежны с помещением Цесаревича. От приставленных к нему служащих я требовал отчета обо всех мелочах, касавшихся жизни Цесаревича, и таким образом эти встречи не могли состояться без моего ведома.[20]

Дети видали Распутина у своих родителей, но его посещения дворца были уже очень редки. Проходили часто недели, а иногда

и месяц без того, чтобы его позвали. Все больше и больше входило в привычку приглашать его к г-же Вырубовой, жившей в маленьком домике совсем близко от Александровского дворца.

Государь и Наследник туда почти никогда не ходили, и даже там встречи происходили всегда с довольно большими промежутками.

Как я уже выше сказал, г-жа Вырубова служила посредницей между Императрицей и Распутиным; она передавала старцу письма и приносила во дворец ответы, всего чаще устные.

Отношения между Ее Величеством и Вырубовой были очень близки, можно сказать, что не проходило дня, когда она не побывала бы у Императрицы. Эта дружба восходила к давним годам. Г-жа Вырубова вышла замуж очень молодой. Ее муж, человек порочный, закоренелый пьяница, сумел с самого начала вызвать в ней лишь глубокое отвращение.[21] Они разошлись, и г-жа Вырубова старалась найти примирение и утешение в религии. Несчастие сблизило ее с Императрицей, которая сама испытала страдания, и которую всегда притягивало чужое горе; она любила утешать других, ею овладела жалость к молодой женщине, на долю которой выпало такое тяжелое испытание; она приблизила ее и привязала ее к себе на всю жизнь той добротой, которую она ей выказала.

Сентиментальная и склонная от природы к мистицизму, г-жа Вырубова воспылала к Императрице беспредельной преданностью, которая была опасна благодаря своей пламенности, лишавшей ее ясного сознания действительности. Императрица в свою очередь все более и более поддавалась этой столь страстной и искренней преданости. Будучи цельной по природе в своих привязанностях, она не допускала, чтобы ей можно было принадлежать не целиком. Она дарила своей дружбой лишь тех, в господстве над кем была уверена. На ее доверие надо было отвечать, отдавая ей всю душу. Она не понимала, как неосторожно было поощрять выражения такой фанатичной преданности.

Г-жа Вырубова сохранила склад души ребенка; ее неудачные опыты жизни чрезмерно повысили ее чувствительность, не сделав ее суждения более зрелыми. Лишенная ума и способности разбираться в людях и обстоятельствах, она поддавалась своим импульсам; ее суждения о людях и событиях были не продуманны, но в той же мере не допускали возражений. Одного впечатления было достаточно, чтобы у нее составилось убеждение — ограниченное и детское; она тотчас распределяла людей по произведенному ими впечатлению на «добрых» и «дурных», иными словами на «друзей» и «врагов».

Не руководясь никаким личным расчетом, но из искреннего чувства к Царской семье, и искреннего желания прийти ей на помощь, г-жа Вырубова старалась осведомлять Императрицу, располагать ее в пользу тех, к кому она имела предпочтение, или против тех, кто вызывал ее предубеждение, и через Императрицу влиять на решения Двора.[22] На самом деле она была столь же послушным, сколь бессознательным и вредным орудием в руках кучки беззастенчивых людей, которые пользовались ею для своих происков. Она не в состоянии была иметь ни собственной политики, ни продуманных видов, неспособна была даже разгадать игру тех, которые ею пользовались. Будучи безвольна, она всецело отдалась влиянию Распутина и стала самой твердой опорой его при Дворе.

Мне не приходилось видеть старца с тех пор, что я жил во дворце, но однажды, собираясь выходить, я встретился с ним в передней. Я успел рассмотреть его, пока он снимал свою шубу. Это был человек высокого роста, с изможденным лицом, с очень острым взглядом серо-синих глаз из-под всклокоченных бровей. У него были длинные волосы и большая мужицкая борода; на нем в этот день была голубая шелковая рубашка, стянутая у пояса, широкие шаровары и высокие сапоги.

Эта встреча, которая больше никогда не повторялась, оставила во мне неприятное впечатление, которое невозможно определить; в те несколько мгновений, когда наши взгляды встретились, у меня было ясное сознание, что я нахожусь в присутствии зловредного и смущающего душу существа.

Тем временем проходили месяцы, и я с радостью убеждался, что мой ученик делает успехи. Он привязался ко мне, старался заслужить доверие, которое я ему выказывал. Мне приходилось еще много бороться с его леностью, но сознание, что та доля свободы, которою он пользовался, зависела всецело от того, как он ею будет располагать, подстрекало его энергию и укрепляло его волю. К счастью, зима прошла благополучно. После Ливадии не было больше тяжелых приступов болезни.

Я отлично знал, что это только передышка, но видел в Алексее Николаевиче серьезное старанье сдерживать свою порывистую и живую натуру, которая так часто, увы, была причиной несчастных случаев, и я себя спрашивал, не найду ли я в этой болезни, столь опасной в других отношениях, союзника, который заставить мало-помалу ребенка научиться владеть собою и закалит его характер.

Все это служило мне большим успокоением, но я, однако, не делал себе никаких иллюзий насчет огромных трудностей моей задачи. Я понимал яснее, чем когда-либо, насколько условия

среды мешали успеху моих стараний. Мне приходилось бороться с подобострастием прислуги и нелепым преклонением некоторых из окружающих. И я был даже очень удивлен, видя, как природная простота Алексея Николаевича устояла перед этими неумеренными восхвалениями.

Я помню, как депутация крестьян одной из центральных губерний России пришла однажды поднести подарки Наследнику Цесаревичу. Трое мужчин, из которых она состояла, по приказу, отданному шепотом боцманом Деревенко, опустились на колени перед Алексеем Николаевичем, чтобы вручить ему свои подношения. Я заметил смущение ребенка, который багрово покраснел. Как только мы остались одни, я спросил его, приятно ли ему было видеть этих людей перед собою на коленях.

— Ах нет, но Деревенко говорит, что так полагается!

— Это вздор! Государь сам не любит, чтобы перед ним становились на колени. Зачем вы позволяете Деревенко так поступать?

— Не знаю… я не смею.

Я переговорил тогда с боцманом, и ребенок был в восторге, что его освободили от того, что было для него настоящей неприятностью.

Но еще более существенными обстоятельствами были его одиночество и неблагоприятные условия, в которых протекало его воспитание. Я отдавал себе отчет в том, что это почти роковым образом должно быть так; что воспитание каждого царственного ребенка клонится к тому, чтобы сделать из него существо одностороннее, которое в конце концов оказывается далеким от жизни благодаря тому, что в своей юности он не был подчинен общему закону. Обучение, которое он получает, может быть только искусственным, тенденциозным и догматическим, оно часто принимает черты безусловности и непримиримости катехизиса. Это происходит по многим причинам: от выбора преподавателей; от того, что они ограничены в самой свободе своих выражений, им приходится считаться с условностями данной среды и с исключительным положением своего воспитанника; наконец, это связано с тем обстоятельством, что в очень ограниченное число лет они должны пройти обширную программу. Это неизбежно побуждает преподавателей прибегать к формулам; они ограничиваются недоказанными утверждениями и не думают о том, чтобы пробудить в своем ученике дух изыскания, анализа и способности сравнения, а только о том, чтобы устранять все, что могло бы породить в нем несвоевременную любознательность и наклонность познать все, что лежит вне положенных рамок.

Кроме того, ребенок, воспитанный в этих условиях, лишен одного элемента, который играет решающую роль в образовании его суждений: ему всегда недостает знаний, приобретенных вне уроков, дающихся самой жизнью, свободным общением с себе подобными и различными, порой противоречивыми влияниями людей разной среды; недостает непосредственного наблюдения, подлинного соприкосновения с людьми и условиями жизни, словом — всего того, что с течением годов развивает критический ум и понимание действительности.

При таких условиях надо человеку быть одаренным исключительными способностями, чтобы достигнуть ясного взгляда на жизнь, правильного мышления и твердого управления своею волей. Между ним и жизнью — непроницаемые перегородки: он не может понять того, что творится за стеной, на которой рисуют для его забавы и развлечения обманчивые картины.

Все это меня сильно озабочивало, но я знал, что в конечном итоге не мне выпадет обязанность исправлять, в пределах возможного, эти отрицательные стороны и неблагоприятные условия. В русской императорской семье существовал обычай приставлять к Наследнику Цесаревичу, когда ему наступал одиннадцатый год, воспитателя, обязанного руководить его образованием и воспитанием. Его выбирали преимущественно из среды военных, педагогическая карьера которых, казалось, подготовляла их к этой тяжелой по своей ответственности задаче. Всего чаще ее поручали какому-нибудь генералу, бывшему начальнику одного из военных учебных заведений. Это была должность, которой очень добивались ввиду сопряженных с нею преимуществ, а главное — ввиду влияния, которое можно было приобрести на Наследника Цесаревича, влияния, которое часто оставалось значительным в первые годы его царствования.

Выбор этого воспитателя имел огромное значение; от него должно было зависеть направление всего дальнейшего воспитания Алексея Николаевича, и я не без тревоги ожидал этого назначения.

Глава VIII. Путешествия в Крым и Румынию. Посещение президента Пуанкарэ. Объявление войны Германией (апрель-июль 1914 г.)

Весной 1914 года императорская семья, как и в предыдущие годы, уехала в Крым. 13 апреля в яркий, чудный день мы прибыли в Ливадию. Нас ослепило солнце, в лучах которого утопали скалистые утесы, возвышавшиеся отвесно над морем, маленькие татарские деревушки, наполовину вросшие в обнаженные скаты гор, и ярко-белые мечети, которые своим блеском выделялись на фоне старых кипарисов, обрамляющих кладбища. Контраст с тем, что мы только что покинули, был так резок, что этот пейзаж, хотя и хорошо нам знакомый, представлялся нам чем-то сказочным и волшебным в своей дивной красоте и переливах света.

Эти приезды весною в Крым доставляли нам чудный отдых после бесконечных петербургских зим, и мы им радовались за несколько месяцев вперед.

Под предлогом устройства на новом месте занятия на первые дни были прекращены, и мы пользовались этим временем, чтобы наслаждаться вовсю этой дивной природой. Затем возобновились правильные уроки. Мой сотоварищ г. Петров сопровождал нас, как и в предыдущие приезды.

Здоровье Алексея Николаевича за последние месяцы значительно улучшилось, он вырос и приобрел здоровый вид, что вызывало общую радость.

8 мая, чтобы доставить удовольствие сыну, Государь решил воспользоваться днем, который обещал быть особенно хорошим, и подняться до «Красного камня». Мы поехали в автомобиле: Государь, Наследник, один из офицеров со «Штандарта» и я. Боцман Деревенко и дежурный казак Государя следовали за нами в другом автомобиле. Мы поднялись мало-помалу чудными сосновыми лесами по откосам гор Яйлы. Громадные медно-красные стволы сосен, покрытые серым налетом, стройно и гордо поднимались к своим похожим на зеленые купола верхушкам. Мы довольно быстро достигли цели нашей поездки: большого, господствующего над долиной утеса, по цвету которого можно было подумать, что он заржавел от времени.

День был так хорош, что Государь решил продолжать прогулку. Мы перевалили через северный склон Яйлы. Там были еще большие снежные поля, и Алексею Николаевичу доставило

большое удовольствие скользить по снегу. Он бегал вокруг нас, играл, шалил, катался в снегу, падал и вновь подымался, чтобы снова упасть через минуту. Никогда, казалось, живость его природы и радость жизни не проявлялись в нем с такой силой. Государь с очевидной радостью следил за прыжками Алексея Николаевича; видно было, что он глубоко счастлив, видя, что его сыну вернулись наконец здоровье и силы, которых он так долго был лишен. Но страх возможного ушиба не покидал его, и он от времени до времени окликал ребенка, чтобы угомонить его резвость. Недуг Наследника причинял ему глубокое страдание и непрерывные заботы, хотя он об этом никогда не говорил.

День клонился к вечеру, и мы с сожалением пустились в обратный путь. Государь был всю дорогу очень весел; создавалось впечатление, что этот свободный день, посвященный сыну, доставил ему большое наслаждение. Он вырвался на один день из атмосферы забот, связанных с его монаршим ремеслом, и изысканной предупредительности окружающих. Благодаря тому, что эта маленькая экскурсия была совершена неожиданно, ему удалось даже обмануть бдительность дворцовой полиции, присутствие которой он всегда угадывал вокруг себя, хотя она работала весьма незаметно; он ненавидел ее. Один раз по крайней мере ему дано было пожить, как простому смертному, и казалось, что нервы его успокоились и он отдохнул.

В обыкновенное время Государь видел своих детей довольно мало; его занятия и требования придворной жизни мешали ему отдавать им все то время, которое он хотел бы им посвятить. Он всецело передал Императрице заботу о их воспитании и в редкие минуты близости с ними любил без всякой задней мысли, с полным душевным спокойствием наслаждаться их присутствием. Он старался тогда отстранить от себя все заботы, сопряженные с той громадной ответственностью, которая тяготела над ним; он старался забыть на время, что он Царь, и быть только отцом.

Никакое сколько-нибудь важное событие не нарушало нашей однообразной жизни в течение следующих недель.

В конце мая месяца при Дворе разнесся слух о предстоящем обручении Великой Княжны Ольги Николаевны с принцем Карлом Румынским.[23] Ей было тогда восемнадцать с половиною лет. Родители с обеих сторон, казалось, доброжелательно относились к этому предположению, которое политическая обстановка делала желательным. Я знал также, что министр иностранных дел Сазонов прилагал все старания, чтобы оно осуществилось, и что окончательное решение должно было быть принято во время предстоявшей вскоре поездки русской императорской семьи в Румынию.

В начале июля, когда мы были однажды наедине с Ольгой Николаевной, она вдруг сказала мне со свойственной ей прямотой, проникнутой той откровенностью и доверчивостью, которые дозволяли наши отношения, начавшиеся еще в то время, когда она была маленькой девочкой:

— Скажите мне правду, вы знаете, почему мы едем в Румынию?

Я ответил ей с некоторым смущением:

— Думаю, что это акт вежливости, которую Государь оказывает румынскому королю, чтобы ответить на его прежнее посещение.

— Да, это, быть может, официальный повод, но настоящая причина… Ах, я понимаю, вы не должны ее знать, но я уверена, что все вокруг меня об этом говорят и что вы ее знаете.

Когда я наклонил голову в знак согласия, она прибавила:

— Ну так вот! Если я этого не захочу, этого не будет. Папа мне обещал не принуждать меня, а я не хочу покидать Россию.

— Но вы будете иметь возможность возвращаться сюда всегда, когда вам это будет угодно.

— Несмотря на все, я буду чужой в моей стране, а я русская и хочу остаться русской!

13 июня мы отплыли из Ялты на императорской яхте «Штандарт» и на следующий день утром подошли к Констанце, большому румынскому порту на Черном море, где должны были произойти торжества.

На набережной у пристани рота пехоты со знаменем и музыкой отдавала воинские почести, в то время как артиллерийская батарея, помещенная на плоскогорье, господствующем над портом, производила установленный салют. Все суда на рейде были расцвечены флагами.

Их Величества были встречены старым королем Карлом, королевой Елизаветой (Кармен-Сильва) и принцами и принцессами королевского дома. После обычных представлений все отбыли в собор, где Нижне-Дунайским епископом был отслужен молебен. В час дня, пока председатель совета министров угощал лиц свиты, члены обеих царственных семей собрались за интимным завтраком. Он был подан в павильоне, построенном по желанию Кармен-Сильвы в самом конце мола. Это было одно из ее любимых мест пребывания; ежегодно она подолгу живала там. Она любила целыми часами «слушать море» на этой террасе, которая, казалось, повисла между небом и волнами, и где только морские птицы нарушали ее одиночество.

Среди дня Их Величества угощали чаем на «Штандарте» и присутствовали затем на большом военном параде.

Вечером, в 8 часов, все вновь собрались на парадный обед в красивой зале, построенной для этого случая. Общий вид ее был очаровательный, стены и потолок — белые, лепной работы, усеянные маленькими электрическими лампочками, со вкусом расположенными; зеленые растения и цветы в красивом сочетании, — все это давало общее впечатление красок и линий, приятных для глаз.

Государь, имея по правую руку от себя королеву Елизавету, а по левую принцессу Марию,[24] сидел в центре длинного стола, за которым поместились 84 приглашенных. Императрица сидела против него между королем Карлом и принцем Фердинандом.[25] Ольга Николаевна, сидя около принца Карла, с обычной приветливостью отвечала на его вопросы. Что касается остальных трех Великих Княжон, они с трудом скрывали скуку, которую всегда испытывали в подобных случаях, и поминутно наклонялись в мою сторону, указывая смеющимися глазами на старшую сестру. К концу обеда, который проходил с обычным церемониалом, король встал, чтобы приветствовать Государя. Он говорил по-французски, но с сильным немецким выговором. Государь по-французски же ему ответил; он говорил приятно, красивым и звучным голосом. По окончании обеда мы перешли в другую залу, где Их Величества милостиво беседовали с некоторыми из присутствующих, прочие же сгруппировались сообразно своим симпатиям или в силу случайности. Но вечер рано окончился, потому что «Штандарт» в тот же день должен был сняться с якоря.

Час спустя яхта отошла, держа направление на Одессу. На следующий день утром я узнал, что предположение о сватовстве было оставлено или по крайней мере отложено на неопределенное время. Ольга Николаевна настояла на своем.[26]

Утром 15 июня мы подошли к Одессе. Государь сделал смотр войскам гарнизона. Парадом командовал генерал Иванов, командующий войсками Одесского военного округа.

На следующий день мы остановились на несколько часов в Кишиневе, чтобы присутствовать на открытии памятника Императору Александру I, а 18-го вернулись в Царское Село. Два дня спустя Государь принял там Саксонского короля, приезжавшего благодарить за назначение его шефом одного из полков гвардии. В его честь был устроен парад перед большим Царскосельским дворцом; это было единственное торжество за время короткого пребывания этого монарха. 23 июня он простился с Царской семьей.[27] Вскоре за тем мы в свою очередь отбыли в Петергоф. 14 июля мы отправились в краткое плаванье в финския шхеры. «Александрия»[28] доставила нас из Петергофа в

Кронштадт, где нас ожидал «Штандарт». В минуту посадки, Наследник плохо расчитал движение и ударился щиколоткой о конец трапа. Я в первый момент надеялся, что этот ушиб не будет иметь серьезных последствий, но к вечеру ребенок начал страдать, боли быстро усилились: все предвещало серьезный припадок.

Я проснулся на следующее утро среди финских шхер. Видь был прелестен: изумрудное море оттененное на гребнях волн светлыми переливами, было усеяно островками из красного гранита; над ними высились сосны, стволы которых горели на солнце. Дальше, на втором плане, тянулся берег с длинными полосами желтого песка и темнозелеными лесами, которые уходили в глубокую даль, теряясь в небе…

Я спустился к Алексею Николаевичу. Ночь была очень плохая. Императрица и доктор Боткин, бессильные успокоить его страдания, находились при больном.[29]

День проходил тоскливо и медленно. Накануне я заметил среди свиты какое-то необычное волнение. Я справился у полковника Д. и узнал, что на Распутина было сделано покушение, и что жизнь его в опасности. За две недели перед тем он уехал в Сибирь, и по его приезде в родное село Покровское какая-то молодая женщина нанесла ему удар ножом в живот. Рана могла быть смертельна. Переполох на яхте был большой: все время шептались, происходили таинственные совещания, которые внезапно прекращались, как только приближался кто-нибудь, кого подозревали в принадлежности к распутинскому кружку. Господствовавшим чувстом была надежда освободиться, наконец, от этого зловреднаго существа; впрочем, не решались еще всецело отдаться этой радости: у этого проклятого мужика душа была, казалось, пришита к телу, и можно было опасаться, что он и тут избегнет смерти.[30]

19 июля мы вернулись в Петергоф, где ожидали приезда президента французской республики; наше плаванье было только прервано, и мы должны были возобновить его по отезде президента. Алексей Николаевич, которому уже два дня, как стало лучше, не мог еще ходить, и его снесли с яхты на руках.

На следующий день после полудня президент прибыл на кронштадтский рейд на броненосце «Франция». Государь поехал его встретить. Они вернулись вдвоем в Петергоф, где Пуанкарэ проследовал в комнаты, приготовленные для него в Большом дворце. Вечером был дан в его честь парадный обед, за которым присутствовала Императрица и придворные дамы.

Президент французской республики прогостил у Императора Николая II четыре дня, и это короткое пребывание было

ознаменовано многими торжествами. Он произвел прекрасное впечатление на Государя. Я имел случай в этом лично убедиться при следующих обстоятельствах. Пуанкарэ был приглашен один завтракать с Императорской семьей. Его приняли запросто в Малой Александрии, в интимной обстановке повседневной жизни.

После завтрака Алексей Николаевич пришел за мной и показал мне не без гордости ленту ордена почетного легиона, которую только что получил из рук президента. Мы вышли в парк, где вскоре к нам присоединился Государь.

— Знаете ли, что я только что говорил о вас с Пуанкарэ? — сказал он с своей обычной приветливостью: — он несколько минут беседовал с Алексеем и спросил меня, кто дает ему уроки французского языка. Это совсем замечательный, высокого ума человек, и, что никогда не мешает, блестящий собеседник. Но я больше всего оценил в нем то, что он совсем не дипломат.[31] В нем не заметно никакой скрытности; все просто и ясно, и он сразу завоевывает доверие. Ах! если бы добились возможности обходиться без дипломатии — в этот день человечество достигло бы огромного успеха!

23 июля, после прощального обеда, данного в честь Их Величеств на броненосце «Франция», президент покинул Кронштадт, направляясь в Стокгольм.

На следующий день мы были поражены известием, что Австрия накануне вечером передала ультиматум Сербии.[32] Я встретил среди дня Государя в парке; он был озабочен, но не казался обеспокоенным.

25 июля в Красном Селе был собран чрезвычайный Совет под председательством Государя. Решили продолжать примирительную, но в то же время достойную и твердую политику. Газеты возбужденно обсуждали выступление Австрии.

В следующие дни тон печати стал делаться все более и более резким. Австрию обвиняли в желании раздавить Сербию. Писали, что Россия не может дозволить уничтожения этого маленького славянского народа; что она не может допустить австро-германского главенства на Балканах; что затронута национальная честь.

В то время как умы разгорячались, и дипломатические канцелярии работали полным ходом, из Александрии шли полные тревоги телеграммы в далекую Сибирь, где Распутин медленно оправлялся от своей раны в тюменьском госпитале.[33] Они были все приблизительно одного и того же содержания: «Мы испуганы грозящей нам войной. Думаешь ли ты, что она возможна? Молись за нас. Поддержи нас советом». Распутин

отвечал, что надо избежать войны какой угодно ценою, если не хотят навлечь на династию и на всю страну самые ужасные несчастия. Его советы отвечали заветным желаниям Государя, миролюбие которого не может быть подвергнуто сомнению. Надо было его видеть в течение этой страшной недели конца июля, чтобы понять, через какие муки и нравственную пытку он прошел. Но наступила минута, когда честолюбие и коварство Германии должны были сломить его последние колебания, и все увлечь в общий водоворот.

Несмотря на все попытки посредничества и предложение русского правительства разрешить инцидент прямыми переговорами между Петербургом и Веной, 29 июля мы узнали, что в Австрии объявлена общая мобилизация. На следующий день пришло известие о бомбардировке Белграда, и еще через день Россия ответила на это мобилизацией всей своей армии. Вечером того же дня германский посол в Петербурге, граф Пурталес, объявил Сазонову, что его правительство дает России двенадцатичасовой срок, чтобы остановить мобилизацию, — в противном же случае Германия сама будет мобилизоваться.[34]

Срок германского ультиматума кончался в субботу 1 августа в 12 ч. дня. Граф Пурталес появился, однако, в министерство иностранных дел лишь вечером. Войдя к Сазонову, он ему торжественно передал объявление войны Германией России. Часы показывали 7 часов 10 минут. Непоправимое событие совершилось.

Глава IX. Царская семья в первые дни войны. Путешествие в Москву (август 1914 г.)

В то время, когда эти исторические события разыгрывались в кабинете министра иностранных дел в Петербурге, Государь, Государыня и Великие Княжны были у всенощной в маленькой Александрийской церкви.

Встретив Государя несколько часов перед тем, я был поражен выражением большой усталости на его лице; черты его вытянулись, цвет лица был землистый, и даже мешки под глазами, которые появлялись у него, когда он бывал утомлен, казалось, сильно выросли. Теперь он всей своей душой молился, чтобы Господь отвратил от его народа войну, которая, он это чувствовал, была близка и почти неизбежна. Все его существо казалось преисполненным порывом простой и доверчивой веры. Рядом с ним стояла Государыня, скорбное лицо которой выражало то глубокое страдание, которое я так часто видел у нее у изголовья Алексея Николаевича. Она тоже горячо молилась в этот вечер, как бы желая отвести грозящую опасность…

Служба кончилась, и Их Величества с Великими Княжнами вернулись на ферму Александрию. Было около 8 часов вечера. Государь, прежде чем пройти в столовую, зашел в свой рабочий кабинет, чтобы ознакомиться с доставленными в его отсутствие депешами. Из телеграммы Сазонова он узнал, что Германия объявила войну. Он имел с министром короткую беседу по телефону и просил его приехать в Александрию, как только он будет иметь к тому возможность.

Государыня и Великие Княжны ожидали Государя в столовой. Ее Величество, обеспокоенная его продолжительным опозданием, только что поручила Татьяне Николаевне сходить за отцом, когда Государь, очень бледный, наконец появился и голосом, выдававшим против желания его волнение, сообщил, что война объявлена. Услыхав это известие, Государыня разрыдалась. Видя отчаянье матери, Великие Княжны в свою очередь залились слезами.[35]

В 9 часов Сазонов приехал в Александрию. Он был продолжительное время задержан Государем, который в тот же вечер принял и великобританского посла сэра Д. Бьюкенена.

Я увидел Государя лишь на следующий день после завтрака, когда он пришел поцеловать Наследника[36] перед тем как ехать

на торжественный выход в Зимнем дворце, откуда он, по обычаю своих предков, должен был обратиться с манифестом к своему народу, чтобы объявить ему о войне с Германией. Вид у него был еще хуже, чем накануне, глаза его горели, как будто у него был жар. Он мне сказал о только что полученном известии, что немцы без объявления войны Франции вступили в Люксембург и напали на французские сторожевые таможенные посты.

Я приведу здесь несколько заметок, которые в это время изо дня в день заносил на бумагу.

Понедельник 3 августа. — Государь пришел сегодня утром к Алексею Николаевичу; он преобразился. Вчерашняя церемония дала повод грандиозной манифестации. Когда он появился на балконе Зимнего дворца, огромная толпа народа, собравшаяся на площади, опустилась на колени и запела гимн. Восторг народа показал Царю до какой степени эта война была народной.

Узнаю, что Государь дал вчера в Зимнем дворце торжественный обет не заключать мира, пока хоть один неприятель останется на русской земле. Взяв на себя это обязательство передо всем миромь, Николай II хорошо подчеркивает характер этой войны: это борьба до конца, борьба за существование.

Государыня днем довольно долго беседовала со мною. Она в сильном негодовании. Она только что узнала, что, по приказанию Вилгельма II, Вдовствующая Императрица была задержана на пути в Петербург и должна была из Берлина проследовать обратно в Копенгаген.

«Как он, монарх, мог задержать Императрицу! Как мог он дойти до этого? Он совершенно изменился с тех пор, как военная партия, ненавидящая Россию, приобрела над ним преобладающее влияние, но я уверена, что войну он объявил против своей воли. Он вовлечен в нее кронпринцем, который открыто выступил во главе военной партии и пангерманистов и, казалось, осуждал политику отца; он его заставил согласиться на нее.

Я никогда не любила его за его неискренность, он всегда играл комедию и он так тщеславен. Он меня постоянно упрекал в том, что я ничего не делаю для Германии, и все пустил в ход, чтобы разъединить Россию с Францией.[37] Но я никогда не верила, что это может послужить на пользу России. Эту войну он мне не простит!

Вы знаете, что Государь получил от него третьего дня ночью телеграмму через несколько часов после объявления войны. В этой телеграмме он требовал „немедленного ответа, который один еще может предотвратить ужасное несчастие“. Он постарался лишний раз обмануть Государя… если только эта

телеграмма не была умышленно задержана теми, которые во что бы то ни стало хотели войны».

Вторник 4 августа. — Германия объявила войну Франции; я узнаю также, что Швейцария объявила мобилизацию. Отправляюсь в нашу миссию, чтобы узнать, должен ли я готовиться к отъезду.

Среда 5 августа. — Я встретил Государя в парке; он очень радостно объявил мне, что вследствие нарушения бельгийского нейтралитета Англия становится на сторону правого дела. Кроме того, нейтралитет Италии представляется обеспеченным.

«Мы уже одержали большую дипломатическую победу, за ней последует победа оружием и, благодаря поддержке Англии, она наступит скорее, чем это можно думать. Немцы имеют всю Европу против себя, кроме Австрии. Их наглость и деспотизм в конце концов надоели даже их союзникам; посмотрите на итальянцев!»

Вечером я вновь имел длинную беседу с Государыней, которая не допускает возможности моего отъезда в Швейцарию.

«Это безрассудно, вы никогда туда не доедете, все пути отрезаны».

Я ей сказал, что между французским посольством и швейцарской миссией заключено соглашение, и что мы все вместе поедем через Дарданеллы.

«Беда в том, что, если у вас и есть некоторый шанс, весьма впрочем незначительный, попасть к себе, то у вас не будет никакой возможности вернуться сюда до окончания войны. А так как Швейцария драться не будет, то вы будете сидеть у себя, ничего не делая.»

В эту минуту доктор Деревенко вошел в залу, где я находился с Ее Величеством. Он держал в руках вечерние газеты, которые извещали о том, что Германия нарушила швейцарский нейтралитет.

«Как, еще?! Но ведь это сумасшествие, это бессмыслица. Они окончательно потеряли голову!»

И понимая, что она теперь уже не может задерживать меня, она больше не настаивала и начала ласково говорить о моих родителях, которые так долго еще не будут иметь обо мне известий.

«Я сама ничего не знаю о моем брате, — добавила она. — Где он? В Бельгии, на французском фронте? Я дрожу при мысли, как бы император Вильгельм из мести ко мне не послал его против России, он вполне способен на такую гадость. Ах! какой ужас война! Сколько бедствий, сколько страданий! Боже мой!… Что будет с Германией? Какое унижение, как она будет раздавлена! И все это по вине Гогенцолернов, из-за их безумной гордости и

ненасытных вожделений. Что они сделали с Германией моего детства! У меня остались от этих первых лет такие красивые, поэтические и благотворные воспоминания о Дармштадте. У меня было столько добрых друзей. Но в последние мои приезды Германия мне показалась совсем другой, незнакомой страной, которую я уже больше не понимала…. Только со стариками я по-прежнему находила общие мысли и чувства. Пруссия сделала несчастье Германии. Германский народ обманут, в него внедрили чувства ненависти и мести, которые были ему несвойственны. Борьба будет ужасна, чудовищна, и человечество идет навстречу невообразимым страданиям…»

Четверг 6 августа. — Я был утром в городе. Нарушение швейцарского нейтралитета не подтверждается и кажется весьма неправдоподобным. Проезд через Дарданеллы невозможен. Наш отезд отложен и нельзя предвидеть, когда он может состояться. Это неведение меня угнетает.

Воскресенье 9 августа. — Государь вновь довольно долго беседовал со мною сегодня. Он говорил, как и в предыдущие дни, с откровенностью и доверчивостью, которые могут найти объяснение только в тех исключительных событиях, которые мы переживаем. Никогда раньше ни он, ни Государыня не касались в разговоре со мною вопросов политического или интимного характера. Но необыкновенные события этих последних дней, и то обстоятельство, что я оказался так близко стоящим к их заботам и тревогам, приблизили меня к ним и на время заставили пасть условные преграды этикета и дворцовых обычаев.

Государь сначала заговорил со мною о вчерашнем торжественном заседании Государственной Думы. Он сказал какую огромную радость доставило ему занятое ею положение, полное решимости, достоинства и горячего патриотизма.

«Дума оказалась на высоте событий и действительной выразительницей нации, потому что весь русский народ понял оскорбление, нанесенное ему Германией. У меня теперь полная вера в будущее… Сам я сделал все, что мог, чтобы избежать этой войны, я шел навстречу всем уступкам, совместимым с нашим достоинством и национальной честью…. Вы не поверите, как я счастлив выйти из этой ужасной неизвестности; я никогда не переживал пытки, подобной этим мучительным дням, предшествовавшим войне. Я уверен теперь, что в России поднимется движение, подобное тому, которое было в Отечественную войну 1812 года.»

Среда 12 августа. — Сегодня день рождения Алексея Николаевича — ему минуло десять леть.

Пятница 14 августа. — Великий Князь Николай Николаевич,

[38] Верховный Главнокомандующий, отбыл на фронт. Перед отъездом из Петергофа он заехал в Александрию, чтобы поднести Государю первый трофей войны — пулемет, взятый у немцев в боях на границе Восточной Пруссии.

Суббота 15 августа. — Мне объявили сегодня вечером, что мне официально разрешено не возвращаться в Швейцарию. Я узнал, что это является результатом представления, сделанного Сазоновым в Берне по желанию Ее Величества. Впрочем все более и более сомнительно, чтобы швейцарцы могли выехать.

Царская Семья должна отбыть 17–20 августа в Москву, где Государь хочет, по обычаю своих предков, в тяжелую годину, переживаемую Родиной, испросить благословения Божия себе и своему народу в трагические для страны минуты.

Понедельник 17 августа. — Прибытие Их Величеств в Москву было самым трогательным и умилительным зрелищем, какое мне довелось видеть до сих пор….

После обычных приемов на вокзале мы длинной вереницей экипажей направились в Кремль. Огромная толпа наполняла площади и улицы; люди взбирались на крыши лавок, как гроздья висели на деревьях скверов, влезали в окна магазинов, толпились на балконах и у окон домов. И под непрерывный звон колоколов всех церквей из тысяч уст разносился внушительный своим религиозным величием и сдержанным волнением тот чудный русский гимн, в котором выражена вера целого народа:

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам.
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, Царя храни!

Сквозь раскрытые настежь двери церквей были видны огни свеч, горящих перед иконостасами, священники в полном облачении, с золотыми крестами в руках, благословляли Царя при его проезде. Звуки гимна то замирают, то вновь крепнут и растут, как молитва, с могучим и величественным припевом:

Боже, Царя храни!

Шествие приближается к Воскресенским воротам.[39] Государь выходит из экипажа и по обычаю входит в часовню приложиться к чудотворной иконе Иверской Божьей Матери. Он

выходит, делает несколько шагов и останавливается, господствуя над несметной толпой. Его лицо серьезно и проникновенно; неподвижно внемлет он голосу своего народа и как бы входит в общение с ним. Еще раз он слышит биение сердца великой России…

Он поворачивается затем к часовне, крестится, покрывается и медленно подходит к экипажу, который скрывается в старинных воротах и проезжает в Кремль.

Алексей Николаевич опять очень жалуется сегодня вечером на боли в ноге. Сможет ли он завтра ходить, или придется его нести, когда Их Величества отправятся в собор? Государь и Государыня в отчаянии. Ребенок не мог уже участвовать на выходе в Зимнем дворце. Это почти всегда так, когда ему надо показаться народу: можно быть почти уверенным, что в последнюю минуту явится какое-нибудь осложнение. И правда, кажется, что его преследует злой рок!

Вторник 18 августа. — Когда сегодня Алексей Николаевич убедился, что не может ходить, он пришел в большое отчаянье. Их Величества тем не менее решили, что он все же будет присутствовать при церемонии. Его будет нести один из казаков Государя. Но это жестокое разочарование для родителей: они боятся, что в народе распространится слух, будто Цесаревич — калека.

В одиннадцать часов, когда Государь появился наверху Красного крыльца, несметная толпа, теснившаяся на площади, восторженно его приветствовала. Он медленно спустился под руку с Государыней, сопутствуемый длинным шествием, и направился по помосту в Успенский собор. Он входит в церковь среди восторженных кликов толпы. Присутствуют митрополиты: Киевский, Петербургский и Московский, а также высшее православное духовенство. По окончании службы члены императорской семьи прикладываются по очереди к святым мощам. Они следуют затем в Чудов монастырь, где молятся у гробницы святителя Алексея.

Еще долго после возвращения Их Величеств во дворец народ продолжал стоять на площади в надежде их снова увидеть. И когда мы вышли несколько часов спустя, на площади были еще толпы крестьян.

Четверг 20 августа. — Энтузиазм все растет и растет. Кажется, будто народ московский, гордясь пребыванием Царя среди него и желая удержать его в Москве возможно дольше, хочет привлечь его выражением своей любви. Манифестации делаются все более и более непосредственными, бурными и яркими.

Мы каждый день выезжаем на автомобиле с Алексеем Николаевичем. Обыкновенно мы направляемся на Воробьевы горы, откуда открывается поразительный вид на долину Москвы-реки и на царскую столицу. С этого места Наполеон, перед вступлением в Москву, смотрел на нее 14 сентября 1812 года. Зрелище это поистине величественно: на первом плане, у подножия холма — Новодевичий монастырь со своим кремлем и шестнадцатью башнями с бойницами; немного позади его — священный город со своими четырьмястами пятьюдесятью церквами, с дворцами, садами, монастырями, обнесенными зубчатыми стенами, с их золотыми куполами и причудливыми формами их ярко расцвеченных глав.

Сегодня утром, во время нашего возвращения с обычной прогулки, шофер принужден был остановиться при въезде в один из переулков около Якиманки — так велика была толпа. Она состояла исключительно из простонародья и окрестных крестьян, пришедших в город по делам или в надежде увидеть Царя. Вдруг раздались крики: «Наследник, Наследник!..» Толпа бросилась вперед, нас окружили, мы очутились, как в кольце, словно в плену у этих мужиков, рабочих, торговцев, которые толкали друг друга, кричали и пробивались вперед, чтобы лучше разглядеть Цесаревича. Женщины и дети, мало-помалу осмелев, влезают на подножки автомобиля, протягивают руки через дверцы и, когда им удается дотронуться до ребенка, кричат с торжеством: «Я его тронула, я тронула Наследника!»

Испуганный бурным проявлением этих народных чувств, Алексей Николаевич откинулся в глубину автомобиля. Он был бледен, взволнован неожиданностью этой народной манифестации, принимавшей столь крайние и новые для него формы. Однако он скоро оправился, видя добрые улыбки этих славных людей, но оставался сконфуженным и смущенным вниманием, предметом которого сделался; он не знал, что ему говорить и делать. Что касается меня, то я не без страха спрашивал себя, как все это кончится. Я знал, что для прогулок Наследника Цесаревича не делается никаких нарядов полиции, так как ни время, ни направление их не могли быть заранее установлены. Я начинал бояться какого-нибудь несчастного случая в невероятной сутолоке и давке, происходившей вокруг нас.

Наконец появилось два толстых, запыхавшихся городовых, грозно кричавших изо всех сил. Толпа с покорным послушанием русского мужика заколебалась и медленно отступила. Я дал приказание боцману Деревенко, следовавшему за нами в другом автомобиле, ехать вперед, и нам таким образом удалось

медленно выбраться из толпы.

Пятница 21 августа. — Их Величества пожелали перед возвращением в Царское Село посетить Троице-Сергиевский монастырь — святыню, наиболее чтимую в России после древней Киевской лавры. Поезд довез нас до маленькой станции Сергиево, откуда мы проследовали в экипажах до монастыря. Он построен на возвышенности, и его можно было бы принять издали за огромную крепость, если бы пестрые колокольни и золоченые купола его тридцати церквей не выдавали его истинного назначения. Как оплоту Православия, ему пришлось подвергнуться в течение своей истории грозным нападениям, из которых самым знаменитым была осада, выдержанная в XVII веке в течение шестнадцати месяцев против тридцатитысячной польской армии.

Здесь так же, как в Москве и на верхнем Поволжье, с наибольшей силой воскресает прошлое боярской Руси, Великих Князей московских и первых Царей. Здесь лучше всего можно понять исторической рост русского народа.

Царская Семья присутствовала на молебне и приложилась к мощам преподобного Сергия, основателя монастыря. Архимандрит благословил Государя иконой, писанной на доске от гроба преподобного, одного из наиболее чтимых во всей России святых. В былое время эта икона всегда сопутствовала Царям в их походах. По приказанию Государя она будет перевезена в ставку и поставлена в походную церковь верховного главнокомандующего.

После этого Государь, Государыня и дети проследовали в маленькую церковь святого Никона, затем они задержались на несколько минут в бывших патриарших палатах. Но времени было мало, и мы должны были отказаться от осмотра Гефсиманской пустыни, которая находится в небольшом расстоянии от монастыря и где по обычаю, еще нередкому в России, некоторые схимники затворяются в подземных замурованных кельях. Они живут там в посте и молитве иногда до конца своих дней, совершенно отделившись от мира и получая пищу через отверстие в стене, которое остается для них единственным средством сообщения с людьми.

Простившись с архимандритом, императорская семья покинула монастырь, провожаемая до внешней ограды толпой монахов, теснившихся вокруг экипажей.

Глава X. Первые шесть месяцев войны

Мы вернулись 22 августа в Царское Село, где Государь должен был провести некоторое время до отъезда в Ставку. Необходимость решения важнейших дел требовала его присутствия в непосредственной близости к столице.

Несмотря на лежавшую на нем страшную ответственность, Государь никогда не выказывал столько твердости, решительности и сознательной энергии, как в это первое время войны. Никогда столь властно не проявлялась его личность. Создавалось впечатление, что он душой и телом отдался громадной задаче — вести Россию к победе. В нем чувствовалась духовная сила и упорная воля к победе, которая сообщалась всем, кто к нему приближался.

Государь был скромен и застенчив. Он принадлежал к числу людей, постоянно колеблющихся вследствие чрезмерной совестливости и из преувеличенной чувствительности и деликатности с трудом решающихся навязывать свою волю другим. Он сомневался в самом себе и был убежден, что ему не везет. Его жизнь, увы, как будто доказывала, что он не вполне в этом ошибался. Это было источником его колебаний и сомнений. Но на этот раз, казалось, что что-то изменилось в нем. Откуда же черпал он эту уверенность?

С одной стороны у Государя была вера в святость дела, которое он защищал. События конца июля дали ему возможность ясно увидеть двуличность Германии, жертвой которой он едва не сделался. С другой стороны он никогда еще не был так близок к своему народу; он чувствовал, что его как бы несет народная волна. Его московское путешествие показало ему, насколько эта война была популярна, и как ему благодарны за то, что он своим достоинством и твердостью еще поднял в глазах иностранцев престиж русской нации. Никогда восторг народных масс не выказывался с такой искренностью и силой. Царь чувствовал, что за ним вся страна, и он надеялся, что политическая рознь, прекратившаяся перед лицом общей опасности, не возобновится, пока будет длиться война.

Ужасное поражение при Сольдау, в Восточной Пруссии, происшедшее через несколько дней по возвращении его из Москвы, не поколебало его уверенности. Он знал, что причина этого несчастья была в недостатке сосредоточения войска и в излишней поспешности, с которой генерал Самсонов должен был

проникнуть на германскую территорию, дабы оттянуть на себя часть неприятельских сил и облегчить таким образом западный фронт. Но эта неудача была вознаграждена неделей спустя победой на Марне. Значит, не приходилось сожалеть об этой жертве, которая спасла Францию и тем самым и Россию. Правда, что того же можно было достигнуть с меньшими потерями, и русское командование не было вполне безупречно, но это было одно из таких несчастий, которые всегда могут случиться в начале войны.

Итак Государь сохранял полную уверенность и энергию. С самого начала войны и несмотря на оппозицию влиятельных лиц, он запретил производство и продажу спирта. Это был очень чувствительный ущерб для казны и притом в ту минуту, когда деньги нужны были более, чем когда-либо. Но его убеждение было сильнее всех возражений, которые ему представляли. Он проявил также свою личную волю, стараясь заменить непопулярных министров людьми, которые, казалось, стяжали себе расположение Думы. Он хотел отметить таким путем свое искреннее желание более действительного сотрудничества с народным представительством.

3 октября Государь уехал в Ставку, где пробыл три дня, и после короткого осмотра войск в районе Бреста и Ковны вернулся в Царское Село. С этого времени он стал совершать периодические поездки на фронт и в тылу, посещая различные секторы своей огромной армии, перевязочные пункты, военные госпитали, тыловые заводы, одним словом все, что играло роль в ведении этой грандиозной войны.

Императрица с самого начала войны посвятила себя раненым. Она решила, что Великие Княжны Ольга и Татьяна Николаевны будут помогать ей в этом деле. Они все три проходили курсы обучения сестер милосердия и проводили каждый день по несколько часов в уходе за ранеными, которые были эвакуированы в Царское Село. Ее Величество, иногда с Государем, а иногда одна с двумя старшими дочерьми, посещала краснокрестные учреждения западных и центральных городов России. По ее просьбе было создано много военных госпиталей и оборудованы санитарные поезда, специально приспособленные для перевозки раненых в тыл, — часто очень медленной вследствие дальности расстояний. Ее примеру последовали, и никогда частная инициатива не проявлялась с таким подъемом и щедростью.

Наконец в Москве был созван съезд представителей всех земств и городских самоуправлений, чтобы сплотить все силы страны. Под влиянием энергичных и бескорыстных людей, этот

съезд скоро превратился в мощную организацию, которая располагала огромными средствами и имела возможность оказать правительству ценное содействие.

В России до того времени никогда не проявлялось движения, которое можно было бы сравнить с этим по размаху и патриотизму. Эта война стала народным делом.

Сентябрь прошел для русских войск в переменных успехах и неудачах. В Восточной Пруссии за поражением у Сольдау последовало поражение при Мазурских озерах, где вновь проявилось превосходство немцев. В Галиции, напротив, русскими был занят Львов, и они неудержимо продвигались вперед, нанося серьезные потери австрийской армии, которая отступила к Карпатам. В следующем месяце немцы пытались занять Варшаву, но их бешеные приступы сломились об удивительную стойкость русских. Потери с обеих сторон были значительны.

В декабре Государь уехал на Кавказ, где действовала южная армия. Он хотел провести некоторое время среди этих войск, которые вели борьбу в особенно трудных условиях против турецких дивизий, сосредоточенных на границах Армении. На обратном пути он съехался в Москве с Государыней и детьми, выехавшими ему навстречу. Государь посетил военные училища и несколько раз с Государыней, Наследником и Великими Княжнами навещал городские больницы и лазареты.

Энтузиазм народа, за те пять дней, которые мы пробыли в Москве, был так же силен, как и в августе. Их Величества с сожалением покинули древнюю Московскую столицу; Государь уехал в Ставку, остальная же семья возвратилась в Царское Село.

После празднеств по случаю Нового Года, Государь продолжал свои периодические путешествия в Ставку и на фронт. Армия готовилась к решительному наступлению, которое должно было состояться в марте.

Всю эту зиму здоровье Цесаревича было вполне удовлетворительно, и уроки могли идти своим чередом. В начале весны Ее Величество заявила мне, что Государь и она решили, ввиду всех сложившихся обстоятельств, не давать пока воспитателя Алексею Николаевичу. Я принужден был вопреки тому, что ожидал, нести один в продолжение еще некоторого времени тяжелую ответственность и стараться по мере сил пополнять пробелы в воспитании Наследника. Я очень ясно сознавал, что его надо было хотя бы на несколько часов в день выводить из его обычной обстановки и ставить в непосредственное соприкосновение с жизнью. Я достал себе карту местности издания генерального штаба и наметил ряд прогулок в

автомобиле, которые дали нам возможность объездить постепенно все окрестности на расстоянии 30 верст. Мы выезжали тотчас после завтрака, часто останавливаясь у въезда встречных деревень, чтобы смотреть, как работают крестьяне. Алексей Николаевич любил их расспрашивать; они отвечали ему со свойственными русскому мужику добродушием и простотой, совершенно не подозревая, с кем они разговаривали. Железные дороги в пригородах Петрограда также привлекали внимание Алексея Николаевича. Он очень живо интересовался движением на маленьких станциях, которые мы проезжали, работами по ремонту путей, мостов и т. д.

Дворцовая полиция забеспокоилась насчет этих прогулок, которые происходили вне района ее охраны и направление которых никогда не было известно заранее. Мне предложили подчиниться установленным правилам, но я не обратил на это внимания, и наши прогулки продолжались по-прежнему. Тогда полиция прибегла к новому способу охраны, и каждый день, выезжая из парка, мы неизбежно видели автомобиль, который несся вслед за нами. Одним из наибольших удовольствий Алексея Николаевича было заставить его потерять наш след; иногда это нам удавалось.

Между тем я был особенно озабочен поисками Наследнику товарищей. Эту задачу было очень трудно разрешить. По счастью обстоятельства сами собою отчасти пополнили этот пробел. Доктор Деревенко имел сына одних приблизительно лет с Наследником. Дети познакомились и вскоре подружились; не проходило воскресенья, праздника или дня отпуска, чтобы они не соединялись. Наконец они стали видаться ежедневно, и Цесаревич получил даже разрешение посещать доктора Деревенко, жившего на маленькой даче недалеко от дворца. Он часто проводил там всю вторую половину дня в играх со своим другом и его товарищами в скромной обстановке этой семьи среднего достатка. Это нововведение подверглось большой критике, но Их Величества не обращали на это внимания; они сами были так просты в своей частной жизни, что могли только поощрять такие же вкусы своих детей.

Тем временем война внесла довольно значительное изменение в наше существование. Жизнь дворца стала еще более суровой. Государь часто отсутствовал. Государыня так же, как и обе старшие дочери, всегда носила форму сестры милосердия; она делила свое время между посещениями госпиталей и многочисленными занятиями по организации помощи раненым. Она очень утомляла себя в начале войны. Она, не рассуждая, тратила свои силы, с тем пылом и страстью, которые вносила во

все свои начинания, и хотя здоровье ее уже было сильно подорвано, выказывала изумительную выносливость. Казалось, она черпала большую поддержку в выполнении предпринятого ею святого дела; она одновременно находила в нем удовлетворение своей потребности самопожертвования и забвение своей тоски и опасений, которые ей внушала болезнь Наследника даже в спокойные промежутки.

Война имела еще одно последствие, столь же радостное, сколь и неожиданное, а именно — удаление Распутина на второй план. Он вернулся из Сибири в конце сентября, вполне выздоровевший после тяжелого ранения, которое подвергло его жизнь такой большой опасности. Но все склоняло к предположению, что со времени его возвращения им слегка пренебрегали; во всяком случае, его посещения стали реже. Правда, Алексей Николаевич всю эту зиму был здоров, и не было надобности прибегать к его вмешательству; таким образом он лишался того, что было источником главной его силы.

Тем не менее его влияние, несмотря на все, оставалось очень значительным. Мне пришлось в этом убедиться незадолго до того, во время страшного железнодорожнаго крушения, чуть было не стоившего жизни г-же Вырубовой. Ее извлекли почти безжизненной из под обломков вагона и перевезли в Царское Село в отчаянном, казалось, состоянии. Императрица была потрясена. Она немедленно села у изголовья той, которая была почти единственным ее другом. Спешно вызванный Распутин находился там же. Императрица в этом несчастии видела новое доказательство судьбы, ожесточенно преследовавшей, как она была в том убеждена, всех, кого она любила. И когда она в сильной тревоге спросила Распутина, останется ли жива г-жа Вырубова, он ответил:

— Бог оставит ее тебе, если она действительно нужна тебе и родине; если же, наоборот, ее деятельность вредна, Господь ее возьмет к себе; даже мне не дано знать его неисповедимых путей.

Это был, надо признаться, очень ловкий способ выпутаться из затруднительного положения. Если бы Вырубова поправилась, Распутин обеспечивал себе ее вечную признательность, так как, благодаря ему, ее выздоровление как бы вновь освящало призвание, выполняемое ею при Императрице; — если бы она умерла, Ее Величество видела бы в ее смерти неисповедимую волю Провидения и скорее бы утешилась в ее потере.[40]

Это его вмешательство вновь усилило влияние Распутина, но только временно; несмотря на все, чувствовалось, что что-то изменилось, и значение его уменьшилось. Я испытывал большое

удовлетворение, убеждаясь в этом; я тем более радовался этому, что несколько времени перед тем у меня был длинный разговор о старце с швейцарским посланником в Петрограде.[41] Подробности, данные им во время нашего разговора, не оставили во мне ни малейшего сомнения насчет действительной личности Распутина. Он был, как я и предполагал, сбившимся с пути мистиком, обладавшим какой-то психической силой, неуравновешенным человеком, обуреваемым поочередно, то плотскою похотью, то мистическими стремлениями; это было существо, способное после ночных оргий неделями предаваться религиозному экстазу… Но я никогда до этой беседы не подозревал того значения, которое, не только в русских кругах, но даже в иностранных посольствах и миссиях Петрограда, придавали политической роли Распутина; значение его сильно преувеличивали, но один тот факт, что подобное влияние могло существоват, было уже вызовом общественному мнению. Кроме того, присутствие этого человека при Дворе было поводом к удивлению и осуждению для всех, кто знал разгульность его личной жизни. Я отдавал себе отчет в том, что в этом заключалась большая угроза престижу Их Величеств, и что это послужит орудием, которым враги рано или поздно воспользуются против них.

Единственным средством было бы удаление Распутина, но где была сила, способная вызвать его опалу? Я слишком хорошо знал глубокие причины его влияния на Императрицу, чтобы не бояться, наоборот, нового усиления этого влияния, если бы обстоятельства ему благоприятствовали.

Эти шесть первых месяцев войны не принесли ожидаемых результатов, и все заставляло предвидеть, что борьба будет очень долгая и тяжелая. Могли появиться непредвиденные осложнения, так как продолжение войны должно было повлечь за собой очень большие экономические трудности, грозившие вызвать недовольство и беспорядки. Все это сильно беспокоило Государя и Государыню; они имели очень озабоченный вид.

Как всегда в тяжелые и тревожные минуты, Царь и Царица черпали нужную им поддержку в религии и в любви своих детей. Великие княжны просто и благодушно относились ко все более и более суровому образу жизни во дворце. Правда, что все их прежнее существование, совершенно лишенное всего, что обычно красит девичью жизнь, приготовило их к этому. В 1914 году, когда вспыхнула война, Ольге Николаевне было почти 19, а Татьяне Николаевне только что минуло 17 лет. Они никогда не присутствовали ни на одном балу; им довелось лишь участвовать на двух-трех вечерах у свой тетки, великой княгини Ольги

Александровны. С начала военных действий у них была одна лишь мысль — облегчить заботы и тревоги своих родителей. Они окружали их своей любовью, которая выражалась в самых трогательных и нежных знаках внимания.

Какой пример, если бы только о нем знали, давала эта столь достойная семейная жизнь, полная такой нежности! Но как мало людей о ней подозревали! Правда, что эта семья была слишком равнодушна к общественному мнению и укрывалась от посторонних взоров.

Глава XI. Отступление русской армии. Государь принимает на себя Верховное командование. Увеличивающееся влияние Государыни (февраль-сентябрь 1915 г.)

Несмотря на осенние успехи русских в Галиции, положение весной 1915 года оставалось очень неопределенным. с обеих сторон готовились возобновить борьбу с новым ожесточением. Со стороны русских были приняты, казалось, все меры, дабы придать армии возможно большую боеспособность и обеспечить правильное ее снабжение. По крайней мере Государь, на основании представленных ему докладов, был в этом уверен и возлагал все свои надежды на эту весеннюю кампанию.

Наступление начали австрийцы, но русские произвели сильную контратаку, и их превосходство не замедлило ясно обнаружиться по всему фронту.

В первую половину марта их успех продолжал утверждаться. 19-го они заняли крепость Перемышль; весь гарнизон и весьма значительная военная добыча попали в их руки. Это была громадная радость для всей страны. Государь вернулся 24 марта из Ставки; он сиял. Повернется ли боевое счастье окончательно в сторону России?

В половине апреля русские войска заняли вершины Карпат и стали угрожать богатым равнинам Венгрии; австрийская армия выбилась из сил. Но эти успехи были куплены ценой огромных жертв. Борьба в горах продолжалась в условиях, чрезвычайно тяжелых для победителя. Вдобавок, затянувшаяся война давала себя чувствовать и внутри страны; население начало страдать от дороговизны съестных припасов, а недостаток перевозочных средств останавливал хозяйственную жизнь. Необходимо было найти выход из создавшегося положения.

Между тем Германия не могла оставаться безучастной к крушению австрийской армии. Как только опасность ясно ей представилась, она постаралась ее предотвратить, приняв все зависевшие от нее меры. Несколько немецких корпусов было сосредоточено на восток от Кракова и поставлено под команду генерала фон Макензена, который должен был атаковать русскую

армию с фланга и стараться отрезать от их базы войска, действовавшие в Карпатах. Наступление состоялось в начале мая, и под давлением немцев русская армия была принуждена быстро отступить из западной Галиции на восток. Приходилось мириться с очищением Карпатских проходов, занятие которых стоило таких усилий, и спуститься в равнину. Войска дрались с замечательной храбростью и стойкостью, но у них не было оружия и снарядов. Отступление продолжалось. 5 июня неприятель вновь занял Перемышль, 22-го Львов, а в конце месяца почти вся Галиция, эта славянская земля, завоевание которой так радовало русские сердца, — была очищена.

Вслед за этим немцы предприняли сильное наступление в Польше и стали быстро продвигаться, несмотря на ожесточенное сопротивление русских. Положение было серьезно, весь русский фронт был поколеблен и отодвигался под натиском австро-германских армий. Общественное миение было обеспокоено, хотело знать, на кого падала ответственность за эти поражения, искало виновников, требовало наказаний.

Государь очень тяжело переживаль события. Удар для него был тем более жесток, что он совершенно его не предвидел. Однако он не склонялся перед несчастьем. 25 июня он сместил военного министра, генерала Сухомлинова, преступная бездеятельность которого, казалось, возлагала на него ответственность за внезапно обнаружившуюся невозможность снабдить войска. Он заменил его генералом Поливановым. 27 июня он собрал в Ставке под своим председательством совет, в котором приняли участие все министры. Надо было поднять общую энергию, мобилизовать все силы и все средства страны для борьбы до победного конца с ненавистным врагом. Было решено созвать Думу. Первое заседание ее состоялось 1 августа, в годовщину объявления войны Германией России. Твердое и мужественное настроение собрания способствовало успокоению умов. Но, приглашая всю страну содействовать защите родины, Дума требовала, чтобы виновники несчастия были найдены и наказаны. Несколько дней спустя, Государь назначил «верховную следственную комиссию», чтобы установить, на ком лежит ответственность за национальное поражение.

В это время, наступление немцев в Польше продолжало развиваться; 5 августа была покинута русскими Варшава, и войска перешли на правый берег Вислы. 17 августа было взято Ровно; одна за другой все русские крепости падали под напором неприятеля, которого, казалось, никакие преграды уже не способны были задержать. В конце августа все Царство Польское было в руках немцев.

Поражение принимало размеры катастрофы и ставило в опасность самое существование родины. Удастся ли остановить поток завоевателей, или придется, как в 1812 году, отступить вглубь страны, уступая русские земли неприятелю? Неужели все понесенные жертвы ни к чему не привели?

Деревня страдала от постоянных наборов и реквизиций; хлебопашцам не хватало рабочих рук и лошадей. Вместе с расстройством железнодорожного сообщения и притоком беженцев в городах росла дороговизна. Из уст в уста передавались самые пессимистические речи, говорили о саботаже, об измене…. Русское общественное мнение, столь непостоянное, столь склонное к преувеличениям, как в радости, так и в горе, — предавалось самым мрачным предчувствиям.

И вот в минуту, когда Россия переживала этот острый кризис, Николай II решил взять на себя Верховное командование армией.

Государыня уже в течение многих месяцев побуждала Государя принять это решение, но он все время противился ее настояниям: ему претила мысль отнять у Великого Князя Николая Николаевича командование, которое он ему вручил. Как только вспыхнула война, его первым движением было стать во главе армии; однако, сдаваясь на просьбы министров, он отказался от самой заветной своей мечты. Он всегда сожалел об этом, но теперь, когда немцы, завоевав всю Польшу, продвигались по русской земле, ему казалось преступным оставаться в тылу и не принять более деятельного участия в защите своей страны.

Государь вернулся 11 июля из Ставки и раньше, чем прийти к этому решению, провел два месяца в Царском Селе. Я передаю здесь мой разговор с ним 16 июля, потому что он ясно указывает, каковы были уже тогда воодушевлявшие его чувства. Он в этот день встретил нас с Алексеем Николаевичем в парке. Рассказав ребенку некоторые впечатления о своей последней поездке в армию, он обернулся ко мне и добавил:

— Вы не поверите, как тягостно мне пребывание в тылу. Мне кажется, что здесь все, даже воздух, которым дышешь, ослабляет энергию, размягчает характеры. Самые пессимистические слухи, самые неправдоподобные известия встречают доверие и облетают все слои общества. Здесь заняты лишь интригами и происками, живут только эгоистическими и мелкими интересами; там же — дерутся и умирают за родину. На фронте одно чувство преобладает над всем: желание победить; остальное забыто, и, несмотря на потери, на неудачи, сохраняют веру…. Всякий человек, способный носить оружие, обязан быть в армии. Что касается меня, я не могу дождаться минуты, когда присоединюсь к моим войскамь.[42]

Императрица сумела использовать это горячее желание: она постаралась победить его сомнения, которые, с другой стороны, могли быть ему внушены некоторыми соображениями.

Она желала удаления Великого Князя Николая Николаевича, которого обвиняли в том, что он под рукой пытается подорвать престиж Государя и хочет вызвать в свою пользу дворцовый переворот. Кроме того, доверяя сведеньям, получаемым ею от г-жи Вырубовой, она была уверена, что Ставка была центром заговора, цель которого была схватить ее в отсутствии Государя и удалить в монастырь. Царь вполне доверял верности Великого Князя Николая и считал его неспособным на какой бы то ни было обман, но допускал возможность его соучастия в кознях против Царицы. Он сдался, однако, лишь когда повелительное чувство, побуждавшее его стать во главе армии, сделалось в его глазах долгом совести. Вступая лично в борьбу, он хотел показать, что война будет доведена до конца, и подчеркнуть непоколебимую свою веру в конечную победу. Он считал своим долгом Главы государства в эти трагические минуты, не щадя себя, принять на себя всю ответственность. Он хотел также своим присутствием вселить веру в войска, настроение которых было поколеблено целым рядом неудач. Они устали бороться с врагом, главная сила которого заключалась в преимуществе его вооружения.

Несмотря на последние отступления, военный престиж Великого Князя Николая Николаевича был значителен в России. Во все время этого первого года войны он доказал свою твердость и решимость. Лишение его командования в минуту поражения могло быть принято за указание, что его считают ответственным. Оно могло быть истолковано, как наказание, столь же несправедливое в отношении его заслуг, сколь и оскорбительное для его чести. Государь отдавал себе в этом отчет и решился на это лишь скрепя сердце. Он сначала намеревался оставить Великого Князя при себе в Ставке, но это создало бы щекотливое положение для бывшего Главнокомандующего, и он решил назначить его Наместником на Кавказ и Главнокомандующим армией, действовавшей против турок.

Государь сообщил министрам свое решение принять Верховное командование в совете, собранном в Царском Селе за несколько дней до отъезда в Ставку. Это известие совершенно ошеломило большинство присутствовавших, и они пытались убедить Государя отказаться от своего предположения. Они указали ему на серьезное неудобство, которое создастся для успешного хода дел, если он, Глава государства, будет почти постоянно пребывать в Ставке, на расстоянии более 800 верст от места пребывания правительства. Они ссылались на

многочисленные его обязанности и просили не брать на себя новой и столь тяжкой ответственности. Наконец они умоляли его не становиться во главе войск в такую критическую минуту: в случае неудач он рисковал подвергнуться нападкам, которые подорвали бы его престиж и авторитет. Но Государь остался непоколебим. Некоторые из окружающих сделали новые попытки отговорить его, но они равным образом не удались, и 4 сентября вечером он уехал в Могилев, где находилась Ставка. На следующий день он подписал приказ, в котором извещал войска о своем вступлении в Верховное командование и в конце собственноручно прибавил: «С твердою верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять Наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской».

Это подтверждало обет, данный им в начале войны, и связывало с этой борьбой судьбу династии.

Во Франции и в Англии это известие вызвало удивление, не лишенное некоторых опасений. В этом увидели, однако, залог того, что русская Империя в лице ее монарха, безвозвратно связала свою судьбу с участью держав Согласия и притом в ту минуту, когда целый ряд поражений давал повод опасаться проявления сепаратных стремлений. Все крупные газеты союзных государств подчеркнули важность этого решения. Они выражали надежду, что оно весьма благотворно отразится на настроении армии и будет содействовать одержанию конечной победы. В России вся печать была полна торжествующих восхвалений, но в действительности мнения насчет целесообразности этой перемены в командовании были вначале довольно различны. В армии присутствие Государя содействовало, как мы это увидим далее, поднятию духа солдат и вновь подбодрило войска.

История когда-нибудь установит, каковы были политические и военные последствия этой меры, которая со стороны Государя была проявлением мужества и веры.

Как я и опасался, равнодушие, которое как будто выказывалось Распутину в течение предыдущей зимы, было, увы, лишь временным. Во время майских поражений оно сменилось новым усилением его влияния, которое еще увеличилось впоследствии. Эта перемена настроения легко объяснима. В начале войны Государь и Государыня, всецело проникнутые величием собственного долга, переживали часы повышенного настроения. Преисполненные любви к своему народу, они чувствовали, что он отвечает им тем же. Это горячее общение окрыляло их надежды; они почувствовали себя подлинным центром того великого национального движения, которое

охватило всю Россию. Военные события последующих месяцев не поколебали их мужества; они сохранили полной и неприкосновенною веру в весеннее наступление, которое должно было увенчаться окончательным торжеством русского оружия.

Вот почему, когда разразилась катастрофа, они пережили дни невыразимой скорби. В своем страдании Императрица должна была испытать неудержимое стремление искать нравственной поддержки в том, который в ее глазах был не только спасителем ее сына, но и представителем народа, посланным от Бога, чтобы спасти Россию и ее Царя.

Государыня начала заниматься политикой не из личного честолюбия или жажды власти, как об этом говорили. Побуждения, которые ее к этому влекли, проистекали из области душевых чувств. Она в такой же мере обожала мужа, как боготворила своих детей, и ее потребность посвящать себя тем, кого она любила, была безгранична. Единственным ее желанием было быть полезной Государю в тяжелой его задаче и помогать ему своими советами.

Убежденная, что самодержавие есть единственная подходящая для России форма правления, Государыня считала широкие либеральные уступки преждевременными. На ее взгляд только Царь, который сосредоточивал в своем лице полноту власти, мог воздействовать на темную массу русского народа. Она была убеждена в том, что в глазах мужика Государь представлялся символом единства, величия и славы Рассии, Главою государства и помазанником Божиим. Затронуть его прерогативы — значило посягнуть на веру русского крестьянина, рисковать ввергнуть страну в самые худшие катастрофы. Царь должен не только царствовать, но и управлять государством твердой и властной рукой.

Императрица внесла в новую обязанность, которую на себя возложила, то же самозабвение и мужество, но, увы, и то же ослепление, которые она проявила в борьбе за жизнь своего ребенка. Она была последовательна в своем заблуждении. Она была убеждена, как я уже говорил об этом выше, что династия может найти опору только в народе, и что Распутин — избранник Божий. Разве она не испытала действенность его молитв во время болезни сына? Она непоколебимо уверовала, что этот смиренный крестьянин может своим сверхъестественным озарением оказать помощь тому, кто держал в своих руках судьбы русской Империи. Ловкий и хитрый Распутин лишь с величайшей осторожностью решался давать политические советы. Он всегда старался быть очень точно осведомленным обо всем, что делалось при Дворе, и каковы были потаенные чувства Их Величеств. Его пророческие

слова всего чаще подтверждали лишь заветные желания самой Императрицы. На самом деле, сама того не подозревая, она вдохновляла «вдохновителя», но ее личные желания, проходя через Распутина, принимали в ее глазах силу и авторитет откровения.

Перед войной политическое влияние Государыни проявлялось лишь урывками. Она ограничивала свое воздействие главным образом тем, что вызывала удаление тех, кто заявляли себя противниками «старца». В первые месяцы вслед за открытием военных действий положение это не изменилось, но с начала больших неудач весны 1915 года, в особенности же после того, как Государь принял Верховное командование, Государыня, желая прийти на помощь мужу, которого, как она чувствовала, все более и более подавляло бремя возраставшей ответственности, стала принимать все большее участие в государственных делах. Будучи изнурена, она жаждала для себя лишь покоя, но свое личное спокойствие она приносила в жертву тому, что считала своей священной обязанностью.

Весьма сдержанная и в то же время очень непосредственная, прежде всего — жена и мать, Императрица чувствовала себя счастливой только среди своих. Образованная и обладавшая художественным чутьем, она любила чтение и искусство. Она любила также созерцание и погружалась в напряженную внутреннюю жизнь, из области которой выходила лишь при появлении опасности. Тогда она со страстной горячностью вступала в борьбу. Она была одарена самыми прекрасными нравственными качествами и всегда руководилась самыми благородными побуждениями. Но страдания сломили ее; она была лишь тенью самой себя и ей часто случалось впадать в периоды мистического экстаза, который заставлял ее утрачивать ясное представление о вещах и о людях. Ее вера в святость Распутина доказывает это яснее всего. Вот каким образом, желая спасти мужа и ребенка, которых она любила больше всего на свете, она своими собственными руками выковала оружие их погибели.

Глава XII. Император Николай II Верховный Главнокомандующий. Приезд Цесаревича в Ставку. Поездки на фронт (сентябрь-декабрь 1915 г.)

Великий Князь Николай Николаевич покинул Ставку 7 сентября, т. е. два дня спустя по прибытии Государя. Он уехал на Кавказ, взяв с собою генерала Янушкевича, который незадолго до того был заменен в должности начальника штаба Верховного Главнокомандующего генералом Алексеевым. Это назначение было очень хорошо принято в военных кругах, которые возлагали величайшие надежды на этого генерала. В самом деле, ему принадлежал план осенних операций 1914 года в Галиции, и он только что доказал еще раз свои военные дарования в должности Главнокомандующего северо-западным фронтом. Задача, которая на него возлагалась, была чрезвычайно тяжела, ибо вследствие неудержимого продвижения немцев русская армия находилась в очень критическом положении, и решения, которые надлежало принять, имели исключительное значение. С самого начала Государь всецело предоставил генералу Алексееву руководство военными действиями, лично довольствуясь лишь тем, что покрывал его своим авторитетом и принимал ответственность за все его начинания.

Несколько дней после принятия Николаем II Верховного командования положение внезапно ухудшилось. Немцам, сосредочившим крупные силы к северо-западу от Вильны, удалось прорвать русский фронт. Их кавалерия стала работать в тылу армии и угрожать перерывом ее сообщений. 18 сентября русская армия, казалось, была накануне страшного поражения. Однако, благодаря умелым распоряжениям, выдержке и героизму войск, несчастие было предотвращено. Это было последнее усилие немцев, которые сами выбились из сил. С первых же дней октября русские в свою очередь одержали успех над австрийцами. Мало-помалу громадный фронт вновь приобрель прочность, и обе стороны стали окапываться.

Это был конец долгого отступления, начавшегося в мае месяце. Несмотря на все, немцы не достигли решительного результата; русская армия покинула значительную территорию, но повсюду избежала окружения неприятелем.

Государь вернулся 6 октября на несколько дней в Царское Село, и было решено, что Алексей Николаевич вновь поедет с ним в ставку, так как ему очень хотелось показать войскам Наследника. Государыня покорилась этой необходимости; она понимала, как Государь страдал от своего одиночества; в самые тяжелые дни своего существования он был лишен своей высшей радости — семьи. Она знала, какую поддержку он почерпнет в присутствии своего сына. Но сердце ее обливалось кровью при мысли об отъезде Алексея Николаевича; это была его первая разлука с ней, и можно себе представить, какую жертву приносила эта мать, не расставававшаяся со своим ребенком ни на минуту без тревожной мысли, увидит ли она его вновь живым!

Мы ухали 14 октября в Могилев. Императрица и Великие Княжны провожали нас на вокзал. Когда я прощался с ней, Ее Величество просила меня писать ей ежедневно, чтобы сообщать известия об Алексее Николаевиче. Я обещал ей добросовестно исполнять ее желание во все время нашего отсутствия.

На следующий день мы остановились в Режице, где Государь хотел сделать смотр войскам, отведенным с фронта и расквартированным в окрестностях. Все эти полки принимали участие в тяжелой кампании в Галиции и на Карпатах, и их состав два или три раза почти полностью возобновлялся. Но несмотря на понесенные ими ужасные потери, они прошли перед Государем с удивительным подъемом. Правда, они были на отдыхе уже несколько недель и успели оправиться от усталости и лишений. Это был первый смотр Царя войскам после принятия им верховного командования. Таким образом, они видели в нем одновременно Царя и главнокомандующего. После смотра Государь подошел к солдатам и вступил в простой разговор с некоторыми из них, расспрашивая их о жестоких боях, в которых они участвовали. Алексей Николаевич шаг за шагом следовал за отцом, слушая со страстным интересом рассказы этих людей, которые столько раз видели близость смерти. Его обычно выразительное и подвижное лицо было полно напряжения от усилия, которое он делал, чтобы не пропустить ни одного слова из того, что они рассказывали. Присутствие Наследника рядом с Государем возбуждало интерес в солдатах, и когда он отошел, слышно было, как они шепотом обмениваются впечатлениями о его возрасте, росте, выражении лица и т. д. Но больше всего их поразило, что Цесаревич был в простой солдатской форме, ничем не отличавшейся от той, которую носила команда солдатских детей. Мы приехали 16 октября в Могилев, маленький городок Белоруссии очень провинциального вида, куда Великий Князь Николай Николаевич перевел ставку за два месяца перед тем, во

время большого германского наступления. Государь жил в доме губернатора, построенном на высоте, господствующей над левым берегом Днепра. Он занимал в первом этаже две довольно большие комнаты, из которых одна служила ему рабочим кабинетом, а другая спальней. Он решил, что сын будет жить с ним. Походная кровать Алексея Николаевича была поставлена рядом с кроватью его отца. Я же был помещен, как и часть военной свиты Царя, в здании окружного суда, которое было отдано в распоряжение ставки. Наша жизнь сложилась следующим образом. Государь уходил каждый день в 9 1/2 часов в штаб и оставался там обыкновенно до часу дня; я же пользовался его отсутствием, чтобы заниматься с Алексеем Николаевичем в его кабинете, где мы должны были располагаться ввиду недостатка помещений. Завтрак подавался в большой зале губернаторского дома. За ним собиралось ежедневно до тридцати приглашенных. Среди последних находился генерал Алексеев, его главные сотрудники, начальники всех союзных военных миссий, свита и некоторые офицеры, находившиеся проездом в Могилеве. После завтрака Государь разрешал срочные дела, после чего, около трех часов, мы выезжали на прогулку в автомобиле. Отъехав на известное расстояние от города, мы останавливались, выходили и около часа гуляли пешком по окрестностям. Одной из любимых целей наших поездок был красивый сосновый лес, окружающий деревушку Салтановку, где 29 июля 1812 г. произошло столкновение маршала Даву с войсками генерала Раевского.[43] Часовня, построенная на берегу пруда неподалеку от старой мельницы, указывает место, где был центр сопротивления русских.

По возвращении с прогулки Государь вновь принимался за работу, а Алексей Николаевич готовил в кабинет отца уроки к следующему дню. Однажды в то время, как я по обыкновению был при нем, Государь, обернувшись ко мне с пером в руках, внезапно прервал мое чтение словами:

— Если бы кто-нибудь мне сказал, что придет день, когда я подпишу объявление войны Болгарии, я счел бы такого человека безумцем. И вот, однако, день этот настал. Но я подписываю это скрепя сердце, так как убежден, что болгарский народ обманут своим королем и что большая часть его сохраняет привязанность к России. Сознание племенного единства скоро пробудится в нем, и он поймет свое заблуждение, но будет поздно!

Этот случай показывает всю простоту нашей жизни в ставке и интимность, созданную совершенно исключительными обстоятельствами, в которых я находился.

Государь пожелал осмотреть войска в сопровождении

Наследника, и мы отправились 24 октября в армию. На следующее утро мы прибыли в Бердичев, где в наш поезд сел главнокомандующий юго-западным фронтом генерал Иванов. Несколько часов спустя мы были в Ровно. В этом городе помещался генерал Брусилов со своим штабом, и мы должны были отправиться с ним к месту расположения войск. Мы тотчас же сели в автомобили, ибо приходилось проехать более двадцати верст. При выезде из города к нам присоединился отряд аэропланов, который провожал нас до той минуты, когда мы увидели длинные серые ряды войск, построенных позади леса. Минуту спустя мы подъехали. Государь с Цесаревичем прошел пешком по всему фронту, затем части прошли одна за другой перед ним. Вслед за этим он приказал выступить вперед офицерам и солдатам, представленным к награде, и сам вручил Георгиевские кресты. Когда окончилась эта церемония, уже наступила ночь. На возвратном пути, узнав от генерала Иванова, что неподалеку находится передовой перевязочный пункт, Государь решил прямо проехать туда. Мы въехали в густой лес и вскоре заметили небольшое здание, слабо освещенное красным светом факелов. Государь, сопутствуемый Алексеем Николаевичем, вошел в дом, подходил ко всем раненым и с большой добротой с ними беседовал. Его внезапное посещение в столь поздний час и так близко от линии фронта вызвало изумление, выражавшееся на всех лицах. Один из солдат, которого только что вновь уложили в постель после перевязки, пристально смотрел на Государя, и когда последний нагнулся над ним, он приподнял единственную свою здоровую руку, чтобы дотронуться до его одежды и убедиться, что перед ним действительно Царь, а не видение. Алексей Николаевич стоял немного позади своего отца, глубоко потрясенный стонами, которые он слышал, и страданиями, которые угадывал вокруг себя.

Мы вернулись в наш поезд, который тотчас проследовал на юг. На следующее утро мы проснулись в Галиции; ночью мы проехали бывшую границу Австрии. Государь желал поздравить войска, которые, благодаря чудесам храбрости и несмотря на недостаток оружия и снарядов, все же удержались на неприятельской территории. Мы покинули железную дорогу в Богдановке и постепенно поднялись на плоскогорье, где были собраны части от всех полков армии генерала Щербачева. По окончании церемонии, несмотря на представления окружающих, Государь посетил Печерский полк, расположенный на расстоянии пяти километров от передовых окопов в месте, доступном для огня неприятельской артиллерии. После этого мы вернулись к

автомобилям, которые были оставлены в лесу, и направились к армии генерала Лечицкого, находившейся в 50 километрах оттуда. На возвратном пути нас застигла ночь; густой туман покрывал поля; мы заблудились, и нам дважды пришлось поворачивать назад. Наконец после долгих блужданий нам удалось выбраться к полотну железной дороги, но мы находились в 25 километрах от места, где нас ожидал наш поезд… Два часа спустя мы выехали в ставку.

Государь вынес из своего осмотра наилучшее впечатление. Он впервые вошел в непосредственное соприкосновение с войсками и был счастлив удостовериться лично, почти на самой линии огня, в хорошем состоянии полков и превосходном настроении, которое их одушевляло.

Мы вернулись в Могилев 27 октября вечером, а на следующее утро Ее Величество и Великие Княжны в свою очередь прибыли в ставку. Государыня с дочерьми останавливалась во время путешествия во многих городах Тверской, Псковской и Могилевской губерний для посещения военных госпиталей. Они пробыли с нами три дня в Могилеве. Затем вся семья выехала обратно в Царское Село, где Государь должен был пробыть несколько дней.

На предыдущих страницах я долго распространялся о первом путешествии Государя с Наследником. Чтобы избегнуть скучных повторений, я ограничусь в дальнейшем рассказе лишь краткими указаниями о наших поездках в армию в течение ноября.

Мы покинули Царское Село 9 ноября; 10 мы были в Ревеле, где Царь посетил отряд подводных лодок, который только что вернулся из плавания. Суда были покрыты толстым слоем льда, как сверкающей чешуей. Тут же находились две английских подводных лодки, которые ценою огромных усилий проникли в Балтийское море. Им удалось уже потопить некоторое количество немецких судов. Государь передал Георгиевские кресты командирам этих лодок.

На следующий день в Риге, которая представляла собой как бы бастион, вдававшийся вглубь немецкого расположения, мы провели несколько часов среди удивительных сибирских стрелковых полков, которые считались одними из лучших воинских частей русской армии. Они молодецки прошли пред Государем, отвечая на его приветствие установленным возгласом «Рады стараться, Ваше Императорское Величество!» и восторженно провожая его неудержимыми кликами.

Несколько дней спустя мы были в Тирасполе, маленьком городке в ста километрах на северо-запад от Одессы, где Государь сделал смотры частям войск генерала Щербачева. По окончании

смотра Царь пожелал лично отдать себе отчет в потерях, понесенных войсками, и через командиров полков приказал, чтобы те, кто находился в рядах с начала кампании, подняли руку. Приказ был отдан, и только несколько рук поднялось над этой тысячной толпой; были целые роты, в которых никто не шевельнулся… Этот случай произвел очень глубокое впечатление на Алексея Николаевича; в первый раз жизнь столь непосредственно показала ему весь ужас войны.

На следующий день, 22 ноября, мы прибыли в Рени, маленький городок на Дунае у границы Румынии. В нем находились большие склады, так как там была база для судов, снабжавших продовольствием, вооружением и снарядами несчастную Сербию, которая, благодаря измене Болгарии, только что подверглась австро-германскому вторжению.

На другой день недалеко от Балты, в Подолии, Государь дал смотр знаменитой кавказской кавалерийской дивизии, полки которой вновь покрыли себя славой во время этой войны. Среди них были, между прочим, кубанские и терские казаки — на высоких седлах, с длинными тонкими пиками, в мохнатых папахах, придававших им свирепый вид. Когда мы тронулись в обратный путь, эта масса кавалерии вдруг двинулась, развернулась по обе стороны дороги и понеслась галопом, взбираясь на возвышенности, спускаясь по круче оврагов, перескакивая через препятствия, и проводила нас до вокзала стремительной лавиной, в которой люди и лошади сталкивались, падали наземь. Воздух оглашался дикими криками кавказских горцев. Зрелище было одновременно величественное и страшное; тут проявлялись все дикие инстинкты этих первобытных племен.

Мы вернулись в ставку лишь 26 ноября, объехав почти весь огромный русский фронт от Балтийского до Черного моря.

Около 10 декабря мы узнали, что Государь намерен посетить гвардейские полки, которые были тогда сосредоточены на границе Галиции. Утром в день нашего отъезда, в четверг 16 декабря, у Алексея Николаевича, простудившегося накануне и схватившего страшный насморк, после сильного чихания открылось кровотечение носом. Я послал за профессором Федоровым,[44] но ему не удалось вполне остановить кровотечение. Мы пустились в путь, несмотря на это происшествие, потому что все было приготовлено для прибытия Государя. Ночью болезнь ухудшилась; температура поднялась, и больной ослабел. В три часа утра профессор Федоров, испуганный ложившейся на него ответственностью, решился послать разбудить Государя и просить вернуться в Могилев, где он мог бы в лучших условиях ухаживать за ребенком.

На следующий день мы возвратились в ставку, но состояние Цесаревича стало так тревожно, что решено было отвезти его обратно в Царское Село. Государь все же отправился в штаб, где провел два часа с генералом Алексеевым. Потом он вернулся к нам, и мы немедленно тронулись в путь. Возвращение в Царское Село было особенно тревожно, потому что силы больного быстро падали. Приходилось несколько раз останавливать поезд, чтобы сменять тампоны. В течение ночи с Алексеем Николаевичем, — которого в постели поддерживал матрос Нагорный, так как его нельзя было оставлять в совершенно лежачем положении, — дважды делались обмороки, и я думал, что это конец. К утру, однако, наступило легкое улучшение, и кровотечение уменьшилось. Мы прибыли наконец в Царское Село; было одиннадцать часов утра. Государыня в смертельной тревоге ожидала нас с Великими Княжнами на платформе вокзала. С бесконечными предосторожностями больного доставили во дворец. Наконец удалось прижечь ранку, образовавшуюся на месте маленького лопнувшего кровеносного сосуда. Государыня приписала, однако, молитвам Распутина улучшение, наступившее утром в состоянии здоровья Цесаревича; она осталась при убеждении, что ребенок был спасен благодаря его помощи.

Государь пробыл несколько дней с нами, но он спешил снова уехать, желая воспользоваться относительным затишьем на всем протяжении фронта, чтобы осмотреть войска и войти с ними в возможно более близкое соприкосновение. Его поездки на фронт удались великолепно. Его присутствие повсеместно возбуждало сильнейший энтузиазм не только среди солдат, но также и среди крестьян, которые на каждой остановке поезда толпами сбегались из окрестностей, стараясь увидеть Царя. Государь был убежден, что должен сделать все усилия, чтобы оживить в народе и в армии чувство патриотизма и привязанности к нему. Пережитые им только что часы заставляли его верить, что он этого действительно достиг, и те, кто его сопровождал, поверили в это так же, как и он. Была ли это иллюзия? Надо очень плохо понимать русский народ и не знать, насколько глубоко укоренилось монархическое чувство в мужике, чтобы не допустить, что это была действительность.

Глава XIII. Государь и Дума. Галицийская кампания. Наша жизнь в Ставке. Растущее недовольство в тылу (1916 год)

Государь выехал 25 декабря обратно в Ставку один и три дня спустя сделал смотр на границе Галиции гвардейским дивизиям, сосредоточенным там ввиду предстоявшего наступления. Отсутствие Алексея Николаевича причинило ему настоящее горе, так как он заранее радовался мысли показать его гвардии. Вслед за этим он вернулся в Могилев.

К концу 1915 года военное положение России значительно улучшилось. Армия воспользовалась месяцами, последовавшими за остановкой большого германского наступления (в конце сентября 1915 года), и, благодаря громадным резервам, имевшимся в стране, легко возместила тяжелые потери, понесенные ею во время отступления. Еще раз немцы увидели, что обманулись в ожидании тех крупных преимуществ, на которые они расчитывали и которые, казалось, должны были быть им обеспечены блестящими успехами начала кампании. Они все более и более сомневались в возможности силою оружия сломить упорное сопротивление русских. Умелой пропагандой и ловкими интригами они пытались вызвать внутри России волнения, которые ускорили бы, как они на то надеялись, развязку, составлявшую предмет столь страстного их желания. Но они встретили в лице Государя непреодолимое препятствие к осуществлению своих замыслов. Это препятствие требовалось устранить.

Приняв лично командование и подвергая риску в этой борьбе свою корону, Государь окончательно отнял у врага всякую надежду на соглашение. В Берлине понимали, что Николай II останется верен своим союзникам до конца, и что все попытки сближения разобьются об его непоколебимую волю продолжать войну во что бы то ни стало. Кроме того было известно, что Царь являлся единственной связью, объединяющей различные части Империи, и что в случае его свержения никакая организованная власть не в состоянии помешать расчленению и предотвратить анархию в стране. Все усилия немецкаго главного командования имели целью подкопаться под престиж монархии и вызвать свержение Государя. Чтобы достигнуть этой цели, надо было прежде всего скомпрометировать Царя в глазах народа и

союзников. Германия располагала в России могущественными орудиями действия и осведомления и все пустила в ход, чтобы распространить мысль, будто Государь не очень склонен продолжать войну и хочет заключить сепаратный мир. Царь решил покончить с этими интригами и ясно определить свои намерения. 2 января, в Замирье, где он делал смотр полкам армии генерала Куропаткина, он заключил свое обращение к войскам следующим торжественным заявлением: «Вы можете быть вполне спокойны; как я уже заявил в начале войны, я не заключу мира до тех пор, пока мы не изгоним из наших пределов последнего неприятеля, и я заключу этот мир лишь в полном согласии с нашими союзниками, с которыми мы связаны не только договорами, но искренней дружбой и пролитою кровью!»

Николай II подтверждал таким образом среди своих войск торжественное обязательство, принятое им 2 августа 1914 года и возобновленное им, когда он взял на себя Верховное командование русскими войсками. Правительство, желая дать возможно более широкую огласку этой речи Государя, приказало напечатать ее для распространения в полках и деревнях.

Царь продолжал посещать фронт и Ставку в течение января и февраля. В Могилеве он провел и русский Новый год и вернулся в Царское Село 21 февраля, накануне открытия Думы. Пять дней перед тем весть о взятии Эрзерума, который так долго был центром сопротивления турецкой армии, наполнила радостью все русские сердца. Это был действительно блестящий успех, и наступление кавказской армии продолжало быстро развиваться. На следующий день по своем прибытии Царь, согласно уже ранее высказанному намерению, отправился вместе с братом, Великим Князем Михаилом Александровичем, в Таврический дворец, где Дума должна была возобновить в этот день свои занятия. Тут в первый раз представители народа принимали своего Монарха, и в политических кругах приписывали большое значение этому отныне историческому событию. Оно свидетельствовало об искреннем желании Государя установить более тесное сотрудничество с народным представительством, и ему за это были тем более благодарны, что доверие к правительству было поколеблено поражениями, испытанными армией, и тяжелыми обвинениями, возведенными на бывшего военного министра, генерала Сухомлинова.

По своем прибытии в Таврический дворец Царь был встречен председателемь Государственной Думы М. В. Родзянко, который провели его в Екатерининский зал, где он присутствовал на благодарственном молебне по случаю взятия Эрзерума. Обратившись вслед за тем к депутатам, Государь высказал им всю

радость, которую он испытывал, находясь среди них, и свое безусловное убеждение, что в трагические минуты, переживаемые Россией, они соединят все свои усилия и будут работать в полном согласии на благо родины. Бурная овация была ответом на его слова. После осмотра зал и канцелярий Таврического дворца Государь уехал. Полчаса спустя, председатель Думы, открывая заседание, сказал в своей речи: «Великое и необходимое благо для Русского Царства, непосредственное единение Царя с его народом, отныне закреплено еще могучее и сильнее, и радостная весть эта наполнит счастьем сердца всех русских людей во всех уголках земли русской и одушевит новым приливом мужество наших славных и доблестных бойцов — защитников родины».

В этот памятный день казалось, что все — Царь, министры и народные представители имели одну лишь мысль — победить во что бы то ни стало!

В тот же вечер Государь посетил Государственный Совет, который равным образом приступал к работам. Затем он вернулся в Царское Село, откуда на следующий день выехал в Ставку. Это было во время самого сильного натиска на Верден, и Россия должна была выступить без замедления, чтобы оттянуть на себя возможно более значительные силы неприятеля. Наступление было решено: оно началось около 15 марта в районе между Двинском и Вильной и вначале увенчалось успехом. Но русские продвигались медленно, потому что немцы оказывали им ожесточенное сопротивление. Кроме того, условия местности были чрезвычайно неблагоприятны. Была оттепель, дороги были почти непроходимы, и люди продвигались по страшной грязи и болотам. С начала апреля русское наступление стало ослабевать и, наконец, совсем остановилось. Однако эта диверсия принесла свою пользу, и немцы принуждены были притянуть значительные силы на угрожаемые участки фронта.

Алексей Николаевич очень ослабел после сильного кровотечения в декабре, которое подвергло его жизнь такой большой опасности. Он вполне собрался с силами лишь в феврале, но Императрица, наученная опытом, решила оставить его в Царском Селе до наступления теплой погоды. Я далеко не жаловался на это решение, так как, несмотря на все мои усилия, образование Цесаревича терпело ущерб от наших длительных поездок на фронт.[45]

Мы вновь выехали в Ставку лишь 17 мая, где Государь должен был пробыть довольно долгое время, не возвращаясь в Царское Село. Через две недели после нашего приезда, 4 июня, началось большое наступление генерала Брусилова. Оно блистательно удалось, и в последующие дни успехи продолжали

развиваться. Австрийский фронт подавался под нажимом русской армии и отступал в направлении к Львову. Количество пленных было значительно, и положение австрийцев в районе Луцка было очень критическое. Весть об этой блестящей победе была восторженно встречена в Ставке. Ей суждено было быть последней большой радостью Государя.

Со времени нашего возвращения в Ставку наша жизнь сложилась приблизительно так же, как и в предыдущие наши приезды. Однако я давал уроки Алексею Николаевичу уже не в рабочем кабинете его отца, а на маленькой веранде, которую мы приспособили, как классную комнату, или же в большой палатке в саду, служившей столовой. Здесь с наступлением жарких дней Государь завтракал и обедал. Мы пользовались хорошими летними днями для красивых прогулок по Днепру. Министр путей сообщения для этой цели отдал в наше распоряжение маленькую яхту.

Государыня и Великие Княжны изредка приезжали на короткое время в Ставку. Они жили в поезде, завтракали у Государя и принимали участие в наших прогулках. Царь в свою очередь обедал у Государыни и, когда мог, проводил часть вечера со своими. Великие Княжны очень любили эти поездки в Могилев, всегда слишком короткие, как им казалось; это вносило небольшую перемену в их однообразную и суровую жизнь. Они пользовались там большей свободой, чем в Царском Селе. Станция в Могилеве, как это часто бывает в России, была очень далеко от города и стояла почти в поле. Великие Княжны, пользовались своими досугами, чтобы посещать окрестных крестьян и семьи железнодорожных служащих. Их простота и безыскусственная доброта побеждали все сердца, и так как они очень любили детей, их всегда можно было видеть, окруженными толпою ребятишек, которых они собирали по дороге во время прогулок и закармливали конфетами.

К несчастию жизнь в Могилеве сильно задерживала занятия Алексея Николаевича. Кроме того, она вредила его здоровью. Он воспринимал там слишком много чересчур сильных для такого хрупкого существа впечатлений. Он становился нервными, рассеянным, неспособным ко всякой плодотворной работе. Я поделился моими наблюдениями с Государем. Признавая их основательность, он возразил мне, что эти неудобства возмещаются тем, что Алексей Николаевич утрачивает свою природную робость и дикость и что от зрелища страданий, которые он увидит, он сохранит на всю жизнь здоровое отвращение к войне. Но, чем больше мы оставались на фронте, тем более я отдавал себе отчет в ущербе от этого для Цесаревича.

Мое положение становилось трудным, и два или три раза я должен был сделать очень энергичные внушения ребенку. Мне казалось, что Государь не вполне одобряет мои взгляды и не оказывает мне поддержки в той мере, в какой он мог бы это делать. Чувствуя себя чрезвычайно утомленным от напряжения трех последних лет, — я не имел отдыха с сентября 1913 г., - я решил проситься в отпуск на несколько недель. Мой сотоварищ г. Петров приехал заменить меня, и я покинул Ставку 14 июля.

По приезде моем в Царское Село Государыня вызвала меня и имела со мною длинную беседу, во время которой я силился ей доказать серьезные неудобства этого долгого и неоднократного пребывания на фронте Алексея Николаевича. Она мне ответила, что Государь и она отдают себе в этом ясный отчет, но что они полагают, что лучше временно пожертвовать образованием сына, даже с риском вреда для его здоровья, чем лишать его той пользы, которую ему в других отношениях приносила жизнь в Могилеве. Она с удивившей меня откровенностью сказала, что Государь много страдал всю свою жизнь от природной застенчивости и от того, что его слишком долго держали вдали от дел, вследствие чего, после внезапной кончины Александра III, он чувствовал себя очень плохо подготовленным к обязанностям монарха. Вот почему он дал себе обещание, прежде всего, не повторять тех же ошибок в воспитании своего сына.

Я понял, что имею дело с вполне установившимся решением Их Величеств и что мне не удастся его изменить. Тем не менее было условлено, что уроки Алексея Николаевича возобновятся с большей последовательностью, начиная с сентября, и что я найду поддержку в усполнении своей задачи.

По окончаниии этого разговора Государыня задержала меня обедать; в этот вечер я был единственным приглашенным. После обеда мы вышли на терассу; был чудный, тихий, теплый вечер. Ее Величество прилегла на кушетку, она и две ее дочери вязали шерстяные изделья для солдат. Другие две Великие Княжны шили. Главным предметом нашего разговора был естественно Алексей Николаевич, о котором они хотели знать все мельчайшие подробности. Я провел таким образом час в их обществе в этой мирной и простой обстановке, приобщенный внезапно к интимной жизни этой семьи, куда этикет позволял мне проникать лишь отчасти и изредка.

В следующие дни я воспользовался своим досугом, чтобы сделать многочисленные визиты и возобновить отношения, которые я невольно забросил, благодаря моим поездкам на фронт. Таким образом я увидал людей разных слоев столичного общества и не замедлил убедиться, что в настроении умов за эти

последние месяцы произошла глубокая перемена. Уже не удовлетворяясь резкими нападками на правительство, задевали непосредственно личность Государя.

Со времени памятного дня 22 февраля 1916, когда Император Николай II, воодушевленный искренним желанием примирения, посетил Думу, рознь, существовавшая между монархом и народным представительством все усиливалась. Царь все не решался пойти на либеральные уступки, которых от него требовали; он полагал, что время было для этого не подходящее и что опасно производить опыты новых реформ в разгар войны. Не то, чтобы он лично стоял за свои права Самодержца — он был воплощенной простотой и скромностью — но он опасался последствий, которые могла бы иметь столь резкая перемена в условиях, имвших исключительно серьезный характер. Объявляя 22 февраля, что «он счастлив находиться среди представителей своего народа», Государь выразил свою искреннюю мысль. Призывая членов Думы «объединить все усилия на благо родины в критические минуты, переживаемые страной», он приглашал их забыть свои политические распри во имя одной общей цели — победы, и поддержать его своим доверием до окончания войны. Почему не принял он на себя в этот день торжественного обязательства, как только обстоятельства позволят, даровать стране свободы, которых от него требовали? Почему не постарался он какими-либо действиями вновь завоевать доверие Думы, которое, как он чувствоваль, уходило от него? Дело в том, что те, кто его окружали, создавали для него невозможность самому разобраться в действительном состоянии страны.

Посещение Государем Таврического дворца породило большие надежды. Но эти надежды не оправдались, и вскоре все заметили, что ничто не изменилось. Борьба против правительства тотчас возобновилась, день ото дня требования становились более резкими. Введеный в заблуждение ложными сведениями людей, злоупотреблявших его доверием, Царь усмотрел в оппозиции Думы результат революционных происков. Руководясь дурными советами, он вообразил, что может восстановить свой авторитет мерами, которые на самом деле лишь увеличили общее недовольство.

Но борьба велась главным образом против Государыни. На ее счет распространялись самые ужасные инсинуации, которые стали встречать доверие даже в кругах, до тех пор с презрением отвергавших их. Присутствие Распутина при Дворе, как я предвидел, приносило все больший и больший ущерб престижу Их Величеств и давало повод к самым недоброжелательным толкам.

Не ограничиваясь нападками на частную жизнь Императрицы, ее открыто обвиняли в германофильстве и давали понять, что ее симпатии к Германии могут стать опасностью для страны. Слова «измена» еще не было на устах, но полные недоговоренности намеки показывали, что подозрение укоренилось во многих умах. Это было, как я знал, результатом немецкой пропаганды и интриг.[46]

Я уже выше объяснил, что берлинское правительство еще осенью 1915 года отдало себе отчет в том, что никогда не покончит с Россиею, пока она будет сплочена вокруг своего Царя, и что с этой минуты оно задалось одной лишь мыслью — вызвать революцию, которая привела бы к свержению Николая II. Ввиду того, что задеть самого Царя оказалось затруднительным, немцы направили свои усилия против Царицы и под рукой очень ловко повели клеветническую кампанию, которая не замедлила принести свои плоды. Они не останавливались ни перед какими поклепами. Они воспользовались старым, классическим приемом, не раз испытанным в истории Европы и заключающимся в том, чтобы поразить монарха в лице его супруги. На самом деле, всегда легче повредить репутации женщины, особенно, когда она иностранка! Понимая, какую выгоду можно извлечь из того обстоятельства, что Императрица была германской принцессой, они старались очень ловкими провокациями создать ей репутацию изменницы России. Это был лучший способ скомпрометировать ее в глазах народа. Это обвинение было благоприятно встречено некоторыми русскими кругами и сделалось опасным оружием против династии.

Государыня знала о кампании, которая велась против нее, и страдала от этого, как от глубокой несправедливости, ибо она приняла свое новое отечество так же, как и новую религию, со всем порывом своего сердца; она была русская по чувствам, так же как православная — по убеждению.[47]

Мое пребывание в тылу дало мне также возможность удостовериться в том, до какой степени страна страдала от войны. Усталость и лишения вызвали общее недовольство. Вследствие возрастающей убыли подвижного состава, топливо, недостаток которого жестоко давал себя чувствовать зимой, продолжало стоить неимоверно дорого; то же было и с продовольствием. Дороговизна жизни возрастала в тревожных размерах.

Я вернулся 11 августа в Ставку, весьма озабоченный всем слышанным и виденным. Я был счастлив вновь найти в Могилеве совершенно другое настроение, чем в Петрограде, а также получить возможность снова окунуться в ту среду, которая так

стойко сопротивлялась пораженческому духу тыла. Тем не менее, хотя это было сначала и незаметно, здесь также были несколько озабочены политическим положением.

Алексей Николаевич выказал мне по моем возвращении большую привязанность (он регулярно писал мне во время моего отсутствия), а Государь принял меня с чрезвычайною благосклонностью. Таким образом я мог только поздравить себя с тем, что на некоторое время, хотя мне это и было тяжело, удалился от своего воспитанника. Я опять с новой энергией принялся за выполнение своей задачи. Мой английский сотоварищ мистер Гиббс присоединился тем временем к нам, и так как г. Петров также оставался с нами, уроки Алексея Николаевича могли возобновиться почти правильно.

На фронте, в районе севера и центра, бои мало-помалу прекратились; они продолжались лишь в Галиции, где русские по-прежнему оттесняли австрийскую армию. Поражение последней давно превратилось бы в беспорядочное бегство, если бы австрийцев не поддерживали многочисленные германские полки. Однако опыт кампании 1916 года доказал русскому командованию, что ему не удастся сломить сопротивления неприятеля и одержать окончательной победы, пока будет продолжаться такой недостаток в артиллерии. Этот недочет по сравнению с немцами мешал русским использовать до конца успехи, которые мужество войск и их численное превосходство позволяли им одерживать в начале всякого наступления. Приходилось мириться с этим в ожидании прибытия к месту действий боевых материалов, обещанных союзниками и задержанных трудностями перевозки. Поражение австрийцев оказало глубокое воздействие на Румынию. Последняя все более склонялась на сторону держав Согласия, но не решалась еще вмешаться в общую борьбу. Чтобы вывести ее из нерешительности, потребовалось сильное давление со стороны русского посланника в Бухаресте.[48] 27 августа она, наконец, объявила войну Австро-Венгрии. Положение Румынии было чрезвычайно трудно; она была предоставлена своим силам на крайнем левом фланге огромного русского фронта, от которого ее отделяли Карпаты. Ей угрожала с севера и запада возможность австро-германского наступления, а с тыла на нее могли напасть болгары. Так оно и произошло. Первые числа октября были отмечены началом поражения, которому было суждено закончиться почти полным занятием Румынии.

Как только эта опасность выяснилась, русское командование попыталось прийти на помощь румынской армии, но расстояния были огромны, а средства сообщения крайне недостаточны.

Кроме того Россия была не в состоянии снять значительное количество людей с фронта, так как в случае необходимости она не имела бы возможности вовремя вернуть войска, посланные в Румынию. Однако, по настоянию Государя, туда направлены были все силы, которыми можно было располагать. Могли ли, однако, эти войска прийти своевременно, чтобы спасти Букарест?

Мы вернулись в Царское Село 1 ноября. Впечатление, произведенное поражением Румынии, было значительно и ответственность возлагали на министра иностранных дел Штюрмера, который в начале года заменил Горемыкина на посту председателя Совета министров. Его назначение было плохо встречено, и он только и делал, что ошибку за ошибкой. Из-за его интриг должен был уйти Сазонов, оказавший такие крупные услуги в качестве министра иностранных дел. Штюрмер поторопился его заменить, сохраняя пост председателя Совета министров. Не только его действия, но и самое его имя делали его ненавистным. Про него говорили, что он удерживается у власти лишь благодаря влиянию Распутина. Доходили до того, что его обвиняли в симпатии к немцам и подозревали в склонности к сепаратному миру с Германией.[49] Николай II подрывал свое положение, сохраняя у власти министра, ставшего всем подозрительным. Надеялись, что Царь поймет, наконец, что его снова обманывают, но боялись, что он это заметит слишком поздно, когда зло будет уже непоправимое.[50]

Глава XIV. Политическое напряжение. Смерть Распутина (декабрь 1916 г.)

Политическая атмосфера становилась все более и более тяжелой, и чувствовалось приближение грозы. Недовольство стало настолько общимь, что, несмотря на цензуру, оно начинало обнаруживаться в печати. Разногласия стоновились все глубже. На одном только сходились все — на необходимости положить предель всемогуществу Распутина. Все видели в нем пагубного советчика при Дворе, на него возлагали ответственность и за все бедствия, от которых страдала страна. Его обвиняли во всех пороках и всяческих излишествах, из него делали чудовищное и отвратительное, почти сказочное существо, способное на все низости и мерзости. Для многих он был порождением дьявола, Антихристом, пришествие которого должно было положить начало самым страшным бедствиям.

Государь долго не поддавался влиянию Распутина. В самом начале он терпел его, не решаясь посягнуть на веру, которую питала к нему Государыня, и в которой она черпала надежду, позволявшую ей жить. Он побоялся его удалить, так как, если бы Алексей Николаевич не выжил, он бы несомненно оказался в глазах матери убийцей своего ребенка. Он сохранял, однако, острожную сдержанность и лишь мало-помалу склонялся к взглядам Государыни. Не раз делали попытки выяснить ему настоящий облик Распутина и вызвать удаление старца. Царь бывал часто поколеблен, но убедить его так и не удалось.[51]

7 ноября мы покинули Царское Село и после короткого пребывания в Могилеве отбыли 9-го в Киев, где Государь должен был посетить Вдовствующую Императрицу. Он пробыл два дня с матерью и некоторыми из своих родственников, которые старались ему выяснить серьезность положения и приложили все усилия, чтобы убедить его поправить дело энергичными мерами. Государь был под очень сильным впечатлением высказанных мнений. Никогда он мне не казался таким смущенным. Несмотря на свое самообладание, он был нервен, раздражителен, и два или три раза ему случилось резко оборвать Алексея Николаевича.

Мы вернулись 12 ноября в Ставку, и через несколько дней после нашего возвращения Штюрмер, ко всеобщей несказанной радости, наконец, пал. Государь поручил председательство в Совете министров А. Ф. Трепову, который слыл сторонником

умеренных и разумных реформ. Снова возродились надежды. К несчастью, интриги продолжались. Немцы льстили себя мыслью, что они лишь предвестники серьезной смуты, и удвоили усилия, сея повсюду недоверие и подозрения и стараясь окончательно опорчить Двор в глазах народа.

Трепов просил у Государя удаления министра внутренних дел Протопопова, полная неспособность которого, и то обстоятельство, что он был сторонником Распутина, делали его крайне непопулярным. Председатель Совета министров чувствовал, что ему не удастся принести никакой пользы, если этот министр останется у власти, потому что все сколько-нибудь известные политические деятели, при создавшейся обстановке, отказывались и уклонялись от ответственной деятельности.

Мужественные выступления таких патриотов, как Сазонов, Кривошеин, Самарин, Игнатьев, А. Ф. Трепов (я перечисляю лишь некоторых из них), не были поддержаны в должной мере. Если бы вся сознательная часть народа объединилась вокруг них, они были бы в силах предотвратить надвигавшуюся опасность, не выходя из рамок законности. Но они не нашли поддержки, на которую были бы в праве рассчитывать; критика, интриги, соперничество лиц и партий помешали этому объединению, которое одно могло спасти положение. Если бы это единение осуществилось, оно представило бы такую силу, которая парализовала бы пагубное влияние Распутина и его сторонников. К несчастию люди, понявшие это, были исключением; большинство осталось безучастным в этой неблагодарной борьбе и, устранившись, предоставило поле действий авантюристам и интриганам. Никто не захотел облегчить работу тех, которые, сознавая опасность, пытались спасти Государя наперекор ему самому и поддержать до конца войны пошатнувшийся государственный строй. Государь сначала было согласился на просьбу Трепова, но потом, под влиянием Государыни, изменил свое решение и оставался в нерешительности, мучимый колебаниями перед решением, которое надлежало принять. Он так часто бывал обманут, что уже не знал кому довериться. Он чувствовал себя одиноким, всеми покинутым. С тех пор, как он принял на себя Верховное командование, он без счета тратил свои силы. Но задача, которая выпала на его долю, была слишком тяжела, она превышала его силы. Он сам это чувствовал. Эго и было причиной его слабости по отношению к Государыне. Поэтому он в конце концов стал все более и более подчиняться ее влиянию. Однако многие решения, принятые им в 1915 году, и его посещение Думы в феврале 1916 года — указывают, что в это время он умел еще не поддаваться ей, когда бывал уверен, что

действует на благо родины. Он окончательно перестал бороться с ее влиянием лишь осенью 1916 года, когда, изнемогая под бременем сана Императора и Главнокомандующего, он в своем все возрастающем одиночестве уже перестал отдавать себе отчет в том, какие надо принять меры, чтобы выйти из положения, ухудшавшегося со дня на день. Если бы в это время умеренные партии поддержали его, кто знает, не нашел ли бы он в себе энергию для дальнейшей борьбы?

Что касается Государыни, то она, благодаря своему доверию к Распутину, была убеждена, что Протопопов — тот именно человек, который может спасти Россию. Его удержали у власти. И Трепов, видя свое бессилие, вкоре не замедлил выйти в отставку.

Мы вернулись в Царское Село 8 декабря. Положение с каждым днемь становилось все более напряженным. Распутин, чувствуя накопляющуюся вокруг него ненависть, не смел больше выходить из своей маленькой петроградской квартиры. Негодование достигло высших пределов, страна ждала своего избавления и страстно желала, чтобы кто-нибудь освободил ее от человека, которого она считала злым гением России. Но Распутина хорошо охраняли. Днем и ночью его дом стерегла царская полиция; его оберегали и революцюнеры, понимавшие, что он работает на них.

Я не думаю, чтобы Распутин был, в полном смысле слова, агентом на содержании у Германии, но он был, конечно, страшным орудием в руках немецкой главной квартиры. Последняя была весьма заинтересована в сохранении жизни столь ценного пособника и окружила его шпионами, которые в то же время были его телохранителями. Немцы нашли в нем замечательно действительное средство, чтобы опорочить Двор, и они широко его использовали.

Было сделано много попыток повлиять на Государыню и именно лицами наиболее близкими ее сердцу, и открыть ей глаза на настоящую личность Распутина; все они разбились о непоколебимую веру, которую она питала к нему. Однако Великая Княгиня Елизавета Феодоровна[52] захотела еще раз попытать в эти роковые дни последнее усилие. Она приехала из Москвы с намерением прожить несколько дней в Царском Селе среди тех, кого так глубоко любила. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна была на девять леть старше Государыни и питала к ней почти материнскую нежность. Надо припомнить, что Государыня еще молодой принцессой гостила у нее во время своего первого пребывания в России; в начале супружества Александры Феодоровны она окружала ее внимательной заботливостью и давала ей советы. Уже много раз она пробовала

вывести сестру из ее заблуждения, но это ей не удавалось. Она надеялась, однако, что на этот раз Господь ниспошлет ей силу убеждения, которой ей не хватало до того времени, и дозволит предотвратить ужасную катастрофу, неминуемость которой она чувствовала.

Тотчас по приезде в Царское Село, она говорила с Государыней, стараясь со всей той любовью, которую она к ней испытывала, дать ей, наконец, понять ее ослепление. Она умоляла Императрицу внять ее предупреждениям во имя спасения ее близких и ее страны. Государыня осталась непоколебимой в своем доверии; она понимала чувство, внушившее ее сестре этот шаг, но испытывала бесконечное огорчение, видя, что и сестра верит клеветам тех, кто хочет погубить старца, и она просила ее не возвращаться больше к этому предмету. Видя, что Великая Княгиня продолжает настаивать, Императрица оборвала разговор. Поэтому это свидание оказалось бесполезным.

Несколько часов спустя, Великая Княгиня в смертельном ужасе направилась обратно в Москву. Императрица с дочерьми провожала ее на воказале. Сестры расстались; они сохранили нетронутым чувство безграничной нежности, которое соединяло их с детства, но понимали, что между ними что то порвалось.[53] Им не пришлось больше свидеться.

Мы выехали 18 декабря обратно в Могилев. Там положение тоже ухудшилось. Весть о взятии Букареста еще больше омрачила настроение, и все предвещало, по-видимому, самые мрачные возможности. Румыния, казалось, погибла.

Все были подавлены, встревожены, испытывали неизъяснимо тяжелое чувство, как бывает перед приближением опасности или катастрофы; в воздухе чувствовалась гроза. — Вдруг, как удар грома, пронеслась весть о смерти Распутина.[54] Это было 31 декабря. В тот же день мы выехали в Царское Село.

Я никогда не забуду глубокого волнения, которое испытал, снова увидав Императрицу. Ее взволнованное лицо выдавало, против ее желания, силу ее страданий. Ее горе было безгранично. Разбита была ее вера, убит тот, кто один лишь мог спасти ее ребенка. Без него становились возможны все несчастия, всякия катастрофы. И началось ожидание, мучительное ожидание несчастия, которого нельзя избежать!…

Глава XV. Революция. Отречение Николая II (март 1917 г.)

Распутина больше не было — страна была отомщена. Несколько смелых людей взяли на себя устранить человека, который сделался предметом всенародной ненависти.[55]

Можно было надеяться, что после этого взрыва злобы наступит умиротворение. Но ничего этого не случилось, и разлад между Царем и Думой принимал наоборот, все более острый характер.

Государь был убежден, что всякая уступка с его стороны будет, при данных обстоятельствах, сочтена за признак слабости, что не устраняя поводов недовольства, вызванного лишениями и страданиями войны, такие уступки лишь ослабят его авторитет и рискуют ускорить революцию. Оппозиция Думы выявила лишь неспособность и бессилие правительства и не улучшала положения. Конфликты стали приобретать более серьезный характер, интриги усилились в то время, когда только объединение всей сознательной части народа могло бы парализовать зловредные действия Протопопова и необходимы были всеобщие усилия, чтобы предотвратить неминуемую катастрофу. Правда, для этого требовалось, чтобы правящие классы показали столько же самоотвержения, как и просвещенного патриотизма; трагические обстоятельства, которые переживала страна, и сознание народной гибели должны были, казалось бы, сделать их способными на это.

Как не понимали в России того, что так ясно было немцам, а именно, что революция неизбежно предаст страну в руки неприятеля. «Я часто мечтал», говорит Людендорф в своих «Воспоминаниях о войне», «о русской революции, которая должна была облегчить нам наши военные задачи. Несбыточная мечта! Теперь она внезапно осуществлялась. Я чувствовал, что с меня свалилось тяжелое бремя».[56] Германия была единственной страной в Европе, которая знала Россию; она имела о ней более точное и полное представление, чем сами русские. Она давно отдала себе отчет в том, что царский режим, несмотря на свои ошибки, был один в состоянии продолжить сопротивление России. Она знала, что падение Царя отдаст Россию в ее руки, и всеми средствами старалась его вызвать. Вот отчего нужно было во что бы то ни стало поддержать существовавший строй до конца войны. Революция неизбежно вспыхнула бы тогда, ее можно было предотвратить лишь немедленным дарованием конституции, и

то…. Но рок, ослеплявший Царственную чету, должен был, в свою очередь, ввести в заблуждение и народ!…

У Государя было, однако, два всемогущих чувства, его политические враги сами признавали их, — чувства, которые все русские люди могли разделить с ним, — это была, с одной стороны, его любовь к своей стране, и с другой — твердое намерение продолжать войну до конца. Ослепленные страстями, люди не поняли, какую нравственную силу еще представлял, несмотря на все, для русского народа Царь, бесповоротно решивший победить; не поняли, что идея, которую он воплощал в глазах народных масс, одна могла привести страну к победе и спасти Россию от порабощения Германией.

Положение Царя было чрезвычайно трудно. Для крайних правых, видевших свое спасение в соглашении с Германией, он был непреодолимым препятствием, которое нужно было устранить, чтобы заменить его другим монархом. Для крайних левых, хотевших победы, но победы без Царя, он был препятствием, которое надо было уничтожить посредством революции. И в то время, как эти последние, усиленной пропагандой в тылу и на фронте, старались подточить основы монархии, бессознательно играя таким образом в руку Германии, умеренные партии заняли положение самое опасное, но наиболее свойственное русскому характеру, тому славянскому фатализму, который заключается в ожидании событий и в надежде, что сила Провидения направит их на общее благо. Они заняли позицию бездействия. Они ограничивались пассивным сопротивлением, не понимая, что действуя так, парализуют страну.

Что касается широкой публики, то, не отдавая себе в том отчета, она стала послушным проводником германских происков. Самые удручающие слухи воспринимались и разносились ею, создавая в тылу противомонархическое и пораженческое настроение и атмосферу недоверия и подозрения, которая не замедлила отразиться на фронте. Каждый наносил свой удар топора, подрубая главное стропило здания, которое шаталось, и никто не подумал вовремя подставить подпорки, которые помешали бы ему рухнуть. Было сделано все, чтобы вызвать революцию, и ничего, чтобы предупредить ее последствия. Забыли, что Россия состоит не только из пятнадцати-двадцати миллионов людей, созревших для парламентарнаго строя, но заключает в себе также от ста двадцати до ста тридцати миллионов крестьян, по большей части необразованных и несознательных, для которых Царь оставался Помазанником Божиим, тем, кого Господь избрал, для направления судеб великой России. Привыкнув с самого раннего детства слышать

поминание Царя на ектениях и в самые торжественные минуты литургии, мужик естественно приписывал ему в своей мистически настроенной душе почти божественные свойства.[57]

Царь не был главою русской Церкви, он был ее покровителем и защитником. Но с тех пор, как Петр Великий уничтожил Патриаршество, народ был склонен видеть в Царе воплощение не только светской, но и духовной власти. Это было, конечно, заблуждение, но такое смешение понятий все же держалось. Этот двоякий характер личности монарха и был именно источником силы царизма в глубинах народных масс. Так как русский народ по существу расположен к мистицизму, то в его глазах второй фактор имел не меньше значения, чем первый. В представлении мужика самодержавие было нераздельно с православием.

Русская революция не могла быть исключительно политической; она неизбежно должна была принять религиозный характер. При своем падении царская власть должна была оставить в политическом и религиозном сознании русского народа зияющую пустоту и, без особых мер предосторожности, могла в страшном вихре увлечь с собой при своем крушении весь социальный организм. Для простого крестьянина Царь был воплощением его мистических запросов и одновременно реальной, так сказать осязаемой величиной, которую нельзя было заменить какою-либо политической формулой; последняя оставалась бы для него непонятной отвлеченностью. Русская революция должна была ринуться в пустоту, образовавшуюся вследствие крушения царской власти, с той потребностью безусловного и стремлением к крайностям, которые присущи славянской природе, с такой бурной силой, что никакая форма правления не могла была бы ее остановить; таким образом ей предстояло докатиться до полного политического и религиозного нигилизма, до анархии.

Чтобы предотвратить эти грозные возможности, те, кто желал революции, должны были к ней приготовиться. Она заключала в себе, даже в мирное время, возможность ужасающих случайностей; рискнуть же пойти на нее в разгар войны было преступно. Мы, западные европейцы, склонны судить о положении в России по руководящим слоям общества, с которыми имеем дело и которые достигли одинаковой с нами степени культуры и цивилизации, но мы слишком часто забываем, о тех миллионах первобытных и невежественных крестьян, на которых имеют воздействие самые простые, примитивные чувства: религиозное преклонение перед царской властью — поразительный тому пример.

Английский посол, осведомляемый русскими политическими

деятелями, патриотизм которых был вне подозрений, но которые видели свою страну такою, какой хотели бы ее видеть, а не такой, какова она была в действительности, — дал ввести себя в заблуждение. Не приняты были в соображение совершенно особые условия, благодаря которым Россия была религиозным, политическим и социальным анахронизмом, и никакая западно-европейская формула и мерка к ней не подходила. Забыли, что если во всякой стране революция во время войны всегда вызывает вначале, вследствие неизбежных колебаний, ослабление нации и значительно уменьшает боеспособность армии, то в России те же последствия должны были проявиться с сугубой силой и полнотой.

Заблуждение держав Согласия[58] заключалось в том, что они поверили, будто движение, которое обрисовывалось в начале февраля 1917 года, было по происхождению народным, — этого вовсе не было, и в нем участвовали только правящие классы; широкие массы оставались безучастными. Монархия была свергнута вовсе не поднявшимся из глубины бурным валом, как об этом говорили; наоборот, ее крушение подняло такую страшную волну, которая поглотила Россию и едва не затопила соседния государства.

Государь по возвращении из ставки провел январь и февраль в Царском Селе; он чувствовал, что политическое положение становится все более и более натянутым, но все еще не вполне терял надежду. Страна страдала, устала от войны и страстно жаждала мира. Оппозиция росла со дня на день, гроза гремела, но Николай II продолжал надеяться, что несмотря на все, чувство патриотизма возьмет верх над гибельными мыслями, порождаемыми в умах тревогою данной минуты; он надеялся, что не захотят необдуманными действиями подвергнуть риску результаты войны, столь дорого стоившей стране. Он сохранил нерушимую веру в армию; он знал, что боевое снаряжение, высланное из Франции и Англии, своевременно приходило и что оно улучшало условия, в которых армия воевала. Он возлагал величайшую надежду на новые части, созданные в России в течение зимы,[59] и был убежден, что русская армия будет в состоянии присоединиться весной к большому наступлению союзников, которое нанесет роковой удар Германии и спасет Россию. Еще несколько недель — и победа была бы обеспечена.

Тем не менее Государь не решался покинуть Царское Село, настолько его озабочивало политическое положение; с другой стороны, он считал, что не может далее отлагать свой отъезд и что долг повелевает ему вернуться в ставку. Наконец в четверг 8 марта Царь отправился в Могилев, куда прибыл на следующий

день. Едва он успел покинуть столицу, как первые признаки волнения начали проявляться в рабочих кварталах столицы. Заводы забастовали, и в следующие дни движение быстро разрослось. Население Петрограда подвергалось в течение зимы большим лишениям, так как вследствие недостатка подвижного состава перевозка продовольствия и топлива была в высшей степени затруднена, и положение не давало надежд на улучшение. Правительство не сумело принять никаких мер, могущих успокоить брожение, а Протопопов лишь раздражал население столь же нелепыми, сколь преступными репрессивными полицейскими мерами. Прибегли к вмешательству военной силы. Но все полки были на фронте, и в Петрограде оставались лишь обучавшиеся запасные части, сильно разложенные пропагандой, организованной в казармах, несмотря на надзор. Не замедлили произойти случаи отказа в повиновении, и после трех дней слабого сопротивления войска перешли одни за другими на сторону мятежников. 13 марта город был почти весь в руках революционеров, и Дума приступила к образованию Временного правительства.

В Могилеве вначале не отдавали себе отчета в значении событий, развертывавшихся в Петрограде. Однако в субботу 10 марта генерал Алексеев и некоторые лица из свиты Государя попытались разъяснить ему события и уговаривали его без замедления даровать свободы, требуемые народом. Но Николай II, лишний раз введенный в заблуждение намеренно неверными или неполными сведениями, представленными несколькими несознательными лицами из числа его приближенных,[60] не счел нужным внять этим советам. 12-го сделалось невозможным долее скрывать от Государя правду; он понял, что необходимо принять чрезвычайные меры, и решил немедленно вернуться в Царское Село.

Царский поезд покинул Могилев в ночь с 12-го на 13-ое. Когда через сутки он подошел к станции Малая Вишера, стало известно, что станция Тосно, в пятидесяти километрах на юг от Петрограда, занята мятежниками и что доехать до Царского Села невозможно. Пришлось вернуться. Царь решил проехать в Псков, где находился главнокомандующий северным фронтом генерал Рузский; он прибыл туда 14-го вечером. Поставленный генералом в известность о последних петроградских событиях, Государь поручил ему передать по телефону Родзянко, что он готов на все уступки, если Дума считает, что он в состоянии восстановить порядок в стране. Ответ был: уже поздно. Было ли это так в действительности? Распространение революционного движения ограничивалось Петроградом и ближайшими окрестностями. И

несмотря на пропаганду, престиж Царя был еще значителен в армии и не тронут среди крестьян. Разве недостаточно было дарования конституции и поддержки Думы, чтобы вернуть Николаю II популярность, которою он пользовался при начале войны?

Ответ Думы ставил перед Царем выбор: отречение или попытка идти на Петроград с войсками, которые оставались ему верны; но это была гражданская война в присутствии неприятеля… У Николая II не было колебаний, и 15-го утром он передал генералу Рузскому телеграмму с уведомлением председателя Думы о своем намерении отречься от престола в пользу сына.

Несколько часов спустя он приказал позвать к себе в вагон профессора Федорова и сказал ему:

— Сергей Петрович, ответьте мне откровенно, болезнь Алексея неизлечима?

Профессор Федоров, отдавая себе отчет во всем значении того, что ему предстояло сказать, ответил:

— Государь, наука говорит нам, что эта болезнь неизлечима. Бывают, однако, случаи, когда лицо, одержимое ею, достигает почтенного возраста. Но Алексей Николаевич, тем не менее, во власти случайности.

Государь грустно опустил голову и прошептал:

— Это как раз то, что мне говорила Государыня… Ну, раз это так, раз Алексей не может быть полезен родине, как я бы того желал, то мы имеем право сохранить его при себе.

Решение им было принято, и вечером, когда приехали из Петрограда представители Временного правительства и Думы, он передал им акт отречения, составленный им заранее; в нем он отрекался за себя и за своего сына от русского престола в пользу своего брата, Великого Князя Михаила Александровича. Вот текст этого документа, который своим благородством и горячим патриотизмом привел в восхищение даже врагов Государя:

> АКТ
>
> об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского в пользу Великого Князя Михаила Александровича.
>
> В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской

Нашей армии, благо народа, все будущее дорогого Нашего отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия Наша, совместно со славными нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех Наших верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Г. Псков, 2 Марта 15 час. 3 мин. 1917 года.

НИКОЛАЙ.

Министр Императорского Двора, генерал-адъютант граф Фредерикс.

Царь был свергнут. Германия готовилась одержать самую крупную свою победу, но это торжество могло еще быть вырвано из ее рук. Для этого достаточно было, чтобы сознательная часть общества вовремя спохватилась и сплотилась вокруг Великого Князя Михаила Александровича, который, по воле брата, — акт об отречении ясно на это указывал — должен был сделаться конституционным монархом в полном смысле этого слова. К этому не было никаких препятствий, потому что еще не было наличности такого большого народного движения, которое не

поддается никакой логике, увлекая народ в пропасть и неизвестность. Революция была делом исключительно петроградского населения, большинство которого без колебания стало бы на сторону нового монарха, если бы Временное правительство и Дума подали ему в этом пример. Армия, еще хорошо дисциплинированная, представляла значительную силу; что же касается большинства народа, то оно не ведало даже о том, что что-нибудь случилось.

Желание закрепить за собою власть и страх, который внушали крайние левые, привели к тому, что была упущена эта последняя возможность предотвратить катастрофу. На следующий день после отречения Государя Великий Князь Михаил Александрович, по совету всех членов Временного правительства (кроме двух[61]), отрекся в свою очередь и предоставил Учредительному собранию разрешение вопроса о будущем образе правления в России.

Непоправимое совершилось. Исчезновение Царя оставило в душе народной огромный пробел, который она была не в силах заполнить. Сбитый с толку и не знающий, на что решиться в поисках идеала и верований, способных заменить ему то, что он утратил, народ находил вокруг себя лишь полную пустоту.

Чтобы закончить дело разрушения, Германии оставалось лишь напустить на Россию Ленина и его сторонников, широко снабдив их золотом. Эти люди и не думали говорить крестьянам о демократической республике или об Учредительном собрании; они знали, что это напрасный труд. Новоявленные пророки, они пришли проповедывать священную войну и попытаться увлечь миллионы темных людей приманкой учения, в котором высокие заветы Христа переплетались с худшими софизмами, и которое, в руках евреев-авантюристов большевизма, должно было привести к порабощению мужика и гибели отечества.

Глава XVI. Император Николай II

Николай II, желая проститься со своими войсками, покинул Псков 16 марта и вернулся в Ставку. Он оставался там до 21-го, живя по-прежнему в губернаторском доме и принимая ежедневно доклады генерала Алексеева. Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна приехала из Киева повидать Государя, и оставалась с ним до его отъезда в Царское Село.

21-го приехали в Могилев комиссары, посланные Временным правительством и Думой. Они поручили генералу Алексееву объявить Царю, что, согласно решению Временного правительства, он арестован, и им поручено доставить его обратно в Царское Село. Вагон комиссаров был прицеплен к царскому поезду, и отъезд состоялся в тот же вечер.

Перед отъездом из Ставки Николай II пожелал проститься с войсками, обратившись к ним со следующим приказом:

ПРИКАЗ

Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего

Отрекшийся от престола Император *Николай II* перед своим отъездом из района действующей армии обратился к войскам со следующим прощальным словом:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения моего за себя и за сына моего от престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагам.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий».

НИКОЛАЙ.

Ставка, 8 Марта 1917 г.

Подписал:

Начальник Штаба Генерал Алексеев.

В этот трагический и скорбный час у Государя было одно желание — облегчить задачу правительства, которое лишило его престола. Его единственным опасением было, чтобы только что совершившиеся события не имели на армию пагубного воздействия, которым мог бы воспользоваться неприятель.

По приказанию военного министра этот приказ никогда не был объявлен войскам.

Почему судьбе было угодно, чтобы Император Николай II царствовал в начале XX века и в одно из самых смутных времен, когда-либо известных истории? Одаренный замечательными личными качествами, он был воплощением всего, что в русской натуре есть самого благородного и рыцарского, но он был слаб. Безукоризненно честный, он всегда оставался рабом данного им слова. Его верность союзникам, которая, вероятно, и послужила причиной его смерти, доказывает это с исчерпывающей полнотой. Он презирал дипломатические приемы и не был создан для борьбы; события его погубили.

Николай II был скромен и застенчив. Он слишком сомневался в самом себе: отсюда все его неудачи. Его первое движение бывало всего чаще верным, но несчастье заключалось в том, что, сам себе недоверяя, он редко ему следовал. Он искал совета у людей, которых считал более сведущими, чем он, и с той минуты переставал владеть положением — оно ускользало из его рук; он колебался между противоположными мнениями и часто кончал тем, что присоединялся к мнению, наиболее противоречившему его собственнному чувству.

Государыня знала нерешительный характер Государя. Она сочла, как мы уже это заметили, своим священным долгом помочь ему в тяжелой ззадаче, выпавшей на его долю. Ее влияние на Государя было очень велико, но почти всегда гибельно. Она сделала из политики вопрос чувства и личного предпочтения и слишком часто руководилась симпатиями или антипатиями

своими собственными, или своих окружающих. Импульсивная по природе, Императрица была подвержена увлечениям, благодаря которым она оказывала самое полное доверие тем, кого считала искренно преданными стране и династии, так было с Протопоповым.

Государь стремился быть справедливым и делать добро. Если он и не всегда достигал этого, то вина лежит всецело на тех, которые всячески старались скрыть от него правду и совершенно отдалить его от народа. Все его великодушные начинания разбивались о пассивное сопротивление всесильной бюрократии или заведомо не исполнялись теми, кому он доверял проведение их в жизнь. Он считал, что личная инициатива человека, как бы могущественна и гениальна она ни была, ничто в сравнении с высшими силами, которые руководят событиями. Отсюда проистекала его своего рода мистическая покорность судьбе, которая его побуждала скорее подчиняться обстоятельствамь, чем руководить ими. Это одна из отличительных черт русской души.

Созданный для семенной жизни, он был бы вполне счастлив, если бы мог жить, как простой смертный, но он покорился своей участи, и с полною покорностью принял на себя непосильную для человека задачу, возложенную на него Богом. Он любил свой народ и свою родину всеми силами своего существа; он больше всех любил самых смиренных из своих подданных — мужиков, долю которых он искренно жалаль улучшить. Трагична судьба этого монарха, который в продолжение всего своего царствования стремился лишь к тому, чтобы приблизиться к своему народу, и которому так и не удалось найти возможности это сделать. Правда, его тщательно охраняли и притом именно те, в чьих интересах было помешать ему в этом.[62]

Глава XVII. Как смотрели на революцию в Александровском дворце. Возвращение Государя в Царское Село

Пока драматические события, описанные мною выше, развертывались во Пскове и Могилеве, Государыня с детьми, оставшись в Александровском дворце, переживала часы невыразимой тревоги.

Как мы это видели, Государь лишь после долгих сомнений, уже сильно встревоженный, решился покинуть Царское Село 8 марта, чтобы поехать в ставку.

Его отъезд особенно удручил Государыню, так как к опасениям, которые вызывало политическое положение, присоединялись еще опасения, которые внушало ей здоровье Алексея Николаевича. Цесаревич уже несколько дней лежал в постели: у него была корь, и положение его ухудшилось вследствие различных осложнений. К довершению несчастья, три великих княжны заболели в свою очередь, и одна Мария Николаевна могла помогать своей матери.

10 марта мы узнали, что в Петрограде вспыхнули беспорядки и что между полицией и манифестантами уже были кровавые столкновения.

Произошло это вследствие того, что за последние дни недостаток продовольствия вызвал сильное недовольство в кварталах, где жило простонародье. Собрались толпы, которые направились по улицам города, требуя хлеба.

Я понял, что Ее Величество была очень озабочена, так как, отступая от своей привычки, она заговорила со мною о политических событиях и сказала, что Протопопов обвиняет социалистов в желании, путем деятельной пропаганды среди железнодорожников, помешать подвозу продовольствия в город, чтобы возбудить народ к революции.

11 марта положение внезапно стало крайне критическим. Самые тревожные известия приходили к нам одно за другим. Волнение захватывало центр города, и войска, которые уже накануне были привлечены для поддержания порядка, оказывали лишь слабое сопротивление.

Я узнал также, что был опубликован указ Государя о перерыве сессии Думы, но что, ввиду серьезности переживаемых событий, Дума решила не подчиняться ему и приступила к

организации исполнительного комитета, поручив ему восстановление порядка.

На следующий день вооруженная борьба возобновилась с еще большим ожесточением, и мятежникам удалось захватить арсенал. К вечеру мне телефонировали из Петрограда, что запасные части многих гвардейских полков, как то Павловского, Преображенского и др., присоединились к восставшим. Эта новость как громом поразила Императрицу. Уже накануне она была в сильном беспокойстве и отдавала себе отчет в неотвратимости опасности.

В течение этих двух дней она по очереди проводила время в комнатах Великих Княжон и Алексея Николаевича, состояние здоровья которого еще ухудшилось. Она старалась скрыть от больных терзавшую ее смертельную тревогу.

13 марта, в 9 1/2 часов утра, когда я входил к Цесаревичу, Императрица сделала мне знак следовать за нею в соседнюю залу. Она мне объявила, что столица фактически в руках революционеров и что Дума образовала Временное правительство, во главе которого стоит Родзянко.

— Дума оказалась на высоте положения, — сказала она, — мне кажется, что она поняла наконец опасность, грозящую стране, но я боюсь, как бы это не было слишком поздно: образовался комитет из революционеров-социалистов, который не хочет признавать власти Временного правительства. Я только что получила от Государя телеграмму, в которой он извещает о своем прибытии к 6 часам утра. Но он желает, чтобы мы покинули Царское Село и переехали в Гатчину[63] или чтобы мы выехали к нему навстречу. Прикажите все приготовить на случай отъезда Алексея.

Приказания отданы. Ее Величество находится в тревожной нерешительности. Она дала знать Родзянко о тяжелом состоянии Цесаревича и Великих Княжон. Родзянко ответил: «Когда дом горит, из него прежде всего выводят больных».

В 4 часа доктор Деревенко возвращается из госпиталя и объявляет нам, что весь петроградский железнодорожный узел уже занят революционерами, что мы не можем выехать и что очень маловероятно, чтобы Государь мог сюда доехать.

Вечером, около 9 часов, ко мне входит баронесса Буксгевден. Она только что узнала, что царскосельский гарнизон взбунтовался, и на улицах стреляют. Надо предупредить Императрицу, которая находится у Великих Княжон. Как раз в эту минуту она выходит в коридор, и баронесса ставит ее в известность о том, что происходит. Мы подходим к окнам и видим, как генерал Рессин с двумя ротами сводного полка

занимает позицию перед дворцом. Я замечаю также матросов гвардейского экипажа и конвойцев. Ограда парка занята усиленными караулами, которые находятся в полной боевой готовности.

В эту минуту мы узнали по телефону, что мятежники продвигаются в нашем направлении и что они только что убили часового в 500 шагах от дворца. Ружейные выстрелы все приближались, столкновение казалось неизбежным. Императрица была вне себя от ужаса при мысли, что кровь прольется на ее глазах, и вышла с Марией Николаевной к солдатам, чтобы побудить их сохранять спокойствие. Она умоляла, чтобы вступили в переговоры с мятежниками. Наступает решающая минута. Тревога сжимает все сердца. Неосторожность может вызвать рукопашную схватку и резню. С обеих сторон выступают офицеры, и начинаются переговоры. Слова их бывших начальников и решимость тех, которые остались верны долгу, действуют на мятежников.

Возбуждение понемногу падает, и наконец решают установить нейтральную зону между обеими сторонами.

Так прошла ночь. Утром официальный приказ Временного правительства положил предел этому мучительному положению.

После полудня Ее Величество вызвала Великого Князя Павла Александровича и спросила его, не знает ли он, где Государь. Великий Князь был в полном неведении. На вопросы Государыни о положении он отвечал, что на его взгляд только немедленное дарование конституции может еще предотвратить опасность. Государыня присоединилась к этому мнению, но она была бессильна, ибо с предыдущего дня не могла больше сноситься с Государем.

Весь день 15 марта прошел в подавленном ожидании событий. Ночью, в 3 1/2 часа, доктор Боткин был вызван к телефону одним из членов Временного правительства, который справлялся о здоровье Алексея Николаевича. Как мы узнали впоследствии, по городу распространился слух о его смерти.

Пытка Государыни продолжалась и на следующий день. Она уже третьи сутки была без известий о Государе, и ее мучительная тревога возрастала от вынужденного бездействия.[64]

К концу дня во дворце получили известие об отречении Государя. Государыня отказывалась ему верить, считая это ложным слухом. Однако немного позднее Великий Князь Павел Александрович подтвердил это известие. Она все еще отказывалась верить ему, и только когда Великий Князь сообщил ей подробности, Ее Величество сдалась наконец перед очевидностью. Государь отрекся от престола накануне вечером, во

Пскове, в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича.

Отчаянье Государыни превзошло все, что можно себе представить. Но ее стойкое мужество не покинуло ее. Я увидел ее вечером у Алексея Николаевича. На ней лица не было, но она принудила себя почти сверхчеловеческим усилием воли прийти по обыкновению к детям, чтобы ничем не обеспокоить больных, которые ничего не знали о том, что случилось с отъезда Государя в ставку.

Поздно ночью мы узнали, что Великий Князь Михаил Александрович отказался вступить на престол и что судьба России будет решена Учредительным собранием.

На следующий день я вновь застал Государыню у Алексея Николаевича. Она была спокойна, но очень бледна. Она ужасно похудела и постарела за эти несколько дней.

Днем Ее Величество получила телеграмму от Государя, в которой он старался успокоить ее и сообщал, что ждет в Могилеве предстоящего приезда вдовствующей Императрицы.

Прошло три дня. 21 марта, в 10 1/2 часов утра, Ее Величество вызвала меня и сказала, что генерал Корнилов от имени Временного правительства только что объявил ей, что Государь и она арестованы и что все те, кто не желает подвергаться тюремному режиму, должны покинуть дворец до четырех часов. Я ответил, что решил остаться.

— Государь возвращается завтра, надо предупредить Алексея, надо все ему сказать… Не сделаете ли вы это? Я пойду поговорить с дочерьми.

Было заметно, как она страдает при мысли о том, как ей придется взволновать больных Великих Княжон, объявляя им об отречении их отца, тем более, что это волнение могло ухудшить состояние их здоровья.

Я пошел к Алексею Николаевичу и сказал ему, что Государь возвращается завтра из Могилева и больше туда не вернется.

— Почему?

— Потому что ваш отец не хочет быть больше верховным главнокомандующим!

Это известие сильно его огорчило, так как он очень любил ездить в ставку. Через несколько времени я добавил:

— Знаете, Алексей Николаевич, ваш отец не хочет быть больше Императором.

Он удивленно посмотрел на меня, стараясь прочесть на моем лице, что произошло.

— Зачем? Почему?

— Потому что он очень устал и перенес много тяжелого за

последнее время.

— Ах, да! Мама мне сказала, что, когда он хотел ехать сюда, его поезд задержали. Но папа потом опять будет Императором?

Я объяснил ему тогда, что Государь отрекся от престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича, который в свою очередь уклонился.

— Но тогда кто же будет Императором?

— Я не знаю, пока никто!..

Ни слова о себе, ни намека на свои права Наследника. Он сильно покраснел и был взволнован.

После нескольких минут молчания он сказал:

— Если нет больше Царя, кто же будет править Россией?

Я объяснил ему, что образовалось Временное правительство, которое будет заниматься Государственными делами до созыва Учредительного собрания, и что тогда, быть может, его дядя Михаил взойдет на престол.

Я еще раз был поражен скромностью этого ребенка.

В 4 часа двери дворца запираются. Мы в заключении! Сводно-гвардейский полк заменен одним из полков царскосельского гарнизона, и солдаты стоят на часах уже не для того, чтобы нас охранять, а с тем, чтобы нас караулить.

22 марта, в 11 часов утра, приехал наконец Государь в сопровождении гофмаршала князя Долгорукова. Он немедленно поднялся к детям, где его ожидала Государыня.

После завтрака он зашел к Алексею Николаевичу, где я находился в эту минуту, и разговаривал со мною с обычной простотой и благожелательностью. Но при виде его побледневшего и похудевшего лица было ясно, что он также много перестрадал за время своего отсутствия.

Возвращение Государя, несмотря на обстоятельства, было большим счастьем для его семьи. Государыня и Мария Николаевна, и больные дети, когда их осведомили о положении, испытали на его счет столько страха и тревоги! Для них было большим утешением чувствовать себя вместе во время такого сурового испытания. Им казалось, что это облегчало их скорбь и что громадная любовь, которую они испытывали друг к другу, давала им достаточно сил, чтобы перенести все страдания.

Несмотря на обычное его самообладание, Государю не удавалось скрыть глубокого потрясения, которое он пережил, но он быстро оправлялся, окруженный лаской своей семьи. Он посвящал ей большую часть своего дня; остальное время он читал или гулял с князем Долгоруковым. Вначале ему был запрещен вход в парк и предоставлено лишь пользование примыкавшим ко дворцу маленьким садом, еще покрытым снегом и окруженным

часовыми. Но Государь принимал все эти строгости с изумительным спокойствием и величием духа. Ни разу ни слова упрека не слетело с его уст. Дело в том, что одно чувство, более сильное даже, чем семейные связи, преобладало в нем — это была его любовь к родине. Чувствовалось, что он готов все простить тем, кто подвергал его унижениям, лишь бы они оказались способными спасти Россию.

Государыня проводила почти все свое время на кушетке в комнате Великих Княжон или у Алексея Николаевича. Волнения и жгучая тревога физически истощили ее, но с возвращением Государя она почувствовала нравственное успокоение; она жила очень сильной внутренней жизнью и мало разговаривала, уступая наконец той повелительной потребности в отдыхе, которая так давно ощущалась ею. Она была счастлива, что не приходится больше бороться, и что она может всецело посвятить себя тем, кого любила такою великой любовью. Одна Мария Николаевна продолжала еще ее беспокоить. Она заболела гораздо позднее сестер, и ее болезнь осложнилась злокачественным воспалением легких; организм ее, хотя и очень крепкий, с трудом боролся с болезнью. Она к тому же была жертвой своего самоотвержения. Эта 17-тилетняя девушка без счета расходовала свои силы в дни революции. Она была самой твердой опорой матери. В ночь на 13-ое марта она неосторожно вышла на воздух вместе с Государыней, чтобы говорить с солдатами, подвергаясь холоду в то время, как уже чувствовала первые приступы заболевания. По счастью, остальные дети чувствовали себя лучше и находились на пути к полному выздоровлению.

Наше царскосельское заключение, казалось, не должно было долго длиться: был поднят вопрос о предстоящей отправке нас в Англию. Но дни проходили, и отъезд наш постоянно откладывался. Дело в том, что Временное правительство было вынуждено считаться с крайними элементами, и чувствовалось, что власть мало-помалу ускользает из его рук. Мы были, однако, всего в нескольких часах езды по железной дороге от финляндской границы, и необходимость проезда через Петроград была единственным серьезным препятствием. Таким образом, казалось, что, действуя решительно и с соблюдением полной тайны, было бы не так трудно перевезти Царскую Семью в один из портов Финляндии, а оттуда за границу. Но все боялись ответственности, и никто не решался себя скомпрометировать. Злой рок тяготел над ними!

?????Около 15 ноября мы узнали, что Временное правительство свергнуто и что большевики захватили власть в свои руки. Но это происшествие не отозвалось немедленно на

нашей жизни, и, как мы это увидим, большевики лишь несколько месяцев спустя надумали заняться нами.?????

Глава XVIII. Пять месяцев заключения в Царском Селе (март-август 1917 г.)

Царская Семья оставалась в Царском Селе до августа 1917 года. В течение пяти месяцев этого заключения, которые я провел с нею, я вел дневник нашей совместной жизни. Читатель поймет чувство деликатности, не позволяющее мне воспроизвести его целиком. Я хочу, насколько возможно, избегнуть того, чтобы касаться остающихся в живых. Я отклонюсь, однако, от этого правила, когда речь зайдет о случаях, обрисовывающих характер Государя и его семьи, или о чувствах, одушевлявших их в течение этих долгих месяцев испытаний.[65]

Воскресенье 1 апреля. — Алексей Николаевич чувствует себя гораздо лучше, и мы сегодня утром отправились в церковь, где уже находились Их Величества, Великие Княжны Ольга и Татьяна, а также некоторые лица свиты, разделяющие наше за ключение. Когда священник молился об успехах русской и союзнических армий, Государь и Государыня опустились на колени, и все присутствующие последовали их примеру.

Несколько дней тому назад, выходя от Алексея Николаевича, я встретил человек десять солдат, бродивших по коридору. Я подошел к ним и спросил, чего они хотят.

— Мы желаем видеть Наследника.

— Он в постели, и его видеть нельзя.

— А остальные?

— Они также больны.

— А где Царь?

— Я не знаю.

— Пойдет он гулять?

— Не знаю. Но послушайте, не стойте тут, не надо шуметь, ведь здесь больные!

Они вышли на цыпочках и разговаривали шепотом. Так вот они, те солдаты, которых нам расписали кровожадными революционерами, ненавидящими своего бывшего Царя!

Вторник 3 апреля. — Керенский приезжал сегодня в первый раз во дворец. Он обошел все комнаты, проверил часовых, желая лично удостовериться, что нас хорошо стерегут. Перед отъездом у него был довольно длинный разговор с Государем и Государыней.

Среда 4 апреля. — Алексей Николаевич рассказал мне вчерашнюю беседу Керенского с Государем и Государыней.

Вся семья была собрана в комнатах Великих Княжон. Керенский входит и, представляясь, говорит:

— Я генерал-прокурор Керенский.

Потом он пожимает руки всем присутствующим; обернувшись затем к Императрице, он произносит:

— Королева английская просит известий о бывшей Императрице!

Ее Величество сильно краснеет. Ее в первый раз так называют. Она отвечает, что чувствует себя недурно, но, как всегда, страдает от сердца. Керенский продолжает:

— То, что я раз начал, я всегда, со всей своей энергией, довожу до конца. Я хотел все лично увидеть и проверить, чтобы иметь возможность доложить об этом в Петрограде; это будет лучше и для вас.

Затем он попросил Государя пройти в соседнюю комнату, желая поговорить с ним наедине. Он входит первым. Государь следует за ним.

После его отъезда Государь рассказывал, что, лишь только они остались одни, Керенский ему сказал:

— Вы знаете, что мне удалось провести отмену смертной казни?.. Я это сделал несмотря на то, что многие мои товарищи погибли жертвами своих убеждений.

Не хотел ли он выставить напоказ свое великодушие и намекнуть, что спасает жизнь Государя, хотя он этого не заслужил?

Затем он заговорил насчет нашего отъезда, который еще надеется устроить. Когда, как, куда? Он сам хорошенько этого не знал и просил, чтобы об этом не говорили.

Для Алексея Николаевича удар был очень тяжел. Он еще не отдавал себе отчета в их новом положении. Он в первый раз видел, чтобы его отцу давались приказания, а он их исполнял, как подначальный.

Вот подробность, заслуживающая быть отмеченной: Керенский приехал во дворец на одном из личных автомобилей Государя, с шофером из императорского гаража.

Пятница 6 апреля. — Государь поделился со мною глубокой скорбью, которую он испытывает при чтении газет. Происходит развал армии. Нет больше ни чинопочитания, ни дисциплины. Офицеры боятся солдат, которые за ними шпионят. Чувствуется, что Государь сильно страдает от развала армии, которую так любит.

Воскресенье 8 апреля. — После обедни Керенский объявил Государю, что принужден разлучить его с Государыней, что он должен будет жить отдельно и видеться с Ее Величеством только

за столом и при условии, что они будут разговаривать исключительно по-русски. Чай они также могут пить вместе, но в присутствии офицера, так как прислуги при этом не бывает.

Немного позднее подошла ко мне сильно взволнованная Государыня и сказала:

— Поступать так с Государем, сделать ему эту гадость после того, что он принес себя в жертву и отрекся, чтобы избежать гражданской войны, — как это низко, как это мелочно! Государь не пожелал, чтобы кровь хотя бы одного русского была пролита за него. Он всегда был готов от всего отказаться, если бы имел уверенность, что это на благо России.

Через минуту она продолжала:

— Да, надо перенести еще и эту горькую обиду.

Понедельник 9 апреля. — Я узнал, что Керенский сперва хотел изолировать Государыню, но ему заметили, что было бы бесчеловечно разлучить мать с ее больными детьми; тогда он решил применить эту меру в отношении Государя.

Великая пятница 13 апреля. — Вечером вся семья исповедывалась.

Суббота 14 апреля. — В 9 1/2 часов утра обедня и причастие. Вечером, в 11 1/2 часов, все собираются к заутрени. У заутрени присутствует комендант дворца полковник Коровиченко, друг Керенского, и три офицера караула. Служба продолжается до двух часов, после чего все идут в библиотеку для обычных поздравлений. Государь по русскому обычаю христосуется со всеми присутствующими мужчинами, включая коменданта дворца и караульного офицера, который остался при нем. Они оба не могут скрыть волнения, которое вызвало в них это непосредственное движение Государя.

Потом все садятся за круглый стол для пасхального разговенья. Их Величества сидят друг против друга. Нас, с двумя офицерами, семнадцать человек. Великие княжны Ольга и Мария отсутствуют, равно как и Алексей Николаевич. После сравнительного оживления, которое начало быстро падать, разговоры замирают. Ее Величество особенно молчалива. Грусть ли это или усталость?

Воскресенье 15 апреля. — Пасха. Мы в первый раз выходили с Алексеем Николаевичем на террасу перед дворцом. Чудный весенний день.

В семь часов вечера наверху, в детских комнатах, происходит богослужение. Нас всего человек пятнадцать. Я замечаю, что Государь набожно крестится, когда священник поминает Временное правительство.

На следующий день мы по случаю чудной погоды выходим в

парк, где нам теперь разрешили гулять; нас сопровождают караульные офицеры и часовые.

Желая немного размять себе мускулы, мы забавляемся разбиванием льда у плотины пруда. Толпа солдат и штатских не замедлила собраться вдоль ограды парка и смотрела на нашу работу. Через некоторое время караульный офицер подошел к Государю и сказал, что он опасается враждебной манифестации или даже покушения на членов Царской Семьи и просит нас не оставаться на том месте, где мы находимся. Государь ответил ему, что совершенно не боится и что эти добрые люди ему нисколько не мешают.

Среда 18 апреля. — Каждый раз, что мы выходим, нас окружают несколько солдат с винтовками с примкнутыми штыками под командой офицера и следуют за нами по пятам. Мы — точно каторжане среди караульных. Распоряжения меняются ежедневно, — или, может быть, офицеры понимают их каждый на свой лад!

Когда мы возвращались сегодня днем во дворец после нашей прогулки, часовой перед дверью остановил Государя словами:

— Господин полковник, здесь проходить нельзя.

Потребовалось вмешательство сопровождавшего нас офицера. Алексей Николаевич густо покраснел, увидев, как солдат остановил его отца.

Пятница 20 апреля. — Мы теперь гуляем регулярно, два раза в день: утром от одиннадцати до двенадцати и днем от двух с половиною до пяти часов. Мы все соединяемся в полукруглой зале и ждем, пока караульный начальник отопрет нам двери, ведущие в парк. Мы выходим — дежурный офицер и солдаты следуют за нами по пятам и окружают место, где мы останавливаемся для работы. Императрица и Великие Княжны Ольга и Мария еще не выходят из комнат.

Воскресенье 22 апреля. — Запрещено доходить до пруда: мы должны оставаться около дворца и не выходить из отведенного для нас пространства. Мы замечаем издали толпу любопытных, желающих нас разглядеть.

Среда 25 апреля. — Керенский опять приехал во дворец. Доктор Боткин воспользовался этим случаем, чтобы спросить его, нельзя ли переправить императорскую семью в Ливадию ради здоровья детей. Керенский отвечает, что в данное время это совершенно невозможно. Вслед за тем он пошел к Их Величествам, где оставался довольно долго. Отношение Керенского к Государю уже не то, что было вначале: он уже не принимает позы судьи. Я уверен, что он начинает понимать Государя и подпадает под его нравственное обаяние; это

случается со всеми, кто к нему приближается. Керенский просил газеты прекратить травлю, которую они ведут против Государя и особенно против Государыни. Эти клеветы только подливают масло в огонь. У него есть чувство ответственности за заключенных. Однако ни слова о нашем отъезде за границу. Это показывает его бессилие.

Воскресенье 29 апреля. — Вечером длинный разговор с Их Величествами насчет уроков Алексея Николаевича. Надо найти какой-нибудь выход, раз у нас нет больше преподавателей. Государь возьмет на себя историю и географию, Государыня — закон Божий, баронесса Буксгевден — английский язык, г-жа Шнейдер — арифметику, доктор Боткин — русский язык, а я — французский.

Понедельник 30 апреля. — Сегодня Государь приветствовал меня словами: «Здравствуйте, дорогой коллега!» — Он только что дал первый урок Алексею Николаевичу. То же спокойствие и желание оказать ласку всем, разделяющим его тяжелую участь. Он для всех нас пример и ободрение.

Я дал Татьяне Николаевне на прочтение ее родителям статью из газеты «Journal des Debats», подписанную А. Г. (Август Гавен), от 18 марта 1917 г.

Чувствуется, что режим, которому нас подвергают, становится более строгим.

Вторник 1 мая. — Россия в первый раз празднует 1 мая. Мы слышим гром музыки и видим, как вдоль ограды парка проходят длинные шествия манифестантов.

Сегодня вечером Государь вернул мне «Journal des Debats», в котором говорится об его отречении. Он мне сказал, что Императрица и он с удовольствием прочли статью, в которой стараются быть справедливыми по отношению к нему и тон которой так сильно расходится с тоном английских газет.

Четверг 3 мая. — Государь сказал мне вечером, что известия за последние дни очень плохи. Крайние партии требуют от Франции и Англии заявления о желании заключить мир «без аннексий и контрибуций». Число дезертиров все увеличивается, и армия тает. Будет ли иметь Временное правительство силы продолжать войну?

Государь с живейшим интересом следит за событиями. Он обеспокоен, но надеется, что страна спохватится и останется верна союзникам.

Воскресенье 13 мая. — Вот уже второй день, что мы разбиваем огород на одной из полян парка. Мы начали с того, что сняли дерн, который переносим на носилках и складываем в кучи. Все принялись за работу: Царская Семья, мы и прислуга дворца,

которую с некоторых пор выпускают на прогулку вместе с нами. Даже несколько солдат караула пришли нам помочь! У Государя последние дни очень озабоченный вид. Он сказал мне, возвращаясь с прогулки:

— Оказывается, Рузский подал в отставку. Он просил перейти в наступление (теперь просят — уже больше не приказывают!), но солдатские комитеты отказались. Если это правда, то это конец! Какой позор! Защищаться, а не наступать — это равносильно самоубийству! Мы дадим возможность раздавить наших союзников, потом настанет наша очередь.

Понедельник 14 мая. — Государь вернулся к нашему вчерашнему разговору и добавил:

— Что дает мне маленькую надежду, это то, что у нас любят преувеличивать! Я не могу поверить, чтобы на фронте армия была такой, как говорят: в два месяца она не могла пасть до такой степени.

Четверг 18 мая. — Мне кажется, что серьезный правительственный кризис, длившийся уже около двух недель, разрешается. Вести из Петрограда как будто менее плохи. Новому совету министров, в который вошли несколько представителей солдат и рабочих, удастся, быть может, утвердить свой авторитет. Пока анархия повсюду растет.

Суббота 19 мая. — День рождения Государя (сорок девять лет). Обедня и поздравления.

Воскресенье 27 мая. — С некоторых пор выдают очень мало дров, и всюду страшно холодно. Нарышкина (гофмейстерина Ее Величества) заболела, и ее сегодня увезли, так как ее здоровье требует ухода, которого ей здесь дать нельзя. Она в отчаянии, что покидает нас, так как знает, что ей не позволят вернуться во дворец.

Суббота 2 июня. — Мы продолжаем ежедневно работать на огороде. Мы его поливаем из бочек, которые возим по очереди.

Воскресенье 10 июня. — Несколько дней тому назад дети играли на своем острове (искусственный остров среди маленького озера). Алексей Николаевич играл с маленьким ружьем, которым очень дорожит, так как это ружье Государь получил от отца, когда был ребенком.

Один из офицеров подошел к нам и предупредил меня, что солдаты решили отнять у Цесаревича его ружье и что они сейчас придут его взять. Услыхав это, Алексей Николаевич положил свою игрушку и подошел к Государыне, сидевшей на лужайке в нескольких шагах от нас. Минуту спустя подошел караульный офицер с двумя солдатами и потребовал, чтобы ему сдали требуемое ими «оружие». Я пытаюсь вступиться в это дело и

объяснить им, что это не ружье, а игрушка. Напрасный труд — они отбирают его. Алексей Николаевич начинает рыдать. Его мать просит меня еще раз попробовать уговорить солдат, но это мне снова не удается, и они уходят со своим трофеем.

Полчаса спустя дежурный офицер отзывает меня в сторону и просит сказать Цесаревичу, что он в отчаянии от того, что ему пришлось сделать. После бесплодных попыток уговорить солдат он предпочел придти с ними сам, во избежание возможности грубых выходок с их стороны.

Полковник Кобылинский[66] остался очень недоволен, узнав об этом происшествии, и по частям вернул ружье Алексею Николаевичу, который им теперь играет только в своей комнате.

Пятница 15 июня. — Мы закончили несколько времени тому назад наш огород, который стал великолепен. У нас есть все решительно овощи и пятьсот кочанов капусты. Служащие тоже разбили огород по другую сторону дворца; они разведут в нем то, что им вздумается. Мы ходили, в том числе и Государь, помочь им пахать землю.

Теперь, когда мы закончили садовые работы и чтобы занять свободное время, мы попросили и получили разрешение срубить сухие деревья в парке. Мы переходим с места на место вместе с караулом. Мы становимся довольно ловкими дровосеками и сделаем таким путем запас дров на будущую зиму.

Пятница 22 июня. — Так как у Великих Княжон после болезни сильно падали волосы, им наголо обрили головы; когда они выходят в сад, то надевают шляпы, сделанные, чтобы скрыть отсутствие волос. В ту минуту, когда я собирался их фотографировать, они по знаку Ольги Николаевны быстро сняли шляпы. Я протестовал, но они настояли, забавляясь мыслью увидеть свои изображения в этом виде и в ожидании возмущенного удивления родителей. Несмотря на все, время от времени их юмор вновь проявляется; это — действие бьющей ключом молодости!

Воскресенье 24 июня. — Дни проходят за днями без всяких перемен, в уроках и прогулках. Государь рассказал мне сегодня забавный случай, нарушившей однообразие нашего заключения.

Вчера вечером он читал вслух в красной зале, где находились Государыня и Великие Княжны. Вдруг около одиннадцати часов входит весьма смущенный лакей и докладывает, что начальник караула желает быть немедленно принятым Государем. Думая, что дело идет об очень важных событиях в Петрограде, — ждали вооруженного выступления большевиков против Временного правительства, — Государь приказывает немедленно пригласить начальника караула войти. Входит офицер в сопровождении двух

унтер-офицеров. Он объясняет, что вызван выстрелом часового, заметившего красные и зеленые сигналы, подаваемые из окон комнаты, занимаемой Царскою Семьей. Общее полнейшее недоумение! Какие сигналы? Что это все означает? Страшное волнение Государыни и Великих Княжон. Офицер приказывает наглухо закрыть шторы, — стоит удушливая жара, — и собирается уходить. В это время выступает вперед сопровождающий его унтер-офицер и разъясняет загадку. Великая Княжна Анастасия Николаевна вышивала, сидя на подоконнике. Нагибаясь к столу, чтобы брать со стола нужные ей для работы вещи, она то загораживала, то открывала свет двух ламп с красным и зеленым абажурами, при которых читал Государь. Сконфуженный офицер удаляется.

Понедельник 2 июля. — Мы узнаем, что в районе Тернополя началось наступление, которое развертывается с успехом.

Вторник 3 июля. — Молебен по случаю военных событий, предвещающих, как кажется, большую победу. Государь, сияющий, приносит Алексею Николаевичу вечерние газеты и читает ему официальные сообщения.

Четверг 12 июля. — Новости с фронта не хороши. Столь счастливо начавшееся наступление обращается в неуспех для русских.

Воскресенье 15 июля. — Ничего нового в нашем заключении. Единственное развлечение составляют прогулки. Очень жарко, Алексей Николаевич уже несколько дней купается в пруду, среди которого находится детский островок. Это большая радость для него.

Среда 20 июля. — Неуспех на фронте принимает все более и более значительные размеры. Выясняется отступление. Государь очень этим огорчен.

Четверг 9 августа. — Я узнал, что Временное правительство решило перевезти Царскую Семью. Место назначения держится в тайне. Мы все надеемся, что это будет Крым.

Суббота 11 августа. — Нам дали знать, что мы должны захватить теплую одежду. Значит, нас направляют не на юг. Крупное разочарование.

Воскресенье 12 августа (30 июля ст. ст.) — День рождения Алексея Николаевича (тринадцать лет). По просьбе Государыни приносили к обедне из Знаменской церкви чудотворную икону Божией Матери. Наш отъезд назначен на завтра. Полковник Кобылинский под большим секретом передал мне, что нас переселяют в Тобольск.

Понедельник 13 августа. — Нам пришли сказать, что мы должны быть готовы к полуночи; поезд заказан в час ночи.

Последние приготовления. Прощальное посещение детского острова, огорода и т. д. К часу ночи все собираются в полукруглой зале, заваленной багажом. Великий Князь Михаил Александрович приезжал с Керенским и имел свидание с Государем, который был счастлив увидать брата перед отъездом.

Поезд, который должен нас увезти, еще не подошел. Оказывается, есть какие-то трения с петроградскими железнодорожниками, которые подозревают, что он предназначается для Царской Семьи. Часы проходят в ожидании, которое становится все более утомительным. Сможем ли мы уехать? Начинают в этом сомневаться (этот случай показывает бессилие правительства). Наконец около пяти часов утра нам объявляют, что все готово. Мы прощаемся с теми из сотоварищей по заключению, которые не могут ехать с нами.[67] Сердце сжимается при мысли покинуть Царское Село, с которым связано столько воспоминаний, и этот отъезд в неизвестность полон тяжелой грусти. При выезде из парка наши автомобили окружает отряд кавалерии, сопровождающий нас до маленькой станции Александровки. Мы размещаемся в вагонах, которые очень удобно обставлены. Через полчаса поезд медленно двигается в путь. Было без десяти шесть утра.

Глава XIX. Наше заключение в Тобольске (август-декабрь 1917 г.)

Какие причины побудили совет министров перевезти Царскую Семью в Тобольск? Этот вопрос трудно разрешить. Когда Керенский объявил об этом перемещении Государю, то он объяснил его необходимость тем, что Временное правительство решило принять энергичные меры против большевиков; это должно было, по его словам, повлечь за собою полосу смуты и вооруженных столкновений, первой жертвой которых могла сделаться Царская Семья; поэтому долг повелевал ему оградить ее от случайностей. С другой стороны, утверждали, что это было проявлением слабости по отношению к крайним левым, которые были обеспокоены при виде зарождавшегося в армии движения, благоприятного Государю, — и требовали его ссылки в Сибирь. Как бы то ни было, путешествие Царской Семьи из Царского Села в Тобольск совершилось при хороших условиях и без особых приключений.

Выехав в 6 часов утра 14 августа, мы прибыли 17-го вечером в Тюмень, на ближайшую к Тобольску железнодорожную станцию, и несколько часов спустя сели на пароход «Русь».

На следующий день мы проходили мимо родного села Распутина, и Царская Семья, собравшись на палубе, имела возможность видеть дом «старца», ясно выделявшийся среди изб. В этом для Царской Семьи не было ничего удивительного, потому что Распутин это предсказал. Случай снова, казалось, подтверждал его пророческие слова.

19-го, к концу дня, мы неожиданно увидели за одним из поворотов реки зубчатые очертания господствующего над Тобольском кремля и немного позже прибыли по назначению.

Ввиду того, что дом, в котором мы должны были разместиться, не был готов, мы были принуждены остаться несколько дней на привезшем нас пароходе и только 26 августа водворились в нашем новом месте жительства.

Царская Семья занимала весь верхний этаж просторного и удобного губернаторского дома. Свита жила в доме богатого тобольского купца Корнилова, расположенном через улицу, почти напротив. Охрана состояла из солдат — бывших стрелков императорской фамилии, приехавших с нами из Царского Села. Она находилась под начальством полковника Кобылинского, человека сердечного, который искренно привязался к семье, за которой должен был наблюдать. Он сделал все, что мог, чтобы

смягчить ее участь.

Вначале условия нашего заключения были довольно сходны с царскосельскими. У нас было все необходимое. Тем не менее, Государь и дети страдали от недостатка простора. В самом деле, для своих прогулок они располагали только очень маленьким огородом и двором, который устроили, окружив забором широкую малопроезжую улицу, проходившую на юго-восток от дома. Этого было очень мало, и там приходилось быть на глазах у солдат, казарма которых господствовала над всем отведенным нам пространством. Приближенным и прислуге была, напротив, по крайней мере вначале, предоставлена большая свобода, нежели в Царском Селе, и они могли ходить в город и ближайшие окрестности.

В сентябре приехал в Тобольск присланный Керенским комиссар Панкратов. Его сопровождал его помощник Никольский, бывший, как и он сам, политическим ссыльным. Панкратов был человек довольно образованный, мягкий тип сектанта-фанатика. Он произвел на Государя хорошее впечатление и впоследствии полюбил детей. Но Никольский был настоящее животное, деятельность которого оказалась в высшей степени пагубной. Ограниченный и упрямый, он ежедневно изощрялся в измышлении новых оскорбительных притеснений. С самого своего приезда он потребовал от полковника Кобылинского, чтобы нас заставили сняться. Когда последний ему возразил, что это излишне, так как все солдаты нас знали, — они были те же, которые караулили нас в Царском Селе, — он ему ответил: «Прежде нас принуждали сниматься, теперь их черед». Пришлось пройти через это, и с тех пор у нас были удостоверения личности за номерами, снабженные фотографиями.

Церковные службы происходили сперва в доме, в большой зале верхнего этажа. Священнику церкви Благовещения, дьякону и четырем монахиням Ивановского монастыря было разрешено приходить для служения. Но за отсутствием антиминса было невозможно служить обедню. Это было большим лишением для семьи. Наконец 21 сентября н. с, по случаю праздника Рождества Богородицы, всем узникам было впервые разрешено пойти в церковь. Это было большой радостью для них, но подобное утешение они получали впоследствии лишь очень редко.

В эти дни все вставали очень рано и, когда были в сборе во дворе, выходили сквозь маленькую калитку, ведущую в общественный сад, через который шли между двух рядов солдат. Мы всегда присутствовали только у ранней обедни и оказывались в едва освещенной церкви почти одни; народу доступ в нее был строжайше запрещен. На пути туда или обратно мне часто

случалось видеть людей, которые крестились или падали на колени при проходе Их Величеств. Вообще, жители Тобольска оставались очень привязаны к Царской Семье, и нашим стражам пришлось много раз не допускать стоять народу под окнами и не позволять снимать шапки и креститься при проходе мимо дома.

Однако наша жизнь понемногу налаживалась, и нам удалось общими силами возобновить обучение Цесаревича и двух младших Великих Княжон. Уроки начинались в девять часов и от одиннадцати до часа прерывались для прогулки, в которой всегда принимал участие Государь. Ввиду того, что не было классной комнаты, ученье происходило либо в большой зале верхнего этажа, либо у Алексея Николаевича, или в моей комнате: я жил внизу, в прежнем кабинете губернатора. В час все собирались к завтраку. Однако Государыня, когда бывала нездорова, завтракала у себя с Алексеем Николаевичем. Около двух часов мы снова выходили на прогулку и гуляли, и играли до четырех часов.

Государь очень страдал от недостатка физических упражнений. Полковник Кобылинский, которому он жаловался на этот счет, приказал привезти березовые бревна и купить пилы и топоры, и мы получили возможность заготовлять дрова, необходимые для кухни печей. Это сделалось одним из больших наших развлечений на чистом воздухе в продолжение нашего заключения в Тобольске, и даже Великие Княжны пристрастились к этому новому спорту.

После чая уроки возобновлялись и оканчивались около шести с половиною. Обедали часом позже, после чего шли наверх в большую залу пить кофе. Мы все были приглашены проводить вечер с Царской Семьей, и для некоторых из нас это сделалось вскоре привычкой. Мы устроили игры и всячески изощрялись найти забавы, способные внести разнообразие в монотонность нашего заключения. Когда начало становиться очень холодно и большая зала сделалась необитаемой, мы нашли себе приют в соседней, единственной действительно уютной комнате дома, служившей гостиной Ее Величеству. Государь часто читал вслух, а Великие Княжны занимались рукодельем или играли с нами. Государыня обыкновенно играла одну или две партии в безиг с генералом Татищевым, а затем также брала какую-нибудь работу или лежала на своей кушетке. В этой мирной семейной обстановке мы проводили долгие зимние вечера, как бы затерянные в беспредельности далекой Сибири.

Одним из наибольших наших лишений во время нашего Тооольского заключения было почти полное отсутствие известий. Письма доходили до нас лишь очень неаккуратно и с большим запозданием, что же касается газет, то мы должны были

довольствоваться жалким местным листкомь, печатавшимся на оберточной бумаге; в нем сообщались нам лишь запоздавшие на несколько дней и всего чаще искаженные и урезанные известия. Между тем Государь с тревогой следил за развернувшимися в России событиями. Он понимал, что страна идет к гибели. Одно время к нему вернулась надежда, когда генерал Корнилов предложил Керенскому идти на Петроград, чтобы покончить с большевистской агитацией, становившейся все более и более угрожающей. Он был глубоко опечален, видя, что Временное правительство отстранило это единственное средство спасения. В нем, он это понимал, заключалась последняя возможность еще, быть может, предотвратить неминуемую катастрофу.

Я тогда в первый раз услышал от Государя выражение сожаления об его отречении. Он принял это решение в надежде, что те, кто пожелал его удаления, окажутся способными привести войну к благополучному окончанию и спасти Россию. Он побоялся, чтобы его сопротивление не послужило поводом к гражданской войне в присутствии неприятеля, и не пожелал, чтобы кровь хотя бы одного русского была пролита за него. Но разве за его уходом не воспоследовало в самом скором времени появление Ленина и его сподвижников, платных наемников Германии, преступная пропаганда которых привела армию к развалу и развратила страну? Он страдал теперь при виде того, что его самоотречение оказалось бесполезным, и что он, руководствуясь лишь благом своей родины, на самом деле оказал ей плохую услугу своим уходом. Эта мысль стала преследовать его все сильнее и впоследствии сделалась для него причиной великих нравственных терзаний.

Около 15 ноября мы узнали, что Временное правительство свергнуто, и что большевики захватили власть в свои руки. Но это происшествие не отозвалось немедленно на нашей жизни и, как мы это увидим, большевики лишь несколько месяцев спустя надумали заняться нами.

Проходили недели за неделями, и доходившие до нас известия становились все хуже и хуже. Нам, однако, было очень трудно следить за событиями и уяснить себе их значение, так как данные, которыми мы располагали, не позволяли нам ни понимать причины, ни учитывать их последствия. Мы были так далеко и до такой степени отрезаны от всего мира! И если нам удавалось еще знать приблизительно, что происходило в России, мы были в почти полном неведении о Европе.

Между тем большевистские учения начали проявлять свое разлагающее действие в отряде, который нас охранял и который до того времени довольно хорошо устоял против них. Состав его

был чрезвычайно разнообразный: большинство солдат 1-го и 4-го полков было хорошо расположено к Царской Семье и в особенности к детям. Великие княжны любили с простотой, составлявшей их прелесть, говорить с этими людьми, у которых — они это чувствовали — душа лежала, как и у них, к прошлому. Великие княжны расспрашивали солдат об их семьях, деревнях или о боях, в которых они участвовали во время войны. Алексей Николаевич, который остался для них Наследником, тоже покорил их сердца, и они всячески старались сделать ему удовольствие и доставить ему развлечение. Взвод 4-го полка, состоявший почти исключительно из солдат старших призывных возрастов, особенно отличался в этом отношении, и Царская Семья всегда радовалась, когда приходила очередь этих славных людей. В эти дни Государь и дети отправлялись тайком в караульное помещение, и они разговаривали или играли в шашки с солдатами, причем ни разу ни один из них не проявил ни малейшей вольности в обращении. Однажды их застал там комиссар Панкратов, который в изумлении остановился на пороге, наблюдая сквозь свои очки это неожиданное зрелище. Видя его недоумение, Государь сделал ему знак присесть к столу. Но комиссар чувствовал себя, очевидно, не на своем месте: он пробормотал несколько невнятных слов и, повернувшись на каблуках, удалился в полном смущении.

Как я выше упомянул, Панкратов был сектантом, насквозь пропитанным гуманитарными началами; он не был дурным человеком. С самого своего приезда он устроил занятия с солдатами, вводя их в круг либеральных учений и прилагая все усилия к тому, чтобы развить в них патриотизм и гражданственность. Но его усилия обратились против него. Будучи убежденным противником большевиков, он в действительности лишь подготовил им почву и, не отдавая себе в том отчета, содействовал успеху их идей. Ему пришлось, как мы это увидим, стать первою их жертвой.

Солдаты 2-го полка с самого начала отличались своим революционным духом; уже в Царском Селе они причинили заключенным множество докучливых неприятностей. Большевистский переворот усилил их власть и дерзость. Им удалось добиться образования «солдатского комитета», стремившегося к тому, чтобы внести в распорядок нашей жизни новые ограничения и понемногу заменить своею властью власть полковника Кобылинского. Мы получили доказательство недоброжелательства комитета, когда приехала баронесса Буксгевден (в конце декабря старого стиля). Она разделяла наше заключение в Царском Селе, и лишь состояние ее здоровья

помешало ей уехать вместе с нами. Едва оправившись, она с разрешения Керенского снова приехала к Ее Величеству. Солдатский комитет наотрез отказался допустить ее в дом, и она должна была жить в городе. Это было большим огорчением для Государыни и для всего семейства, ожидавшего ее приезда с большим нетерпением.

Так мы дожили до Рождества. Государыня и Великие Княжны в течение долгого времени собственноручно готовили по подарку для каждого из нас и из прислуги. Ее Величество раздала несколько шерстяных жилетов, которые сама связала: она старалась таким образом выразить трогательным вниманием свою благодарность тем, кто остался им верен.

24 декабря старого стиля священник пришел служить всенощную на дом; все собрались затем в большой зале, и детям доставило большую радость преподнести предназначенные нам «сюрпризы». Мы чувствовали, что представляем из себя одну большую семью; все старались забыть переживаемые горести и заботы, чтобы иметь возможность без задних мыслей, в полном сердечном общении наслаждаться этими минутами спокойствия и духовной близости.

На следующий день, в Рождество, мы отправились в церковь. По приказанию священника дьякон провозгласил многолетие Царской Семье. Это была неосторожность, которая могла повлечь за собой меры воздействия. Солдаты потребовали, угрожая ему смертью, удаления священника. Этот случай омрачил приятное воспоминание, которое могло остаться от этого дня. Он вызвал также новые оскорбительные стеснения по отношению к нам, и наблюдение за нами сделалось еще более строгим.

Глава XX. Конец нашего тобольского заключения (январь-май 1918 г.)

Начиная с 1/14 января я стал снова вести свой дневник, который оставил во время нашего перевода в Тобольск, и дам здесь несколько выдержек из него, как я это делал, описывая наше царскосельское заключение.

Понедельник 14 января (1 января ст. ст). — Мы ходили сегодня утром в церковь; служил в первый раз новый священник. Что касается отца Васильева, виновника происшествия, упомянутого в предыдущей главе, то он сослан архиепископом Гермогеном в Абалатский монастырь.

Среда 16 января. — В два часа дня собрался солдатский комитет нашего гарнизона. Он решил большинством 100 голосов против 85 уничтожить офицерские и солдатские погоны.

Четверг 17 января. — Полковник Кобылинский пришел сегодня в штатском — до такой степени ему претит носить офицерскую форму без погон.

Пятница 18 января. — В три часа пришли священника и певчие.[68] Сегодня водосвятие, и новый священник в первый раз служит в нашемь доме. Когда Алексей Николаевич приложился вслед за другими ко кресту, священник нагнулся и поцеловал его в лоб. После обедни генерал Татищев и князь Долгоруков подошли к Государю и стали умолять его снять погоны во избежание бурных выпадов со стороны солдат. У Государя чувствуется движение протеста, затемъ он обменивается взглядом и несколькими словами с Государыней, овладевает, наконец, собой и покоряется ради своих близких.

Суббота 17 января. — Мы ходили сегодня утром в церковь. Государь надел свою теплую черкеску, которая носится без погон, а Алексей Николаевич спрятал свои погоны под башлык. Государыня сказала мне сегодня, что Государь и она приглашают меня впредь пить с ними вечерний чай, когда я буду себя чувствовать не слишком утомленным своими уроками.[69] Поэтому, когда в 10 часов Великие Княжны удалились в свои комнаты, я не ушел к себе (Алексей Николаевич всегда ложился в 9 часов).

Понедельник 25 января (12 января ст. ст). — Сегодня тезоименитство Татьяны Николаевны. Молебен на дому. Прекрасный зимний день, солнечно, 15° мороза по Реомюру. Мы продолжали, как и в предыдущие дни, строить ледяную гору, и солдаты из караула приходили нам помогать.

Среда 30 января. — Сегодня очередь хорошего взвода 4 полка. Государь и дети провели несколько часов с солдатами в караульном помещении.

Суббота 2 февраля. - 23° ниже нуля по Реомюру. Мы с князем Долгоруковым поливали сегодня ледяную гору. Мы принесли тридцать ведер. Было так холодно, что вода замерзала, пока мы ее носили от крана в кухне до горы. Наши ведра и гора «дымились». С завтрашнего дня дети могут кататься с горы.

Понедельник 4 февраля. — Говорят, что градусник показывал сегодня ночью больше 30° мороза по Реомюру (37° по Цельзию). Ужасный ветер. Спальня Великих Княжен — настоящий ледник.

Среда 6 февраля. — Оказывается, что по почину 2 полка солдаты решили, что комиссар Панкратов и его помощник Никольский должны оставить свои должности.

Пятница 8 февраля. — Солдатский комитет сегодня днем постановил заменить Панкратова комиссаром из большевиков, которого выпишут из Москвы. Дело становится все хуже и хуже. Оказывается, что состояние войны между советской Россией с одной стороны и Германией, Австрией и Болгарией с другой — прекратилось. Армия распущена, но мир еще не подписан Лениным и Троцким.

Среда 13 февраля. — Государь объявил мне, что вследствие демобилизации несколько сроков призыва отпущено по домам. Все старые солдаты, самые лучшие, таким образом от нас уйдут. Государь этим, по-видимому, сильно озабочен; эта перемена может иметь для нас очень неприятные последствия.

Пятница 15 февраля. — Некоторые солдаты уже уехали. Они приходили тайком проститься с Государем и Царскою семьей.

За вечерним чаем у Их Величеств генерал Татищев выразил свое удивление при виде того, насколько тесно сплочена и проникнута любовью семейная жизнь Государя, Государыни и их детей. Государь, улыбаясь, взглянул на Государыню:

— Ты слышишь, что сказал только что Татищевь?

Затем с обычной своей добротой, в которой проскальзывала легкая ирония, он добавил:

— Если вы, Татищев, который были моим генерал-адъютантом и имели столько случаев составить себе верное суждение о нас, так мало нас знали, как вы хотите, чтобы мы с Государыней могли обижаться тем, что говорят о нас в газетах?

Среда 20 февраля. — Государь объявил мне, что немцы взяли Ревель, Ровно и проч. и что они продолжают продвигаться по всему фронту. Видно, что он глубоко огорчен.

Понедельник 25 февраля. — Полковник Кобылинский получил телеграмму, извещающую его, что с 1 марта «Николай Романов и

его семейсто должны быть переведены на *солдатский паек*, и что каждый из членов семьи будет получать по 600 рублей в месяц, отчисляемых из процентов с их личного состояния». До настоящего времени все расходы оплачивались государством. Придется, следовательно, вести хазяйство всего дома на 4200 рублей в месяц, раз семья состоит из семи человек.[70]

Вторник 26 февраля. — Ее Величество просила меня помочь ей вести счета и установить бюджет семьи. У нее остаются некоторые сбереженная за счет денег, которые она получала на свои тулеты.

Среда 27 февраля. — Государь, шутя, объявил нам, что раз все назначают комиссии, он тоже назначит комиссию для ведения дел общежития. Она будет состоять из генерала Татищева, князя Долгорукова и меня. Мы «заседали» сегодня днем и пришли к заключению, что надо сократить число прислуги. Это нас огорчает; придется уволить 10 служащих, у многих из которых семьи при них в Тобольске. Когда мы объявили это решение Их Величествам, мы увидели, какое огорчение оно им причиняет: надо будет расстаться со слугами, преданность которых приведет их к нищете.

Пятница 1 марта. — Вступление в силу нового распорядка. С сегодняшнего дня масло и кофе исключаются из нашего стола, как предметы роскоши.

Понедельник 4 марта. — Солдатский комитет решил разрушить ледяную гору, которую мы соорудили (это было такое большое развлечение для детей!), — потому что Государь и Государыня входили на нее, чтобы смотреть оттуда на отъезд солдат 4-го полка. — Ежедневно делаются новые придирки, теперь уже, как в отношении окружающих, так и самой Царской семьи. Уже давно мы не можем выходить иначе, как в сопровождении солдата; вероятно урежут и эту последнюю долю свободы.

Вторник 5 марта. — Солдаты пришли вчера, как злоумышленники — они отлично чувствовали, что делают низость, — чтобы разломать кирками ледяную гору. Дети в отчаяньи.

Пятница 15 марта. — Горожане, осведомленные о нашем положении, доставляют нам различными способами яйца, сласти и печенья.

Воскресенье 17 марта. — Сегодня воскресенье на масленице. Все в полном весельи. Под нашими окнами проезжают туда и обратно сани. Звон колокольцов, бубенчиков, звуки гармоник, песни… Дети грустно смотрят на всех этих веселящихся людей. С некоторого времени они начинают скучать, и их тяготит их

заключение. Они ходят кругом двора, окруженного высоким сплошным забором. С тех пор, как их гора разрушена, их единственное развлечение — пилить и рубить дрова.

Наглость солдат превосходит все, что можно вообразить; ушедших заменили молодыми, у которых самые гнусные замашки.

Их Величества, несмотря на жгучую тревогу, растущую со дня на день, сохраняют надежду, что среди верных им людей найдется несколько человек, которые попытаются их освободить. Никогда еще обстоятельства не были более благоприятны для побега, так как в Тобольске еще нет представителя правительства большевиков. Было бы легко, при соучастии полковника Кобылинского, заранее склоненного в нашу пользу, обмануть наглый и в то же время небрежный надзор наших стражей. Было бы достаточно нескольких энергичных людей, которые действовали бы снаружи по определенному плану и решительно.

Мы неоднократно настаивали перед Государем, чтобы держаться наготове на случай всяких возможностей. Он ставить два условия, которые сильно осложняют дело: он не допускает ни того, чтобы семья была разлучена, ни того, чтобы мы покинули территорию Российской Империи.

Государыня говорила мне однажды по этому поводу:

— Я ни за что на свете не хочу покидать России, так как мне кажется, что, если бы нам пришлось уехать за границу, — это значило бы порвать последнюю нить, связывающую нас с прошлым; мне кажется, что это прошлое погибло бы безвозвратно.

Понедельник 18 марта. — Царская Семья будет по обыкновению говеть на первой неделе поста. Богослужение совершается утром и вечером. Так как певчие не могут приходить ввиду того, что они очень заняты, Императрица и Великие Княжны поют с дьяконом.

Вторник 19 марта. — После завтрака говорили о Брест-Литовском договоре, который только что подписан. Государь высказывался по этому поводу с большою грустью.

— Это такой позор для России и это равносильно самоубийству! Я бы никогда не поверил, что Император Вильгельм и германское правительство могут унизиться до того, чтобы пожать руку этим негодяям, которые предали свою страну. Но я уверен, что это не принесет им счастья; не это спасет их от гибели!

Когда князь Долгоруков несколько времени спустя сказал, что газеты говорят об одном из условий, согласно которому немцы требуют, чтобы Царская семья была передана им целой и

невредимой, Государь воскликнул:

— Если это не предпринято для того, чтобы меня дискредитировать, то это оскорбление для меня!

Государыня добавила вполголоса:

— После того, что они сделали с Государем, я предпочитаю умереть в России, нежели быть спасенною немцами!

Пятница 22 марта. — В девять часов с четвертью, после вечерней службы, все исповедывались: дети, прислуга, свита и, наконец, Их Величества.

Суббота 23 марта. — Мы ходили сегодня в семь с половиною часов в церковь. Приобщались.

Вторник 26 марта. — Отряд в сто с лишком красногвардейцев прибыл в Омск: это первые большевистские солдаты, вступающие в гарнизон Тобольска. У нас отнята последняя возможность побега. Ее Величество сказала мне, однако, что имеет основания думать, что среди этих людей много офицеров, поступивших в красную армию в качестве солдат; она утверждала также, не поясняя, откуда она это знает, что в Тюмени собрано триста офицеров.

Вторник 9 апреля. — Большевистский комиссар, приехавший в Омск с отрядом, потребовал, чтобы его допустили осмотреть дом. Солдаты нашей стражи ему отказали. Полковник Кобылинский очень встревожен и боится столкновения. Меры предосторожности, патрули, усиленные караулы. Мы проводим очень тревожную ночь.

Среда 10 апреля. — Общее собрание нашей стражи, на котором большевистский комиссар предъявил свои полномочия. Он имеет право расстрелять в двадцать четыре часа и без суда всех, кто будет противиться его приказаниям. Его впускают в дом.

Пятница 12 апреля. — Алексей Николаевич остался в постели; со вчерашнего дня он ощущает сильную боль в паху вследствие сделанного им усилия. Он так хорошо чувствовал себя эту зиму! Лишь бы это не было что-нибудь серьезное!

Один из солдат нашего отряда, которого посылали в Москву, вернулся сегодня и передал полковнику Кобылинскому бумагу центрального исполнительного комитета большевиков с приказанием подвергнуть нас еще более строгому режиму. Генерал Татищев, князь Долгоруков и графиня Гердрикова должны быть переведены в наш дом и считаться арестованными. Говорят о скором приезде комиссара с чрезвычайными полномочиями, который привезет отряд солдат.

Суббота 13 апреля. — Все жившие в доме Корнилова: графиня Гендрикова, г-жа Шнейдер, генерал Татищев, князь Долгоруков и мистер Гиббс[71] переехали к нам. Только доктор

Боткин и Деревенко оставлены на свободе. Боли у Алексея Николаевича со вчерашнего дня усилились.

Понедельник 15 апреля. — Алексей Николаевич очень страдал вчера и сегодня. Это один из его сильных припадков гемофилии.

Вторник 16 апреля. — Полковник Кобылинский, караульный офицер и несколько солдат приходили произвести обыск в доме. У Государя отобрали кинжал, который он носил при казачьей форме.

Понедельник 22 апреля. — Московский комиссар приехал сегодня с маленьким отрядом; его фамилия — Яковлев. Он предъявил свои бумаги коменданту и солдатскому комитету. Вечером я пил чай у Их Величеств. Все обеспокоены и ужасно встревожены. В приезде комиссара чувствуется неопределенная, но очень действительная угроза.

Вторник 23 апреля. — В одиннадцать часов приехал комиссар Яковлев. Он осмотрел весь дом, затем прошел к Государю и вместе с ним направился к Алексею Николаевичу, который лежит в постели. Так как ему нельзя было видеть Государыню, которая еще не была готова, он вернулся немного позже со своим помощником и вторично посетил Алексея Николаевича. Он хотел, чтобы и его помощник удостоверился, что ребенок болен. Выходя, он спросил у коменданта, много ли у нас багажа. Не идет ли дело о каком-нибудь отъезде?

Среда 24 апреля. — Мы все ужасно встревожены. У нас чувство, что мы всеми забыты, предоставлены самим себе, во власти этого человека. Неужели возможно, чтобы никто не сделал ни малейшей попытки спасти Царскую семью? Где же, наконец, те, которые остались верными Государю? Зачем они медлят?

Четверг 25 апреля. — Немного ранее трех часов, проходя по коридору, я встретил двух лакеев, которые рыдали. Они сообщили мне, что Яковлев пришел объявить Государю, что его увозят. Что же происходит наконец? Я не посмел подняться наверх, не будучи позван, и возвратился к себе. Минуту спустя Татьяна Николаевна постучала ко мне в дверь. Она была в слезах и сказала, что Ее Величество просит меня к себе. Я следую за ней. Она подтверждает, что Яковлев был послан из Москвы, чтобы увезти Государя, и что отъезд состоится этою ночью.

— Комиссар уверяет, что с Государем не случится ничего дурного и что, если кто-нибудь пожелает его сопровождать, этому не будут противиться. Я не могу отпустить Государя одного. Его хотят, как тогда, разлучить с семьей…[72] Хотят постараться склонить его на что-нибудь дурное, внушая ему беспокойство за жизнь его близких… Царь им необходим; они хорошо чувствуют, что один он воплощает в себе Россию… Вдвоем мы будем сильнее

сопротивляться, и я должна быть рядом с ним в этом испытании… Но мальчик еще так болен… Вдруг произойдет осложнение… Боже мой, какая ужасная пытка!.. В первый раз в жизни я не знаю, что мне делать. Каждый раз, как я бывала должна принять решение, я всегда чувствовала, что оно внушалось мне свыше, а теперь я ничего не чувствую. Но Бог не допустит этого отъезда, он не может, он не должен осуществиться. Я уверена, что этой ночью начнется ледоход…[73]

В разговор вмешалась в эту минуту Татьяна Николаевна:

— Но, мама, если папа все-таки придется уехать, нужно, однако, что-нибудь решить!..

Я поддержал Татьяну Николаевну, говоря, что Алексею Николаевичу лучше и что мы за ним будем очень хорошо ухаживать.

Государыню, видимо, терзали сомнения; она ходила взад и вперед по комнате и продолжала говорить, но обращалась больше к самой себе, нежели к нам. Наконец она подошла ко мне и сказала:

— Да, так лучше; я уеду с Государем; я вверяю вам Алексея…

Через минуту вернулся Государь; Государыня бросилась к нему навстречу со словами:

— Это решено — я поеду с тобой, и с нами поедет Мария.

Государь сказал:

— Хорошо, если ты этого хочешь…

Я спустился к себе, и весь день прошел в приготовлениях. Князь Долгоруков и доктор Боткин, а также Чемадуров (камер-лакей Государя), Анна Демидова (горничная Государыни) и Седнев (лакей Великих Княжон) будут сопровождать Их Величеств. Было решено, что восемь офицеров и солдат нашей стражи тоже отправятся вместе с ними.

(Меню последнего обеда Их Величеств в Тобольске:
12 Апреля 1918 г.
Завтрак
Борщ
Телячьи рубл. котлеты с гарниром
Обед
Печеный картофель с маслом
Окорочек свинины с гарниром)

Семья провела всю вторую половину дня у постели Алексея Николаевича.

Вечером, в 10 1/2 часов, мы пошли наверх пить чай. Государыня сидела на диване, имея рядом с собой двух дочерей. Они так много плакали, что их лица опухли. Все мы скрывали

свои мученья и старались казаться спокойными. У всех нас было чувство, что если кто-нибудь из нас не выдержит, не выдержат и все остальные. Государь и Государыня были серьезны и сосредоточены. Чувствовалось, что они готовы всем пожертвовать, в том числе и жизнью, если Господь, в неисповедимых путях Своих, потребует этого для спасения страны. Никогда они не проявляли по отношению к нам больше доброты и заботливости.

Та великая духовная ясность и поразительная вера, которой они проникнуты, передаются и нам.

В одиннадцать часов с половиной слуги собираются в большой зале. Их Величества и Мария Николаевна прощаются с ними. Государь обнимает и целует всех мужчин, Государыня — всех женщин. Почти все плачут. Их Величества уходят; мы все спускаемся ко мне в комнату.

В три с половиной часа ночи во двор въезжают экипажи. Это ужаснейшие тарантасы.[74] Один только снабжен верхом. Мы находим на заднем дворе немного соломы, которую подстилаем на дно тарантасов. Мы кладем матрац в тот из них, который предназначен Государыне.

В четыре часа мы поднимаемся к Их Величествам, которые выходят в эту минуту из комнаты Алексея Николаевича. Государь, Государыня и Мария Николаевна прощаются с нами. Государыня и Великие Княжны плачут. Государь кажется спокойным и находит ободряющее слово для каждого из нас; он обнимает и целует нас. Государыня, прощаясь, просит меня не сходить вниз и остаться при Алексее Николаевиче. Я отправляюсь к нему, он плачет в своей кровати.

Несколько минут спустя мы слышим грохот экипажей. Великие княжны возвращаются к себе наверх и проходят, рыдая, мимо дверей своего брата.

Суббота 27 апреля. — Кучер, который вез Государыню до первой почтовой станции, привез записку от Марии Николаевны: дороги испорчены, условия путешествия ужасны. Как Императрица будет в состоянии перенести дорогу? Какую жгучую тревогу испытываешь за них!

Воскресенье 28 апреля. — Полковник Кобылинский получил телеграмму с сообщением, что все благополучно приехали в Тюмень в субботу в половине девятого вечера.

В большой зале поставили походную церковь, и священник будет иметь возможность служить обедню, так как есть антиминс.

Вечером пришла вторая телеграмма, отправленная после отъезда из Тюмени: «Едем в хороших условиях. Как здоровье маленького? Господь с вами».

Понедельник 29 апреля. — Дети получили из Тюмени письмо

от Государыни. Путешествие было очень тяжелое. При переправах через реки лошади погружались в воду по грудь. Колеса несколько раз ломались.

Среда 1 мая. — Алексей Николаевич встал. Нагорный перенес его до колесного кресла; его катали на солнце.

Четверг 2 мая. — Все нет известий с тех пор, как они выехали из Тюмени. Где они? Они могли бы уже приехать в Москву во вторник!

Пятница 3 мая. — Полковник Кобылинский получил телеграмму с извещением о том, что путешественники были задержаны в Екатеринбурге. Что же произошло?

Суббота 4 мая. — Печальный канун Пасхи! Все удручены.

Воскресенье 5 мая. — Пасха. Все нет известий.

Вторник 7 мая. — Дети наконец получили письмо из Екатеринбурга, в котором говорится, что все здоровы, но не объясняется, почему остановились в этом городе. Сколько тревоги чувствуется между строк!

Среда 8 мая. — Офицеры и солдаты нашей стражи, сопровождавшие Их Величеств, вернулись из Екатеринбурга. Они рассказывают, что царский поезд был окружен красноармейцами при его приходе в Екатеринбург и что Государь, Государыня и Мария Николаевна заключены в дом Ипатьева,[75] что Долгоруков в тюрьме и что сами они были освобождены лишь после двух дней заключения.

Суббота 11 мая. — Полковник Кобылинский устранен, и мы подчинены тобольскому совету.

Пятница 17 мая. — Солдаты нашей стражи заменены красногвардейцами, присланными из Екатеринбурга комиссаром Родионовым, который приехал за нами. У нас с генералом Татищевым чувство, что мы должны, насколько возможно, задержать наш отъезд; но Великие Княжны так торопятся увидать своих родителей, что у нас нет нравственного права противодействовать их пламенному желанию.

Суббота 18 мая. — Всенощная. Священник и монахини были раздеты и обысканы по приказанию комиссара.

Воскресенье 19 мая (6 мая ст. ст.). — День рождения Государя… Наш отъезд назначен на завтра. Комиссар отказывает священнику в разрешении приходить к нам. Он запрещает Великим Княжнам запирать ночью свои двери.

Понедельник 20 мая. — В половине двенадцатого мы уезжаем из дома и садимся на пароход «Русь». Это тот же пароход, который восемь месяцев тому назад привез нас вместе с Их Величествами. Баронесса Буксгевден получила разрешение уехать вместе с нами и присоединилась к нам. Мы покидаем Тобольск в

пять часов. Комиссар Родионов запирает Алексея Николаевича с Нагорным в его каюте. Мы протестуем: ребенок болен, и доктор должен иметь возможность во всякое время входить к нему.

Среда 22 мая. — Мы приезжаем утром в Тюмень.

Глава XXI. Екатеринбург. Кончина Царской Семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 г

По приезде в Тюмень, 22 мая, мы были немедленно отправлены под сильным караулом к специальному поезду, который должен был нас отвезти в Екатеринбург. Когда я собирался войти в поезд вместе со своим воспитанником, я был отделен от него и посажен в вагон четвертого класса, охраняемый, как и все прочие, часовыми. Мы прибыли в Екатеринбург ночью, и поезд остановился в некотором расстоянии от вокзала.

Утром, около девяти часов, несколько извозчиков стали вдоль нашего поезда, и я увидел каких-то четырех человек, направлявшихся к вагону детей.

Прошло несколько минут, после чего приставленный к Алексею Николаевичу матрос Нагорный прошел мимо моего окна, неся маленького больного на руках; за ним шли Великие Княжны, нагруженные чемоданами и мелкими вещами. Я захотел выйти, но часовой грубо оттолкнул меня в вагон.

Я вернулся к окну. Татьяна Николаевна шла последней, неся свою собачку, и с большим трудом тащила тяжелый коричневый чемодан. Шел дождь, и я видел, как она при каждом шаге вязла в грязи. Нагорный хотел прийти ей на помощь — его с силой оттолкнул один из комиссаров… Несколько мгновений спустя извозчики отъехали, увозя детей по направлению к городу.

Как мало я подозревал, что мне не суждено было снова увидеть детей, при которых я провел столько лет. Я был убежден, что за нами приедут и что мы снова скоро соединимся с ними.

Однако часы проходили. Наш поезд возвратили на вокзал, затем я видел, как проходили генерал Татищев, графиня Гендрикова и г-жа Шнейдер, которых уводили. Немного спустя пришла очередь камер-лакея Государыни Волкова, старшего повара Харитонова, лакея Труппа и маленького четырнадцатилетнего кухонного мальчика Леонида Седнева.

Кроме Волкова, которому удалось позднее убежать, и маленького Седнева, которого пощадили, ни одному из тех, кто был уведен в этот день, не было суждено уйти живым из рук большевиков.

Мы все ждали. Что же, однако, происходило? Почему не приходили и за нами? Мы предавались уже всякого рода

предположениям, когда около 5 часов в наш вагон вошел комиссар Родионов, приезжавший за нами в Тобольск, и объявил нам, что «в нас больше не нуждаются» и что «мы свободны».

Свободны! Как? Нас разлучили с ними? Тогда все кончено?! Возбуждение, которое нас поддерживало до тех пор, сменилось глубоким отчаянием. Что делать? Что предпринять? Мы были подавлены…

Я и сейчас не могу понять, чем руководствовались большевистские комиссары при выборе, который спас нашу жизнь. Зачем было, например, заключать в тюрьму графиню Гендрикову и в то же время оставлять на свободе баронессу Буксгевден, такую же фрейлину Государыни? Почему их, а не нас? Произошла ли путаница в именах и должностях? Неизвестно.

На следующий и в течение еще нескольких дней я ходил со своим коллегой к английскому[76] и шведскому консулам — французский консул был в отсутствии. Надо было во что бы то ни стало попытаться что-нибудь сделать, чтобы прийти на помощь заключенным. Оба консула нас успокоили, говоря, что уже были предприняты шаги, и что они не верят в непосредственную опасность.

Я прошел мимо дома Ипатьева, окна которого были видны из-за окружавшего его дощатого забора. Я еще не потерял всякой надежды в него вернуться, так как доктор Деревенько, которому было дозволено навещать Алексея Николаевича, слышал, как доктор Боткин, от имени Государя, просил начальника стражи, комиссара Авдеева, чтобы мне было разрешено к ним вернуться. Авдеев ответил, что он запросит Москву. Пока мы все, с моими сотоварищами, временно разместились, кроме доктора Деревенько, который взял квартиру в городе, — в привезшем нас вагоне четвертого класса. Нам пришлось остаться в нем больше месяца.

26-го мы получили приказание немедленно покинуть пределы Пермской губернии (в которой находится Екатеринбург) и вернуться в Тобольск. Нам нарочно дали на всех один документ, чтобы принудить нас держаться вместе, для облегчения надзора над нами. Но поезда уже не ходили, противобольшевистское движение русских добровольцев и чехов[77] быстро распространялось, и железнодорожная линия была предоставлена исключительно для воинских эшелонов, которые спешно направлялись на Тюмень. Это была новая отсрочка.

В то время, как я однажды, вместе с доктором Деревенько и мистером Гиббсом, проходил мимо дома Ипатьева, мы заметили

двух стоявших там извозчиков, окруженных многочисленными красногвардейцами. Каково же было наше волнение, когда мы узнали на первом из них лакея Великих Княжен Седнева, сидевшего между двумя стражами. Нагорный подходил ко второму извозчику. Он ступил на подножку, опираясь на крыло пролетки, и, подняв голову, заметил нас трех, стоявших неподвижно в нескольких шагах от него. Он пристально посмотрел на нас в продолжение нескольких секунд и затем, не сделав ни малейшего движения, которое могло бы нас выдать, в свою очередь сел в пролетку. Пролетки отъехали, и мы видели, что они направились по дороге в тюрьму.

Эти два милых малых были, немного спустя, расстреляны: все их преступление состояло в том, что они не могли скрыть своего возмущения, когда увидели, как большевики забирают себе золотую цепочку, на которой висели у кровати больного Алексея Николаевича его образки.

Прошло еще несколько дней, после чего я узнал через доктора Деревенько, что просьба доктора Боткина относительно меня отклонена.

3-го июня наш вагон прицепили к одному из многочисленных поездов с голодающими, приезжавшими из России искать себе продовольствия в Сибири, и мы были направлены на Тюмень, куда прибыли, после многих мытарств, 15-го числа. Несколько часов спустя, я был арестован большевистским штабом, куда был принужден отправиться, чтобы раздобыть необходимые мне и моим сотоварищам пропуски. Лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств, я был вечером отпущен и смог вернуться в вагон, где они меня ожидали. Мы пережили затем несколько невыразимо жутких дней во власти случайностей, которые могли обнаружить наше присутствие. Нас спасло, вероятно, то, что нам удалось пройти незаметно, затерявшись в толпе беженцев, переполнявших тюменский вокзал.

20 июля белые (так называли противобольшевистские войска) завладели Тюменью и освободили нас от этих извергов, жертвой которых мы чуть было не сделались. Несколько дней спустя, газеты воспроизвели расклеенную по улицам Екатеринбурга прокламацию с извещением, «что смертный приговор против бывшего царя Николая Романова приведен в исполнение в ночь с 16 на 17 июля и что Императрица и дети увезены и находятся в верном месте».

Наконец 25 июля пал в свою очередь Екатеринбург. Лишь только сообщение было восстановлено, что потребовало очень долгого времени, так как полотно железной дороги сильно пострадало, мы с мистером Гиббсом бросились на поиски

Царской семьи и наших сотоварищей, оставшихся в Екатеринбурге.

Через день после моего приезда я в первый раз проник в дом Ипатова. Я обошел комнаты верхнего этажа, служившие им тюрьмой; они были в неописуемом беспорядке. Видно было, что были приняты все меры, чтобы уничтожить всякий след живших в них. Кучи золы были выгребены из печей. В них находилось множество мелких полусгоревших вещей, как то зубные щетки, головные шпильки, пуговицы и т. п., среди которых я нашел ручку головной щетки с заметными еще на побуревшей слоновой кости инициалами Государыни: «А.Ф.» Если правда, что узников вывезли, то их, стало быть, увезли в чем они были, не дав им даже возможности захватить никаких самых необходимых туалетных принадлежностей.

Я заметил затем на стене у одного из окон комнаты Их Величеств любимый знак Государыни «совастику» [Совастика — индийский религиозный символ, состоящий из равностороннего креста, линии которого загнуты влево: если они загнуты вправо, по направлению солнца, знак называется «свастика»], который она приказывала всюду изображать на счастье. Она нарисовала его также карандашом на обоях на высоте кровати, которую занимала, вероятно, она и Алексей Николаевич. Но сколько я ни искал, мне не удалось обнаружить ни малейшего указания, по которому мы могли бы узнать об их участи.

Я спустился затем в нижний этаж, большая часть которого была полуподвальная. С величайшим волнением проник я в комнату, которая, быть может, — я еще имел сомнения — была местом их кончины. Вид этой комнаты был мрачнее всего, что можно изобразить. Свет проникал в нее только через одно, снабженное решеткой, окно на высоте человеческого роста. Стены и пол носили на себе многочисленные следы пуль и штыковых ударов. С первого же взгляда было понятно, что там было совершено гнусное преступление и убито несколько человек. Но кто? Сколько?

Я приходил к мысли, что Государь погиб, и, раз это было так, я не мог допустить, чтобы Государыня его пережила. Я видел, как в Тобольске она бросилась туда, где опасность казалась ей самой сильной, когда комиссар Яковлев явился, чтобы увезти Государя; я видел, как после многочасовых терзаний, в течение которых ее чувства жены и матери отчаянно боролись между собой, она в смертельной тревоге покинула своего больного ребенка, чтобы последовать за мужем, жизни которого грозила, как ей казалось, опасность. Да, это было возможно, они, быть может, погибли оба, став жертвой этих животных. Но дети? Тоже перебиты?! Я не мог

этому поверить. Все мое существо возмущалось при этой мысли. И однако все доказывало, что жертвы были многочисленны. Тогда, что же?..

В следующие дни я продолжал свои изыскания в Екатеринбурге, в окрестностях, в монастыре, везде, где я мог надеяться получить какое бы то ни было указание. Я повидался с отцом Строевым, который последним совершал богослужение в Ипатьевском доме в воскресенье, 14-го, то есть за два дня до страшной ночи. У него, увы, также оставалось очень мало надежды.

Предварительное следствие подвигалось очень медленно. Оно началось при чрезвычайно трудных обстоятельствах, так как между 17 и 25 июля большевистские комиссары имели время уничтожить почти все следы своего преступления. Тотчас же после взятия Екатеринбурга белыми военные власти распорядились поставить стражу вокруг дома Ипатьева, и было приступлено к дознанию, но нити были так искусно запутаны, что разобраться в них становилось очень трудно.

Самым важным показанием было показание нескольких крестьян из села Коптяки, расположенного в 20 верстах к северо-западу от Екатеринбурга. Они пришли заявить, что в ночь с 16 на 17 июля большевики заняли одну из полян в соседнем лесу, и оставались там несколько дней. Они принесли предметы, найденные ими около заброшенной шахты, неподалеку от которой были заметны следы большого костра. Несколько офицеров отправились на указанную лесную поляну и обнаружили еще другие вещи, которые, как и первые, были признаны принадлежавшими Царской семье.

Следствие было поручено члену Екатеринбургского окружного суда Ивану Александровичу Сергееву. Оно протекало нормально, но трудности были значительны. Сергеев все больше и больше склонялся в мысли о гибели всех членов семьи. Но тел обнаружить не удавалось и показания известного числа свидетелей поддерживали предположение о перевозке Государыни и детей. Эти показания, — как было установлено впоследствии, — исходили от агентов большевиков, оставленных ими нарочно в Екатеринбурге, чтобы запутать расследование. Их цель была отчасти достигнута, так как Сергеев потерял драгоценное время и долго не замечал, что идет по ложному пути.

Проходили целые недели, не принося с собой новых данных. Я решился тогда возвратиться в Тюмень вследствие крайней дороговизны жизни в Екатеринбурге. Перед отъездом я получил, однако, обещание от Сергеева, что он меня вызовет, если в ходе

предварительного следствия произойдет сколько-нибудь важное обстоятельство.

В конце января 1919 года я получил телеграмму от генерала Жанена, которого знал в Могилеве в бытность его начальником французской военной миссии при Ставке. Он приглашал меня приехать к нему в Омск. Несколько дней спустя, я покинул Тюмень и 13 февраля приехал во французскую военную миссию при Омском правительстве.[78]

Отдавая себе отчет в исторической важности следствия, производившегося об исчезновении Царской семьи, и желая знать его результаты, адмирал Колчак поручил в январе генералу Дитерихсу привезти ему в Екатеринбург следственное производство, а также все найденные вещи. 5 февраля он вызвал следователя по особо важным делам Николая Алексеевича Соколова и предложил ему ознакомиться с расследованием. Два дня спустя, министр юстиции Старынкевич поручил ему продолжать дело, начатое Сергеевым.

Тут я познакомился с г. Соколовым. С первого нашего свидания я понял, что убеждение его составлено, и у него не остается никакой надежды. Что касается меня, то я еще не мог поверить такому ужасу.

— Но дети, дети! — кричал я ему.

— Дети разделили судьбу родителей. У меня по этому поводу нет и тени сомнения.

— Но тела?

— Надо искать на поляне — там мы найдем ключ от этой тайны, так как большевики провели там *три дня и три ночи* не для того, чтобы просто сжечь кое-какую одежду.

Увы, заключения следователя не замедлили найти себе подтверждение в показании одного из главных убийц — Павла Медведева, которого незадолго перед тем взяли в плен в Перми. Ввиду того, что Соколов был в Омске, его допрашивал 25 февраля в Екатеринбурге Сергеев. Он признал совершенно точно, что Государь, Государыня и пять детей, доктор Боткин и трое прислуг были убиты в подвальном этаже дома Ипатьева в течение ночи с 16 на 17 июля. Но он не мог или не хотел дать никаких указаний относительно того, что сделали с телами после убийства.

Я в продолжение нескольких дней работал с Соколовым; затем он уехал в Екатеринбург, чтобы продолжать на месте следствие, начатое Сергеевым.

В апреле к нему присоединился и стал ему помогать генерал Дитерихс, вернувшийся из Владивостока, куда его посылал со специальным поручением адмирал Колчак. С этого времени следствие стало быстро подвигаться вперед. Были допрошены

сотни людей, и лишь только сошел снег, на поляне, где крестьяне села Коптяки нашли вещи, принадлежавшие Царской семье, были предприняты обширные работы. Колодезь шахты был расчищен и осмотрен до дна. Пепел и земля с части поляны были просеяны сквозь сито и вся окружающая местность тщательно осмотрена. Удалось установить местоположение двух больших костров и неясные следы третьего… Эти систематические изыскания не замедлили привести к открытиям чрезвычайной важности.

Посвятив себя целиком предпринятому делу и проявляя неутомимое терпение и самоотвержение, Соколов в несколько месяцев восстановил с замечательной стройностью все обстоятельства преступления.

Глава XXII. Обстоятельства преступления, установленные следствием

На последующих страницах я изложу обстоятельства убийства Царской Семьи в том виде, в каком они вытекают из показаний свидетелей и данных следствия. Из шести объемистых томов рукописного материала, в которых заключается следствие, я извлек существенные обстоятельства этой драмы, по поводу которой, увы, не остается никаких сомнений. Впечатление, испытываемое при чтении этих документов, походит на отвратительный кошмар, но я не считаю себя вправе смягчать его ужаса.

Около половины апреля 1918 года председатель московского центрального исполнительного комитета Янкель Свердлов, уступая давлению Германии,[79] послал в Тобольск комиссара Яковлева, чтобы перевезти Царскую Семью. Этот последний получил приказание доставить ее в Москву или в Петроград. Он встретил, однако, при исполнении своего поручения противодействие, которое пытался преодолеть, как это установлено следствием. Это противодействие было организовано уральским областным правительством, местом пребывания которого был Екатеринбург. Это правительство без ведома Яковлева приготовило западню, при помощи которой оно хотело завладеть особой Государя при его проезде. Но представляется установленным, что этот проект получил тайное одобрение Москвы. В самом деле, более чем правдоподобно, что Свердлов сыграл двойную игру и что, притворно подчиняясь в Москве настояниям барона Мирбаха, он вошел с екатеринбургскими комиссарами в соглашение не выпускать Царя из своих рук. Как бы то ни было, водворение Государя в Екатеринбурге было неожиданно. Купец Ипатьев был в два дня выселен из своего дома, и было предпринято возведение прочной дощатой ограды, доходившей до верха окон второго этажа.

Туда были привезены 30 апреля Государь, Государыня, Великая Княжна Мария Николаевна, доктор Боткин и сопровождавшие их трое слуг: горничная Государыни Анна Демидова, камердинер Государя Чемадуров и лакей Великих Княжон Седнев.

Вначале стража состояла из солдат, которых брали случайно и которые часто менялись. Позднее в ее состав вошли

исключительно рабочие завода Сиссерта и фабрики братьев Злоказовых. Во главе ее стоял комиссар Авдеев, комендант «дома особого назначения» — так именовался дом Ипатьева.

Условия жизни узников были гораздо тяжелее, нежели в Тобольске. Авдеев был закоренелый пьяница, дававший волю своим грубым наклонностям; он ежедневно изощрялся вместе со своими подчиненными в измышлении новых унижений для заключенных. Приходилось мириться с лишениями, переносить издевательства и подчиняться требованиям и капризам этих грубых и низких тварей.

Цесаревич и его три сестры были немедленно после их приезда в Екатеринбург, 23 мая, привезены в дом Ипатьева, где их ждали родители. После мучительной разлуки это воссоединение было громадной радостью, несмотря на тягостность положения в настоящем и грозную неизвестность в будущем.

Несколько часов спустя туда же был доставлен старый повар Харитонов, лакей Трупп и маленький поваренок Леонид Седнев. Генерал Татищев, графиня Гендрикова, г-жа Шнейдер и камер-лакей Государыни Волков были прямо отправлены в тюрьму.

Чемадуров, заболевший 24-го, был переведен в тюремную больницу; его там забыли, и благодаря этому он чудом избег смерти. Через несколько дней увезли в свою очередь Нагорного и Седнева.

Число тех немногих людей, которых оставили при заключенных, быстро уменьшалось. По счастью, при них оставался доктор Боткин, преданность которого была изумительна, и несколько слуг испытанной верности: Анна Демидова, Харитонов, Трупп и маленький Леонид Седнев. В эти мучительные дни присутствие доктора Боткина послужило большой поддержкой для узников; он окружил их своей заботой, служил посредником между ними и комиссарами и приложил все усилия, чтобы защитить их от грубости стражи.

Государь, Государыня и Цесаревич занимали комнату, выходившую углом на площадь и на Вознесенский переулок. Четыре великих княжны — соседнюю комнату, дверь в которую была снята; первые ночи они провели, не имея кроватей, на полу. Доктор Боткин спал в гостиной, а горничная Государыни в комнате, находившейся на углу Вознесенского переулка и сада. Что касается прочих узников, то они были помещены в кухне и смежной с нею зале.

Состояние здоровья Алексея Николаевича ухудшилось вследствие утомления от путешествия; он лежал большую часть дня, и когда выходили на прогулку, его носил до сада Государь.

Семья и прислуга завтракала и обедала вместе с

комиссарами, поместившимися в том же этаже; Царская Семья жила, таким образом, в постоянном общении с этими грубыми людьми, которые чаще всего бывали пьяны.

Дом был обнесен двойной дощатой оградой; он сделался настоящей крепостью-тюрьмой. Внутри и снаружи были посты часовых, в самом здании и в саду стояли пулеметы. Комната комиссара, первая при входе, была занята комиссаром Авдеевым, его помощником Мошкиным и несколькими рабочими. Остальная стража жила в подвальном этаже, но солдаты часто подымались наверх и проникали, когда заблагорассудится, в комнаты, где жила Царская Семья.

Однако вера очень сильно поддерживала мужество заключенных. Они сохранили в себе ту чудесную веру, которая уже в Тобольске вызывала удивление окружающих и давала им столько сил и столько ясности в страданиях. Они уже почти порвали со здешним миром. Государыня и Великие Княжны часто пели церковные молитвы, которые против воли смущали их караул.

Во всяком случае, стражи понемногу смягчились в общении с заключенными. Они были удивлены их простотой, их привлекала к себе их кротость, их покорила полная достоинства душевная ясность, и они вскоре почувствовали превосходство тех, которых думали держать в своей власти. Даже сам пьяница Авдеев оказался обезоруженным таким величием духа; он почувствовал свою низость. Глубокое сострадание сменило у этих людей первоначальную жестокость.

Екатеринбургские советские власти состояли:

а) из «уральского областного совета», в котором было тридцать приблизительно членов под председательством комиссара Белобородова;

б) из «президиума», представлявшего из себя своего рода исполнительный комитет из нескольких членов: Белобородова, Голощекина, Сыромолотова, Сафарова, Войкова и т. д.;

в) из «чрезвычайки» (народное наименование чрезвычайной комиссии для борьбы с контрреволюцией и спекуляцией), центр которой находился в Москве и имел сеть отделов по всей России. Чрезвычайка представляет из себя мощную организацию, которая является основой советского строя. Каждый отдел получает приказания непосредственно из Москвы и приводит их в исполнение собственными средствами. Всякая сколько-нибудь важная чрезвычайка имеет в своем распоряжении отряд, состоящий из отпетых людей — всего чаще австро-германских пленных, латышей, китайцев и т. д., которые в действительности — лишь щедро оплачиваемые палачи.

В Екатеринбурге чрезвычайка пользовалась всемогуществом, ее наиболее влиятельными членами были комиссары Юровский, Голошекин и т. д.

Авдеев состоял под непосредственным контролем прочих комиссаров, членов «президиума» и «чрезвычайки». Они не замедлили дать себе отчет в перемене, которая произошла в настроении стражи по отношению к заключенным, и постановили принять решительные меры. В Москве тоже беспокоились, как это доказывает следующая телеграмма, посланная Белобородовым из Екатеринбурга Свердлову и Голощекину, находившемуся тогда в Москве:

> «Сыромолотов только что выехал в Москву, чтобы устроить дело согласно указаниям центра. Опасения неосновательны. Напрасно беспокоитесь. Авдеев устранен. Мошкин арестован. Авдеев заменен Юровским. Внутренняя стража переменена, ее заменили другие».

Это телеграмма от 4 июля.

В этот день, действительно, Авдеев и его помощник Мошкин были арестованы и заменены комиссаром Юровским, евреем, и его помощником Никулиным. Стража, состоявшая, как было сказано, исключительно из русских рабочих, была перемещена в один из соседних домов, в дом Попова.

Юровский привез с собой 10 человек, которые почти все были австро-германскими пленными и выбраны из числа палачей «чрезвычайки». Начиная с этого дня они заняли внутренние посты; наружные посты продолжали выставляться русской стражей.

«Дом особого назначения» сделался отделением чрезвычайки, и жизнь заключенных превратилась в сплошное мученичество.

В это время убийство Царской Семьи уже было решено в Москве: это доказывает вышеприведенная телеграмма. Сыромолотов уехал в Москву, «чтобы организовать дело согласно указаниям центра»… Он вернулся с Голошекиным и привез инструкции и директивы Свердлова. Юровский тем временем принимал свои меры. Он несколько дней подряд выезжал верхом и разъезжал по окрестностям в поисках места, удобного для его намерений, где он мог бы предать уничтожению тела своих жертв. И этот же человек, цинизм которого превосходил все, что можно вообразить, являлся потом навещать Цесаревича в его постели.

Прошло несколько дней; Голощекин и Сыромолотов вернулись, все было готово.

В воскресенье 14 июля Юровский приказал позвать

священника, отца Строева, и разрешил совершить богослужение. Узники — уже приговоренные к смерти, и им нельзя отказать в помощи религии.

На следующий день он приказал увести маленького Леонида Седнева в дом Попова, где находилась русская стража.

16-го, около 7 часов утра, он приказал Павлу Медведеву, которому всецело доверял и который стоял во главе русских рабочих, принести ему двенадцать револьверов системы «Нагана», которые имелись у русской стражи. Когда это приказание было исполнено, он объявил ему, что вся Царская Семья будет казнена в ту же ночь, и поручил сообщить об этом русской страже. Медведев сделал это около 10 часов.

Немного спустя Юровский проник в комнаты, занимаемые членами Царской Семьи, разбудил их и всех, живших с ними, и велел им приготовиться следовать за ним. Предлогом он выставил то, что должен их увезти, потому что в городе мятежи, и что пока они будут в большей безопасности в нижнем этаже.

Все в скором времени готовы и, забрав с собой несколько мелких вещей и подушки, спускаются по внутренней лестнице, ведущей во двор, через который входят в комнаты нижнего этажа. Юровский идет впереди с Никулиным, за ними следует Государь с Алексеем Николаевичем на руках, Государыня, Великие Княжны, доктор Боткин, Анна Демидова, Харитонов и Трупп.

Узники остановились в комнате, указанной им Юровским. Они были уверены, что пошли за экипажами или автомобилями, которые должны их увезти, и ввиду того, что ожидание продолжалось долго, потребовали стульев. Их принесли три. Цесаревич, который не мог стоять из-за своей больной ноги, сел посреди комнаты. Царь сел слева от него, д-р Боткин стоял справа, немного позади. Государыня села у стены (справа от двери, через которую они вошли), неподалеку от окна. На ее стул, так же как и на стул Цесаревича, положили подушку. Сзади нее находилась одна из ее дочерей, вероятно, Татьяна. В углу комнаты, с той же стороны, стояла Анна Демидова, у которой оставались в руках две подушки. Три остальные Великие Княжны прислонились к стене в глубине комнаты; по правую руку от них, в углу, находились Харитонов и старый Трупп.

Ожидание продолжается. Внезапно в комнату возвращается Юровский с семью австро-германцами и двумя своими друзьями, комиссарами Ермаковым и Вагановым, заправскими палачами чрезвычайки. С ними находится Медведев. Юровский подходит и говорит Государю: «Ваши хотели вас спасти, но это им не удалось, и мы принуждены вас казнить». Он тотчас поднимает револьвер и стреляет в упор в Государя, который падает, как сноп. Это сигнал

к залпу. Каждый из убийц выбрал свою жертву. Юровский взял на себя Государя и Цесаревича. Для большинства заключенных смерть наступила почти немедленно, однако Алексей Николаевич слабо застонал. Юровский прикончил его выстрелом из револьвера. Анастасия Николаевна была только ранена и при приближении убийц стала кричать; она падает под ударами штыков. Анна Демидова тоже уцелела — благодаря подушкам, за которыми пряталась. Она бросается из стороны в сторону и наконец в свою очередь падает под ударами убийц.

Показания свидетелей позволили следствию восстановить во всех подробностях ужасающую сцену избиения. Этими свидетелями являются: один из убийц — Павел Медведев,[80] Анатолий Якимов, присутствовавший несомненно при убийстве, хотя он это отрицает, и Филипп Проскуряков, рассказавший о преступлении со слов других зрителей. Они все трое входили в состав стражи дома Ипатьева.

Когда все было кончено, комиссары сняли с жертв их драгоценности, и тела были перенесены на простынях при помощи оглобель от саней до грузового автомобиля, ожидавшего у ворот двора между двумя дощатыми оградами.

Приходилось торопиться до восхода солнца. Автомобиль с телами проехал через еще спавший город и направился к лесу. Комиссар Ваганов ехал впереди верхом, так как надо было избегать встреч. Когда уже стали приближаться к лесной поляне, на которую направлялись, он увидел ехавшую ему навстречу крестьянскую телегу. Это была баба из села Коптяки, выехавшая ночью со своим сыном и невесткой для продажи в городе своей рыбы. Он немедленно приказал им повернуть обратно и вернуться домой. Для большей верности, сопровождая их верхом, он ехал рядом с телегой и запретил им под страхом смерти оборачиваться и смотреть назад. Все же крестьянка успела мельком увидеть большую темную массу, двигавшуюся позади всадника. Вернувшись в деревню, она рассказала о том, что видела. Под влиянием любопытства крестьяне отправились на разведку и натолкнулись на цепь часовых, расставленных в лесу.

Между тем после больших затруднений, так как дорога была очень плоха, грузовик доехал до лесной поляны. Трупы были сложены на землю и частью раздеты. Тут комиссары обнаружили большое количество драгоценностей, которые Великие Княжны носили спрятанными под своей одеждой. Они тотчас ими завладели, но в спешке уронили несколько вещей на землю, где их затоптали. Трупы были затем разрезаны на части и положены

на большие костры. Для усиления огня в них подлили бензина. Части, наименее поддающиеся огню, были уничтожены при помощи серной кислоты. В течение трех дней и трех ночей убийцы делали свою разрушительную работу под руководством Юровского и двух его друзей — Ермакова и Ваганова. Из города на поляну было привезено 175 килограммов серной кислоты и более 300 литров бензина.

Наконец 20 июля все было кончено. Убийцы уничтожили следы костров, и пепел был сброшен в отверстие шахты или разбросан вблизи опушки, дабы ничто не обнаружило того, что произошло.

Зачем эти люди так старались замести всякие следы содеянного ими? Зачем они прячутся, как преступники, раз они утверждают, что творят дело правосудия, и от кого они прячутся?

Нам это объясняет в своем показании Павел Медведев. После преступления Юровский подошел к нему и сказал: «Оставь на месте наружные посты, а то как бы народ не взбунтовался». И в следующие дни часовые продолжали охранять пустой дом, как будто ничего не произошло, как будто за оградой все еще находились узники.

Тот, кого надо было обмануть, кто не должен был знать — был *русский народ*.

Это доказывается другим обстоятельством — уводом из предосторожности 4 июля Авдеева и удалением русской стражи. Комиссары уже не доверяли тем рабочим заводов Сиссерта и фабрики братьев Злоказовых, которые, однако, были их сторонниками и явились добровольно записаться в стражу, чтобы «сторожить Николая Кровавого». Дело в том, что они знали, что одни иностранцы и наемные палачи согласятся выполнить гнусное дело, которое им предложат сделать. Этими палачами были: еврей Юровский, русские каторжане Медведев, Никулин, Ермаков и Ваганов, а также семь немцев и австрияков.

Да, они прячутся именно от русского народа, эти люди, выдающие себя за его представителей! Его они боятся; его мести они опасаются.

Наконец, 20 июля, они решились говорить и объявить народу в расклеенной на улицах Екатеринбурга прокламации о кончине Царя. Пять дней спустя, пермские газеты опубликовали следующее извещение:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

президиума Уральского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов:

Ввиду того что чехо-словацкие банды угрожают столице красного Урала, Екатеринбургу; ввиду того, что коронованный палач может избежать суда народа (только что обнаружен заговор белогвардейцев, имевший целью похищение всей семьи Романовых), президиум областного комитета, во исполнение воли народа, постановил: расстрелять бывшего Царя Николая Романова, виновного перед народом в бесчисленных кровавых преступлениях.

Постановление президиума областного совета приведено в исполнение в ночь с 16 на 17 июля.

Семья Романовых перевезена из Екатеринбурга в другое более верное место.

Президиум областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Урала.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

президиума всероссийского центрального исполнительного комитета от 18 июля 1918 г.

Центральный комитет рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов в лице своего председателя одобряет *постановление* президиума Уральского комитета.

Председатель центрального исполнительного комитета

Я. СВЕРДЛОВ.

В этом документе *объявляется* о смертном приговоре, вынесенном якобы Екатеринбургским «президиумом» против Царя Николая II. — Ложь! Преступление, мы это знаем, было решено в Москве Свердловым и его указания были привезены Юровским, Голощекиным и Сыромолотовым.

Свердлов был головою, Юровский — рукою. Оба они были

евреи.

Государь не был ни осужден, ни даже судим — да и кто бы мог его судить? Он был злодейски убит. Что же тогда сказать о Государыне, детях, докторе Боткине и трех слугах, погибших вместе с ними? Но что до того убийцам: они уверены в своей безнаказанности: пули умертвили, пламя истребило, земля прикрыла то, чего огонь не мог уничтожить. Да, они совершенно спокойны — никто из них не станет говорить, ибо они связаны между собой своим гнусным делом. И, казалось, комиссар Войков не без основания мог воскликнуть: «Свет никогда не узнает, что мы с ними сделали!»

Эти люди ошибались.

После нескольких месяцев колебаний следственные власти предприняли систематические изыскания в лесу. Каждая пядь земли была изрыта, ископана, испытана, и вскоре шахта, почва лесной поляны и трава по всей окрестности выдали свою тайну. Сотни предметов и обломков вещей, по большей части затоптанных и втоптанных в землю, были отрыты; их принадлежность была установлена, они были классифицированы следственною властью. Были найдены таким образом среди прочего:

Пряжка от пояса Государя, кусок его фуражки, маленькая рамочка от портрета Государыни, который он всегда носил на себе — самая фотография исчезла, и т. д.

Любимые серьги Государыни (одна разломана), куски ее платья, стекло от ее очков, которое можно узнать по его особой форме и т. д.

Пряжка от пояса Цесаревича, пуговицы и клочки его шинели и т. д.

Множество мелких вещей, принадлежавших Великим Княжнам: обломки их ожерелий, куски их обуви; пуговицы, крючки и застежки.

Шесть металлических корсетных планшеток, *шесть,* — число говорящее само по себе, если вспомнить число жертв: Государыня, четыре Великих Княжны и горничная Государыни Демидова.

Искусственная челюсть доктора Боткина, обломки его пенсне, пуговицы от его одежды и т. д.

Наконец кости и куски обгоревших костей, частью разрушенные кислотой и частью носящие на себе следы режущего орудия или пилы; револьверные пули (те, вероятно, которые остались в трупах) и довольно значительное количество расплавившегося свинца.

Горестное перечисление реликвий, которые не оставляют надежды и свидетельствуют о правде во всей ее жестокости и ужасе! Комиссар ошибался — мир знает теперь про то, что они сделали с ними.

Однако убийцы беспокоились. Агенты, которых они оставили в Екатеринбурге, чтобы замести следы, ставили их в известность о ходе следствия. Они шаг за шагом наблюдали за его успехами. И когда, наконец, они поняли, что правда обнаружится и что весь мир вскоре узнает, что произошло, они испугались и попытались перевалить на других ответственность за свое злодеяние. Они стали тогда обвинять социалистов-революционеров в том, что они виновники преступления и что они хотели таким путем скомпрометировать партию большевиков. В сентябре 1919 года двадцать восемь человек были арестованы ими в Перми и судимы по ложному обвинению в участии в убийстве Царской семьи. Пять из них были присуждены к смерти и казнены.

Эта постыдная комедия свидетельствует еще раз о цинизме этих людей, не усомнившихся предать смерти невинных, чтобы не нести ответственности за одно из величайших в истории преступлений.

Мне остается сказать об Алапаевской трагедии, тесно связанной с Екатеринбургской и повлекшей за собою смерть нескольких других членов Императорской фамилии.

Сестра Государыни, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, Великий Князь Сергий Михайлович, двоюродный брат Государя, князья Иоанн, Константин и Игорь, сыновья Великого Князя Константина Константиновича, и князь Палий, сын Великого Князя Павла Александровича, были арестованы весной и отвезены в маленький городок Алапаевск, расположенный в ста пятидесяти верстах к северу от Екатеринбурга. Монахиня Варвара Яковлева, обычная подруга Великой Княгини, и С. Реме, секретарь Великого Князя Сергия Михайловича, разделяли их заточение. Их содержали под стражей в здании школы.

В ночь с 17 на 18 июля, сутки спустя после Екатеринбургского злодеяния, за ними явились и под предлогом перевозки их в другой город отвезли за двенадцать, приблизительно, верст от Алапаевска. Там они были убиты в лесу. Их тела были брошены в отверстие старой шахты, где их нашли в октябре 1918 года, покрытые землей, которая осыпалась от разрывов ручных гранат, положивших конец мучениям жертв.

Вскрытие обнаружило следы огнестрельных ран на теле Великого Князя Сергия Михайловича, но следствие не могло с

точностью установить, каким образом были умерщвлены прочие жертвы. Вероятно, что они были убиты ударами прикладов.

Это неслыханное по своему зверству злодеяние было делом комиссара Сафарова, члена екатеринбургского «президиума», исполнявшего впрочем лишь приказания Москвы.

Несколько дней после взятия Екатеринбурга, во время приведения в порядок города и погребения убитых, неподалеку от тюрьмы подняли два трупа. На одном из них нашли расписку в получении 80 000 рублей на имя гражданина Долгорукова, и по описаниям свидетелей очень вероятно, что это было тело князя Долгорукова. Что касается другого, есть все основания думать, что оно было телом генерала Татищева.

И тот, и другой умерли, как они это и предвидели, за своего Государя. Генерал Татищев говорил мне однажды в Тобольске: «Я знаю, что я не выйду из этого живым. Я молю только об одном — чтобы меня не разлучили с Государем и дали мне умереть вместе с ним». Он даже не получил этого последнего утешения.

Графиня Гендрикова и г-жа Шнейдер были увезены из Екатеринбурга через несколько дней после убийства Царской семьи и доставлены в Пермь. Там они были расстреляны в ночь с 3 на 4 сентября 1918 года. Их тела были найдены и опознаны в мае 1919 года.

Что касается матроса Нагорного, состоявшего при Алексее Николаевиче, и лакея Ивана Седнева, то они были умерщвлены в окрестностях Екатеринбурга в начале июня 1918 года. Их тела были найдены два месяца спустя на месте их расстрела.

Все, от генерала до простого матроса, без колебаний пожертвовали жизнью и мужественно пошли на смерть, а между тем этому матросу, простому украинскому крестьянину, стоило только сказать одно слово, чтобы спастись: ему достаточно было отречься от своего Государя. Этого слова он не сказал.

Они поступили так потому, что уже давно, в глубине простых и пламенных сердец, обрекли свои жизни в жертву тем, которых любили и которые сумели создать в окружающих столько привязанности, мужества и самоотвержения.

Заключение

Лето 1919 года было отмечено крупными неудачами, которые должны были, несколько месяцев спустя, привести к падению правительства адмирала Колчака. Большевистские войска снова взяли Пермь и угрожали Екатеринбургу. Пришлось оставить неоконченными работы, предпринятые на коптяковской лесной поляне. 12 июля Н. А. Соколов с болью в сердце решился уехать в Омск. Он провел там август, а затем, видя, что положение еще ухудшается, продолжал путь на Читу в то время, как я оставался в Омске.

Несколько дней после его отъезда, во французскую военную миссию явились два русских офицера, говоря, что желают переговорить со мною. Они заявили мне, что генерал Д… имеет мне сделать важное сообщение и просит приехать к нему. Мы сели в ожидавший нас автомобиль, и несколько минут спустя я был у него.

Генерал Д… сообщил мне, что желает мне показать молодого человека, выдающего себя за Цесаревича. Я, действительно, знал, что с некоторых пор в Омске распространился слух, будто Наследник остался в живых. Говорили, что он находится в одном из поселков в Алтае. Мне рассказывали, что население его восторженно встретило, школьники сделали сборы в его пользу, а начальник почтового отделения на коленях поднес ему хлеб-соль. Кроме того, адмирал Колчак получил телеграмму с просьбой прийти на помощь мнимому Цесаревичу. Я отнесся к этим россказням равнодушно.

Опасаясь смуты, которая могла быть вызвана этими обстоятельствами, адмирал приказал доставить «претендента» в Омск, и генерал Д… меня вызвал, полагая, что мое свидетельство установит истину и в корне пресечет нарождающуюся легенду.

Приотворили дверь в соседнюю комнату, и я получил возможность рассмотреть, незаметно для него, молодого человека, который был больше и полнее Цесаревича; на мой взгляда ему было от пятнадцати до шестнадцати лет. Своим матросским костюмом, цветом волос и их прической он издалека очень смутно напоминал Алексея Николаевича. Этим, впрочем, ограничивалось сходство.

Я поделился своими впечатлениями с генералом Д… Молодого человека ввели к нам. Я предложил ему несколько вопросов по-французски — он молчал. И когда стали настаивать, чтобы он мне ответил, он заявил, что понимает все, что я ему говорю, но что у него есть причины говорить только по-русски. Я

обратился тогда к нему на этом языке. Это оказалось столь же бесплодно. Он сослался на то, что решил отвечать только самому адмиралу Колчаку. Так кончилась наша очная ставка.[81]

Случай поставил на моем пути первого из бесчисленных самозванцев, которые, без сомнения, в течение долгих лет будут служить причиной смут и волнений в невежественной и доверчивой среде русских крестьян.

В марте 1920 года я снова встретился с генералом Дитрихсом и Н. А. Соколовым в Харбине, куда они, как и я, попали после крушения правительства адмирала Колчака. Они сильно волновались, так как положение в Манджурии становилось все более и более шатким и можно было с минуты на минуту ожидать, что Восточно-Китайская железная дорога попадет в руки красных. Вокзал и его окрестности кишели большевистскими шпионами. Что делать с следственными документами? Куда спрятать их в верное место? Генерал Дитрихс и Н. А. Соколов обращались к английскому верховному комиссару до его отъезда в Пекин, прося его доставить в Европу реликвии Царской семьи и следственное производство. Он запросил указаний своего правительства. Ответ заставлял себя ждать. Он, наконец, пришел… и был отрицательный!

Тогда я лично обратился к генералу Жанену, чтобы поставить его в известность о положении.[82]

— Я готов, — сказал он мне, — прийти вам на помощь. Я могу это сделать только под своею ответственностью, так как у меня нет времени запросить об этом свое правительство. Но я не хочу, чтобы могли сказать, что французский генерал отказался принять реликвии того, кто был верным союзником Франции. Пусть генерал Дитрихс письменно меня попросит, выражая уверенность в моем согласили; я счел бы сомнение за обиду.

Письмо было послано, и генерал Дитрихс пришел сговориться с генералом Жаненом о способе передачи драгоценных реликвий тому лицу, которое он указывал ему в Европе.

Два дня спустя, генерал Дитрихс, два его офицера-ординарца, Н. А. Соколов и я нагрузили себе на плечи заранее приготовленные тяжелые чемоданы и направились к поезду генерала Жанена, стоявшему неподалеку от вокзала. Мы приближались, в нескольких шагах друг за другом, к платформе, когда последние из нас заметили появившихся неожиданно из темноты нескольких человек, которые подошли к нам с криками: «Куда вы идете? Что вы несете в чемоданах?» Ввиду того, что мы, не отвечая, ускоряли шаг, они собирались нас задержать и приказали нами открыть чемоданы. К счастью расстояние,

которое нам оставалось пройти, было уже не очень велико; мы пустились бегом и, минуту спустя, были у вагона генерала, часовые которого двинулись к нам навстречу.

Наконец все следственное производство было в верном месте. И пора было, ибо, как мы в этом только что убедились, за нами было установлено наблюдение. Час спустя, мы один за другим осторожно вышли из поезда и незаметно проскользнули между вагонами соседних эшелонов.

На следующий день генерал Дитрихс принес генералу Жанену шкатулку с реликвиями Царской семьи.

Это происходило 19 марта 1920 года.

Ничто не удерживало меня больше в Сибири. У меня было чувство, что я исполнил по отношению к тем, с которыми меня связывали такие жгучие воспоминания, свой последний долг, сделав все, что мог, там, где закончилась их трагическая судьба. Больше двух лет протекло с тех пор, как меня удалили от них в Екатеринбурге.

Екатеринбург!… С каким волнением, покидая Россию, я снова переживал в мельчайших подробностях тяжелые сцены, которые это название вызывало в моей душе. Екатеринбург — это было для меня отчаянье при виде бесплодности всех моих усилий, это была жестокая и грубая разлука; для них это была последняя ступень их долгого крестного пути, два месяца страданий, которые им было суждено перенести до конечного избавления.

Это было время, когда Германия хотела, во что бы то ни стало, восторжествовать и думала, что наконец добилась победы; и в то время, пока Вильгельм братался с Лениным, его войска еще раз пытались сделать натиск на Париж.

Среди полного крушения России было все же два места, где оказывали сопротивление; во мраке этой глубокой ночи оставалось два очага, где теплилось пламя веры.

Это была, с одной стороны, доблестная маленькая добровольческая армия генерала Алексеева, отчаянно боровшаяся против советских полчищ, в рядах которых находились германские офицеры. Это был, с другой стороны, Государь, который также, за дощатою оградой своего узилища, вел свою последнюю борьбу. Поддержанный Государыней, он отклонил всякое соглашательство. Им, кроме жизни, нечего было принести в жертву. Они предпочли отдать ее, нежели идти на соглашательство с врагом, который погубил их родину, похитив ее честь.

И смерть пришла. Но ей претило разлучать тех, кого жизнь так тесно сплотила, и она взяла их всех семерых, соединенных одною верой и одною любовью.

Я прекрасно сознаю, что события говорили сами за себя. Все, что я мог бы добавить, — как бы ярко волнение ни оживляло в моей душе этих дней, полных ужаса, которые я снова переживал порою час за часом, — все это показалось бы пустословием и неуместною сентиментальностью по сравнению с потрясающим значением фактов.

Я однако непременно хочу высказать здесь следующее убеждение: невозможно, чтобы те, о которых я говорил, напрасно претерпели свое мученичество. Я не знаю ни того, когда это будет, ни как это произойдет; но настанет без сомнения день, когда озверение потонет в им самим вызванном потоке крови, и человечество извлечет из воспоминания о их страданиях непобедимую силу для нравственного исправления.

Какое бы возмущение ни оставалось в душе и как бы ни было справедливо отмщение, было бы оскорблением их памяти желать искупления кровью.

Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою родину — они умерли мучениками за человечество. Их истинное величие не проистекало от их царственного сана, а от удивительной нравственной высоты, до которой они постепенно поднялись. Они сделались идеальною силой. И в самом своем уничижении они были поразительным проявлением той удивительной ясности души, против которой бессильны всякое насилие и всякая ярость и которая торжествует в самой смерти.

notes

Примечания

1

Чтобы показать цену подобных писаний, достаточно отметить, что в одной из таких книг, где весь рассказ основан на подлинном, проверенном показании *очевидца* Екатеринбургской драмы, можно прочесть описание *моей* смерти. Все остальное в том же роде.

Тем, кто хотел бы осведомиться о конце царствования Николая II, я советую прочесть замечательную статью г. Палеолога, французского посла в Петрограде, появившуюся в Revue des deux Mondes (с января 1921 г).

2

Приношу благодарность редакции Illustration, которая любезно предоставила нам клише карт и планов, помещенных в этой книге. — *Прим. автора.*

3

В 1909 г. мои обязанности наставника при герцоге Сергии Лейхтенбергском закончились. С тех пор я мог посвящать больше времени моим урокам при Дворе.

4

Внучка известного поэта — *Прим. перев.*

5

Императорская охота в Гродненской губернии. Это единственное, кроме Кавказа, место, где встречаются зубры — европейские бизоны, сохранившиеся в огромных лесах.

6

Древняя охота польских королей.

7

Обычно ребенка носил боцман Деревенко, бывший матрос императорской яхты «Штандарт». Он был приставлен к нему несколько лет перед тем.

8

Числа указаны как здесь, так и в других местах книги, по новому стилю.

9

Он носил ту же фамилию, что и боцман Деревенко, о котором была выше речь; отсюда постоянные недоразумения.

10

Королева Виктория не любила немцев и питала к императору Вильгельму II особое нерасположение, которое она передала своей внучке. Последняя всю жизнь чувствовала больше тяготения к Англии — своей родине с материнской стороны, чем к Германии. Впрочем, она сохранила большую привязанность к родственникам и друзьям, которых там оставила.

11

По-видимому молодую принцессу сильно волновала также перспектива обязательной перемены религии. Ее прямой и открытой натуре претило совершить акт, который не нашел бы одобрения ее совести. Священник, посланный в Дармштадт, чтобы ознакомить Алису Гессенскую с началами православной веры, сумел открыть ей ее красоту и расположить ее в пользу новой религии.

12

У нее было горячее желание улучшить судьбу женщин из простонародья, создавая больницы, родильные приюты; она хотела основать профессиональные школы и т. д.

13

Постоянный страх покушений на жизнь Государя или Наследника Цесаревича также способствовал истощению нервных сил Императрицы.

14

Отношения между Императрицей и Тютчевой никогда уже не были такими, как раньше, и она покинула свою службу весной 1912 года.

15

Доктор Боткин, сын знаменитого профессора Сергея Боткина, был придворным врачом.

16

Полк, несший личную охрану Государя и составленный из частей всех других полков гвардии.

17

Предметами обучения моего ученика в это время были: языки — русский и французский, арифметика, история, география и закон Божий. Он начал изучать английский язык лишь позже и никогда не брал уроков немецкого языка.

18

Трудно переводимое выражение, всего ближе передаваемое словами «добрый толстый тютька», употребляемыми для ласкательного обозначения маленького щеночка.

19

Ее Величество говорила с ними по-английски, Государь — исключительно по-русски. С окружающими Императрица говорила или по-французски, или по-английски; она говорила по-русски последнее время довольно свободно, но только с теми, кто не знал других языков. В течение всего времени, что я жил общей жизнью с императорской семьей, мне ни разу не привелось слышать, чтобы кто-либо из ее членов говорил по-немецки иначе, как вынужденный обстоятельствами: во время приемов, с приглашенными и т. д.

20

Я узнал, таким образом, что с 1-го января 1914 года до дня своей смерти, в декабре 1916 года, Распутин был у Алексея Николаевича всего три раза.

21

Сведения о г. Вырубове, полученные г. Жильяром, вероятно, из пристрастного источника, не соответствуют, насколько известно издательству, действительности. — *Прим. издательства.*

22

Чрезвычайная следственная комиссия, назначенная Керенским, установила ложность клеветы, распространенной насчет ее отношений с Распутиным.

Данные по этому вопросу установлены в докладе В. М. Руднева, одного из членов этой комиссии, напечатанном под заглавием: «Правда о Царской семье», Париж, 1920 г.

Приводимые им факты были подтверждены мне во время нашего пленения в Царском Селе полковником Коровиченко, о котором дальше будет речь.

23

Теперешний румынский наследник престола.

24

Теперь королеву Румынии.

25

Нынешний румынский король.

26

Кто мог предвидеть тогда, что эта свадьба могла спасти ее от ожидавшей ее ужасной участи!

27

Несколько недель спустя Саксонский король вместе с братом Императрицы, великим герцогом Гессенским были единственными из союзных германских князей, которые делали попытки предотвратить разрыв с Россией. Ему претило присоединиться к враждебным действиям против страны, где он был только что принят, как гость. Это не помешало ему, однако, после объявления войны держать самые воинственные речи.

28

Колесная яхта. «Штандарт» сидит слишком глубоко, что не позволяло ему взять нас прямо из Петергофа.

Эти подкожные кровоизлияния были особенно мучительны, когда они происходили в связках.

30

Распутин был отправлен в тобольский госпиталь и оперирован специалистом, присланным из Петербурга. Операция прошла блестяще, и восемь дней спустя больной был вне опасности. Его исцеление было сочтено за чудо: ни огонь, ни яд не действовали на того, кого явно хранил Бог!

31

Государь говорил, что дипломатия обладает даром делать из черного белое. Он рассказывал мне однажды по этому поводу, как Бисмарк определял, что такое посол: «Это — человек, посылаемый в чужую страну, чтобы обманывать в пользу своей.» Он добавил: «Они, слава Богу, не все его школы, но дипломаты имеют талант усложнять самые простые вопросы.»

32

Австрия задержала передачу ультиматума Сербии до той минуты, когда стало фактически невозможно, чтобы известие об этом дошло в Петербург до отъезда Пуанкаре.

33

Зимой 1918–19 года, когда я был в Тюмени, я видел копии этих телеграмм, текста которых впоследствии мне так и не удалось достать.

34

Германский генеральный штаб прекрасно знал, что перерыв русской мобилизации, ввиду ее крайней сложности (из-за обширности страны, малого количества железных дорог и т. д.), вызвал бы такую путаницу, что для возобновления ее потребовались бы три недели. Эти три недели, на которые ее опередила бы Германия, обеспечили бы ей победу.

35

Я слышал эти подробности из уст Анастасии Николаевны, которая мне их передала на следующий день.

36

Алексей Николаевич, еще плохо оправившийся после своего ушиба, усложнил свое состояние неосторожностью. Он не мог следовать за родителями в Петербург, и это было для них сильным огорчением.

37

Я не могу сказать, чтобы Императрица испытывала личную симпатию к Франции, с которой ее не связывали никакие воспоминания и к которой у нее не было природного предрасположения. Она не понимала французского склада ума и придавала слишком серьезное значение легкомысленным произведениям наших имморалистов. Сама она любила крупных поэтов XIX века.

38

Государь назначил Великого Князя Николая Николаевича, внука Николая I, Верховным Главнокомандующим русской армии тотчас по объявлении войны.

39

Под этими воротами Цари всегда проезжали в Кремль по прибытии в Москву. Они ведут из города на Красную площадь, которая тянется вдоль восточной стены Кремля.

40

Г-жа Вырубова перенесла свои ранения, но она выздоравливала очень медленно и вследствие этого случая осталась калекой.

41

31 августа 1914 года, по указу Государя Императора, Петербург был переименован в Петроград.

Это же чувство заставило его после отречения сказать одному из офицеров свиты: «И подумать только, что теперь, когда я уже больше не Император, мне не позволят даже сражаться за мою родину!» — Эта фраза вполне выражала его внутреннее чувство.

43

Французская армия в своем походе на Москву заняла Могилев 19 июня, и маршал Даву жил несколько дней в том же доме губернатора, где теперь поместился Государь с Алексеем Николаевичем.

44

Профессор Федоров сопровождал Государя во всех его поездках с тех пор, как он взял на себя верховное командование. Доктор Боткин и доктор Деревенко остались в Царском Селе.

45

Я хочу отметить здесь один случай, имевший место в начале весны в один из приездов Государя с фронта в Царское Село. Этот случай хорошо показывает характер чувств, которые Государь испытывал к немцам и которые он старался внушить своему сыну. Цесаревич играл в парке, где находился также и Государь с Великими Княжнами. Он проскользнул сзади самой младшей из них, не будучи замечен ею, и бросил ей в упор в спину большой комок снега. Отец, который издали наблюдал за этой сценой, подозвал его к себе и строго ему заметил: «Стыдно тебе, Алексей! Ты ведешь себя, как немец. Нападать сзади на человека беззащитного — это гадко, подло. Предоставь это немцам!»

Мне удалось самому убедиться в этом в конце 1915 года. Я встретил однажды у знакомых молодого офицера, который по своим политическим убеждениям был скорее хорошо расположен ко Двору. С глубоким негодованием он рассказал нам, что какая-то личность, по приказанию Императрицы, принесла подарки и деньги германским офицерам, лежавшим в одном с ним военном госпитале, и что этот человек даже не зашел в палаты, занятые русскими офицерами. Удивленный этим рассказом, я просил выяснить это дело. Было приказано произвести расследование, которое подтвердило точность сообщенных мне фактов; однако оказалось невозможным напасть на следы этого лица, которому удалось при помощи фальшивых документов заставить поверить, что он облечен официальным поручением. Случай заставил меня столкнуться с одной из многочисленных провокаций, организованных германскими агентами и на германское золото.

47

В ту минуту, что я пишу эти страницы, я нахожу полное их подтверждение в приводимой ниже выдержке из статьи французского посла в Петрограде г. Палеолога «Царская Россия во время великои войны» (Revue des deux Mondes, 15 mars 1921): «Вот уже несколько раз мне приходится слышать упреки, которые делают Императрице, будто она сохранила на престоле симпатии, предпочтения и долю нежности к Германии. Несчастная женщина никоим образом не заслуживает этого обвинения, которое ей известно и повергает ее в отчаянье. Александра Феодоровна ни умом, ни сердцем — не немка и никогда ею не была…» Далее: «Ее воспитание, образование, ее умственное и нравственное развитие — были чисто английские; по своей внешности, манере себя держать, по некоторому оттенку холодной сдержанности и пуританизма, по непримиримой и воинственной суровости своей совести, наконец по многим интимным своим привычкам, она еще до сих пор осталась англичанкой. Этим ограничивается в ее характере то, что сохранилось в ней от ее западного происхождения. Сущность ее природы стала вполне русской. Прежде всего и несмотря на враждебную легенду, которая создается вокруг нее, я не сомневаюсь в ее патриотизме. Она любит Россию горячей любовью».

48

Я узнал лишь впоследствии, что заменивший Сазонова министр иностранных дел Штюрмер, чтобы сломить сопротивление Бухареста, без сношения со Ставкой обещал посылку войск в Румынию.

История выяснит когда-нибудь роль Штюрмера: если он не искал сближения с Германией, хотя все как будто докаэывает это, то он тем не менее принес непоправимый вред своей родине преступной беспечностью и полным отсутствием совести.

Уже по самому своему воспитанию, монарх — человек всего хуже подготовленный к предстоящей ему задаче и ему впоследствии невозможно восполнить этоть пробел.

Чем более он хочет сам править, тем менее он в курсе того, что происходит; чтобы отдалить его от его народа, ему доставляют только искаженные, подтасованные и подстроенные сведения. Отдают ли себе отчет в силе сопротивления окружающей его среды, в непобедимой косности бюрократии, застывающей в обычном своем формализме и в рутине? Сколько бы силы воли, сколко бы упорства он ни проявлял, чтобы узнать истину, удается ли ему это когда-нибудь? Наполеона, который прошел, однако, школу жизни и достиг престола своим гением и смелостью, испытал общую участь всех монархов. Разве в последние годы своего царствования, он знал еще, что делалось во Франции? Сохранил ли он ясное представление о действительности?

51

Казалось, что какой-то рок упорно покровительствовал Распутину. Однажды Государю передали весьма подробное расследование о разгульной жизни старца. Просматривая его, он заметил, что в день и час, в который произошел один из указанных в расследовании фактов, Распутин как раз находился в Царском Селе. Этого было достаточно, чтобы убедить Государя, что весь доклад представляет из себя сплошную клевету.

52

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна создала в Москве небольшую религиозную общину и была ее настоятельницей. Она жила в ней, удалившись от света и посвящая все свое время молитве и добрым делам.

53

Я знаю эти подробности от г-жи Шнейдер, лектрисы Императрицы, которая в былое время состояла при Великой Княгине Елизавете Феодоровне и сохранила к ней глубокую привязанность.

Обстоятельства смерти Распутина, были воспроизведены в газетах того времени. Здесь достаточно кратко напомнить их. Его смерть была последствием заговора, в котором приняли участие, между прочими, Великий Князь Димитрий Павлович, двоюродный брат Царя, князь Ф. Юсупов, женатый на родной племяннице Николая II, член Думы монархист Пуришкевич и сопровождавший его доктор Лазаревский. Великий Князь своим присутствием хотел показать, что этот заговор не был проявлением бунтарства против Государя, а карой преступника, которого осудил народ за то, что он злоупотребил доверием своего Царя.

Распутин был убит в ночь на 30 декабря. Князь Юсупов заехал за ним очень поздно вечером в автомобиле и привез к себе. Сначала попробовали отравить его, но, так как действие яда заставляло себя ждать, князь Юсупов и депутат Пуришкевич убили его выстрелами из револьвера. Тело его было брошено в Неву, где его нашли через два дня.

Здесь, разумеется, идет речь о сознательной части России. Темная масса русского народа была довольно безразлична к личности Распутина, и среди тех, кто знал о его существовании, многие относились к нему сочувственно. Его смерть была принята многими, как месть придворных кругов, ревниво охраняющих свои прерогативы. «Единственный раз, что наш брат дошел до Царя», говорили они, «и тут господа его убили». В глазах мужиков, главными виновниками были те, кто разъединяли Царя с народом, не давая его милостям доходить до них. Об этом свидетельствовала поговорка: «жалует Царь, да не жалует псарь». Поговорка эта выражала веру народа в доброту Царя и ненависть к людям, его окружавшим.

56

Людендорф «Воспоминания о войне», Т. II — Людендорф не говорит, по понятным причинам, о неустанных усилиях, которые прилагала Германия, чтобы вызвать ту русскую революцию, которая «внезапно осуществилась».

Разве это представление не находит себе отражения в народной поговорке, выражающей простодушную веру крестьянина и его сознание своего бессилия: «До Бога высоко, до Царя далеко»?

Людендорф преувеличивает роль держав Согласия в русской революции, когда пишет: «В марте 1917 г. революция, вызванная державами Согласия, свергла Царя». Движение было поддержано, а не вызвано союзниками, но Людендорф правильно указывает, каковы были ее немедленные последствия для Германии: «Революция неизбежно влекла за собою уменьшение боеспособности русских, ослабляла державы Согласия и значительно облегчала нашу тяжелую задачу. Главное командование получило возможность тотчас же выгадать существенную экономию в войсках и боевых запасах, а также предпринять смену дивизий в большом масштабе». И дальше: «В апреле и мае 1917 г. нас спасли не победы на реке Эн и в Шампани, а русская революция» (Людендорф, «Воспоминания о войне» т. II). Итак, по признанию самих немцев, без русской революции, война окончилась бы осенью 1917 г., и миллионы жизней были бы сохранены. Отдают ли себе отчет в силе, которую имел бы Версальский договор, подписанный державами Согласия вместе с Россией? Германия, взятая в тиски, не избежала бы своей участи побежденной державы. Своими последствиями (большевизмом) русская революция бросила Россию в объятия Германии, и в них она осталась. Германия одна в силах организовать и извлечь выгоду из огромных ресурсов, которые она представляет; в России Германия готовит свою отплату державам Согласия.

59

Россия приступила к реорганизации армии, которая увеличивала количество дивизий и давала в результате значительное увеличение сил.

60

Профессор Федоров отдавал себе отчет в том, что каждый час промедления уменьшает возможность предотвратить надвигавшуюся катастрофу, и стал разыскивать генерала В., занимавшего один из высших постов в свите Государя. Он нашел его на приставной лестнице, занятым прибиванием гвоздя в стену для какой-то картины. Федоров поделился с ним своей тревогой и умолял его сейчас же пойти к Государю. Но генерал обозвал его «маньяком, заболевшим страхом революций», и, взяв молоток в руки, продолжал свое занятие, прерванное докучливым посетителем.

А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова. — *Примеч. издательства.*

Большим несчастьем для Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны было их слишком раннее воцарение. Они могли бы, подобно Людовику XVI и Марии Антуанетте, воскликнуть при своем восшествии на престол: «Боже! защити нас, сохрани нас, мы слишком молодыми начали царствовать!»

История отдаст им должное. Чего только не писали о Людовике XVI во время французской революции? Каких обвинений только на него не возводили! Каких клевет не придумывали! А в наше время школьники во Франции учат, «что он был честен и добр и стремился ко благу народа». (Малэ, Революция и Империя, стр. 12). То же будет и с Николаем II с тою лишь разницею, что он кроме того, отвергнув всякое соглашательство с врагом, умер жертвой своей преданности родине.

63

Другая императорская резиденция в 20 километрах на юго-запад от Петрограда.

Мука Императрицы в эти дни смертельной тревоги, когда, без известий от Государя, она приходила в отчаянье у постели больного ребенка, превзошла все, что можно себе вообразить. Она дошла до крайнего предела сил человеческих; это было последнее испытание, из которого она вынесла то изумительно светлое спокойствие, которое потом поддерживало ее и всю ее семью до дня их кончины.

65

Последующие страницы, равно как и предыдущие главы, появились уже в журнале «Illustration» в декабре 1920 и январе 1921 г. — Я даю здесь, однако, больше выдержек из моего дневника. Кроме того, я пополнил некоторые части своего рассказа и внес кое-какие поправки в подробностях.

66

Полковник Кобылинский за несколько времени до того заменил полковника Коровиченко в качестве коменданта дворца.

67

Граф и графиня Бенкендорф, преклонные годы и слабость здоровья которых не позволили им нам сопутствовать, баронесса Буксгевден, задержанная своею болезнью и хотевшая, как только сможет, приехать к нам в Тобольск, и некоторые из слуг. Керенский приказал спросить Государя, не желает ли он заменить кем-нибудь графа Бенкендорфа. Государь ответил, что если бы генерал Татищев пожелал разделить с ним заточение, он был бы очень счастлив. Узнав о желании своего монарха, генерал Татищев немедленно устроил свои дела и несколько часов спустя, с чемоданом в руках, отправился в Царское Село. Мы застали его уже в поезде в момент отъезда. Генерал Татищев не имел должности при Дворе, он был одним из многочисленных генерал-адъютантов Государя.

Четыре монахини, приходившие вначале петь во время службы, были заменены хором одной из тобольских церквей.

69

Их Величества имели обыкновение оставлять у себя пить чай, который Государыня разливала сама, фрейлину графиню Гендрикову, генерала Татищева, князя Долгорукова и, когда их занятия им это позволяли, г-жу Шнейдер и доктора Боткина. Из всех участников этих вечерних чаепитий в Тобольске я теперь единственный, оставшийся в живых.

Рубль в то время имел, приблизительно, лишь пятую часть своей нормальной ценности.

71

Мой коллега мистер Гиббс присоединился к нам в Тобольске в течение сентября.

Императрица намекала на отречение Государя.

73

Во время ледохода в течение нескольких дней реку невозможно было переехать, надо было ждать, пока восстановят паром.

74

Крестьянская повозка, состоящая из большой плетеной корзины, положенной на две длинные жерди, служащие рессорами. Сидений нет; сидят или лежат на дне корзины.

75

Дом, принадлежащий местному богатому купцу.

Я считаю долгом отдать справедливость весьма мужественному поведению английского консула г. Престона, который не побоялся вступить в открытую борьбу с большевистскими властями, рискуя своей личной безопасностью.

77

В мае 1918 года чехо-словацкие войска, состоявшие исключительно из бывших военнопленных, представляли из себя, вследствие усиления их Керенским, две полные дивизии; они были расположены вдоль сибирской железной дороги от Самары до Владивостока; их собирались переправить во Францию. Германский генеральный штаб, желая помешать этим войскам присоединиться к силам союзников в Европе, дал большевикам приказание их обезоружить. Вслед за отклонением чехами ультиматума, между ними и большевиками, которыми командовали немецкие офицеры, вспыхнула вооруженная борьба. К чехо-словацким войскам не замедлили присоединиться добровольческие отряды. Таково было происхождение движения, начавшегося в Омске и охватившего вскоре всю Сибирь.

Союзники решили воспользоваться происходящим в Сибири противобольшевистским движением и использовать на месте чехословацкие войска, создав на Волге против германо-большевистских войск новый фронт, который мог бы произвести диверсию и притянуть часть немецких сил, освободившихся после Брест-Литовского договора. Отсюда — посылка Англией и Францией военных и гражданских миссий в Сибирь. Во главе антибольшевистского правительства в Омске стоял тогда адмирал Колчак.

Цель, которую преследовала Германия, была монархическая реставрация в пользу Царя или цесаревича под условием признания Брест-Литовского договора и последующего союза России с Германией. Это предположение провалилось вследствие сопротивления Императора Николая II, который, вероятно, сделался жертвой своей верности союзникам.

Медведев был взят в плен при занятии Перми антибольшевистскими войсками в феврале 1919 г. Он умер месяц спустя в Екатеринбурге от сыпного тифа; он утверждал, будто присутствовал только при части драмы и сам не стрелял — другие свидетели удостоверяют обратное. Это классический прием, к которому прибегают для своей защиты все убийцы.

81

Вскоре после моего отъезда мнимый Цесаревич кончил тем, что признался в своем обмане.

Французскую военную миссию постепенно эвакуировали на восток, и она находилась в это время в Харбине.